

16+

Мария Хохлова

Последний рассвет

Мария Хохлова
Последний рассвет

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хохлова М.

Последний рассвет / М. Хохлова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Туманный Альбион, как пленительный гений сковал белоснежным мистическим сном три судьбы, нашедших друг друга в череде испытаний и потерь. Они станут горем и счастьем, добром и злом, любовью и ненавистью в короткий промежуток, который отвел им беспощадно красивый последний рассвет.

... Одиноко. Тоскливо. Печально... Пустота сковывает и рвёт на части, заставляет сходить с ума, и бежать не оглядываясь, в придуманный мир фантазии и грёз, заставляет отвлечься от окружающего мира, променяв его на приторный сироп иллюзорных сновидений, который действительно спасает, и дарит крылья. Но зато, как болезненно, открыв глаза, увидеть, что всё по-прежнему, всё так же, как и было – одиноко, тоскливо, печально...

– Ты мне подаришь его? Ты же прекрасно знаешь, что для меня это значит! С каким нетерпением жду рождения нового дня, и его благополучного завершения, я очень надеюсь на твоё всеильное могущество, верю в твою поддержку! Прошу, всели в меня уверенность прожить достойно, грядущее, неизбежное утро, однообразный и скучный день, и хмурый недобрый вечер, крепко слитый, с непроглядной ночью. Совсем скоро, горячее солнце проснётся, и всё изменится... изменится и оживет... – шептала в полуоткрытое окно, которое щедро одарило напряжённый воздух, засыпающей ночной прохладой – прости, если было что – то лишнее в моих словах, прости, если желаю невозможного, а так наверно и есть, я слишком настойчива в просьбах, и в этом моя беда. На время оставлю тебя, до момента тревожных событий, свершаться которые в миг, значит, до следующего утра.

Небесное полотно приумножило радужных красок. Теперь уже небесная синь, оставив за плечами хаос тьмы, жадно поглощала лучи проснувшегося солнца, которое лениво выползло из своего уютного пристанища, окружаемое, такими же неторопливыми серыми облаками. Безмятежную ночную тишь, ярко скрасили голоса активных, жизнерадостных птиц, начавших неутомимые поиски пропитания для себя, и своих голосистых, вечно голодных птенцов. Жизньность крупнее, не менее активно сновала с подобными целями, и хищно и жадно выла, от безутешных поисков. Молчаливое озеро дремало, подгоняемое лёгкими порывами влажного, едва уловимого ветра, несущего из далёкой тишины уходящей ночи, обрывки несмело прошедшего, морозящего дождя. Старый, нагловатый плющ, туго пеленавший столетние деревья, захватил в свои объятия каменную стену замка. Пытаясь поработить себе площадь всё больше и больше, он приподнял свои листья к небу, и умоляюще кивал, как бы соглашаясь, с могуществом ветра и солнца..

– Как ты изменился, а я тебя помню, совсем крошечным, без намёка на продолжение жизни – пронзил тишину тот же несмелый, печальный голос – сколько лет мои глаза не замечали тебя, не видели. Слезы, сопровождающие меня по линии жизни, затмили всё и вся, построили нерушимую крепость, чтоб не видела света, а надо верить, мир прекрасен – она пристально смотрела на разросшуюся зелень, удивляя себя проведённой параллелью, уверив, что и её перемены коснуться, прекратит быть миниатюрным росточком в руках судьбы, превратиться в окрепшее дерево, самостоятельное, и независимое ни от каких перемен.

– Боже мой, боже мой, Аделия, ты жалка и несчастна в своих бредовых рассуждениях! Я устала ловить себя на мысли, что ты, моя сестра, играешь мыслями, совсем не так как полагается, находишь в себе комок рассуждений, глупых и беспочвенных, и поддакивая им идёшь на поводу больного воображения, так нельзя, так нельзя.

– Я вполне счастлива, в отличие от вас, не умеющих видеть красоту и бесценность окружающего – на бледном, уставшем лице появилась улыбка – прекрасно понимаю, что являюсь черным пятном на белом фоне нашей красивой и влиятельной семьи. Мне очень сложно выживать здесь, среди вас, пускай и родных для меня людей, и ... почему ты не спишь? Зачем преследуешь меня? – попыталась уйти от назойливой темы, такой актуальной и бессмертной, в последние несколько лет.

– Мы все обеспокоены...

– Чем?! Кто ещё среди нас глуп и несчастен! Для кого тень, и реальный человек, из плоти и крови, это совершенно одно и то же?! Для вас нет разницы между порывами прохладного, свежего ветра, и сыростью подвальной мглы. Для всех вас, мечты, это непоправимый грех –

разгоряченная Аделия, задыхаясь от ярости, метала злобные взгляды на робко стоящую сестру, которая уже не раз пожалела о затеянном разговоре – прошу, оставьте меня в покое, не стоит упорно ломиться в мой сказочный мир, забывая позаботиться о своём, уныло умирающем.

Ни говоря ни слова, ни покорив лицо эмоциям, Изабелла, спокойная, и даже безразличная к близким её людям, отдала дань сестринской заботы, пускай и фальшивой, и тихо, спокойно, уже забыв о прошедшем разговоре, оставила покои юной мечтательницы, и направилась на поиски новых сплетен, в кипящую работой, непрерывной беготнёй, оживлённую кухню. Она безумно любила, посещать это место, ей нравилось слушать бестолковые споры простых, малообразованных людей, истории нелегкой жизни, совсем незнакомой, необычной для её ушей. Она с замиранием, трепетом ждала момент, когда кухарки выделив себе пару минут заслуженного отдыха, садились в тесный круг, пылко и жадно обсуждая недостатки или достоинства, тех или иных. Бесхитростно ведали о своей лихой молодости, порой густо вгоняя в краску не привычную графиню, совершенно случайно вырвавшимися откровениями. Совсем напротив, Аделия, сторонилась общественной суеты, её не привлекал шумный нрав двух сестёр, одна из которых, просто жила, и дышала порокам и ошибками других, вторая, не опускаясь на грешную землю, дабы не навредить себе, воспевала себя и свою холодную красоту, которой гордилась, считая лишь себя, и больше никого даром Божьим.

Всеми известное, громкое имя семейства Монтескьери только росло и расцветало с каждым годом с новой силой, оно стало примером для подражания, о нем вели беседы, что в высоких кругах светского общества, что в уличных лавках. Качая головой, прищутив хитро глаз, блаженно представляли, сундуки полные монет, и бочки ломящиеся от несметных сокровищ. Уважение, как и к любому благородному семейному наследию, было главным и центральным, в развитии неотъемлемой ветви высшего света, положившее на плечи завистников немую печать. И возможно, не стоило бы это имя, и ломаного гроша, если бы не цепкие руки главы семейства, который вовремя взял бразды правления, от своего кровного врага, ненавистного и прежде любимого, родного отца.

Винченцо Монтескьери, жесткий и строгий человек, умеющий правильно мыслить, правильно располагать могуществом и возможностями, которые открывались перед ним. Умеючи распорядился своей жизнью, посвятив её воспитанию сыновей, вложив в них всю свою душу, подарил им, только для них мягкое сердце, он преподнёс им себя, но итог для него оказался плачевным, бросив все начинания, и всё, что было создано таким трудом, он замкнулся в себе, пустив всё на самотёк. А причина была, и весьма значительная. Старший сын, Дериан, который многим походил на отца, и подавал надежду, на отличного приемника, имеющий прекрасные управленческие способности, просто – на просто, покинул родные стены, и ушёл странствовать, разозлив старого графа словами « мне нет никакого дела, до этой рутинной работы, пускай мой милый братишка возьмется за это дело, а я, пожалуй уйду... ». В молодой голове юноши, играл ветер, и тяга к осознанию нового, перевесила желание беспроблемного роскошного существования. Он испарился, а вместе с ним и растаяла последняя надежда Винченцо. Ну а что же Лансере, его младшее чадо? Лансере, это добрейшее, податливое, крайне скромное создание, единственное предназначение которого, это создание тёплого, уютного, закрытого от всех бед и ненастий, семейного гнезда. Он не был рождён, для решения сложных задач, политики, или вопросов касающихся лесной промышленности, или земледелия, которые развивались так же благополучно, но пришли бы в незамедлительный упадок, если бы, заботливая, и светлая душа Лансере, взвалила на свои плечи, сию тяжёлую ношу.

Время шло, проблемы росли, не находя решений, они размножаясь, порождали новые беды, всё катилось прахом в бездну, сказочное благополучие изживало себя. Слезы на глазах печального графа, превращались в кровь, его душа, искалеченная и слабая сгорала. Его не сколько не обрадовала благополучная женитьба Лансере, не изъясил особой радости, при появлении на свет двух прелестных девочек, Мадлен и Изабеллы, духом, он покинул этот

свет, оставалось, лишь тело, посеревшее, тусклое, безжизненное. Он травил себя, ругал, что в сердцах, после долгих скандалов, всё-таки, даже не отпустил Дериана, а грубо, и безжалостно выгнал, выставив за дверь, поклявшись, что не пустит за порог, никогда, и ни при каких обстоятельствах. А тот ушёл, молча оглянувшись в ответ, нарисовав ироническую улыбку на лице. Почему, он никак не мог понять, один ребёнок, не может заменить другого, почему он не может, взглянув на счастливого Лансере, воспрянуть, окрылиться, и зажечь новой жизнью... Ведь не всё потеряно, возможно, его скитания, это первый шаг осознания взрослой жизни, попытка проверить себя, закалиться, и наконец познать, чего именно нужно душе, тишины и покоя, или бесконечного движения, семейного тепла, или шумных вечеров, под звон фужеров. Но Дериан, не стал мелочиться, а избрал всего и в избытке. Продолжил бурные кутежи, будучи обременённый семьёй, не забылась и привычка покидать близких на неопределённо длительный срок, посвящая себя друзьям, и тем многочисленным беспричинным банкетам. Он вернулся, спустя десять лет, не потому, что тосковал, а просто, пресытился свободой, и всеми её атрибутами, и к тому же захотелось от жизни нового этапа, ещё не знакомого и тайного, заложенного матушкой природой. С его появлением, всё встало на свои места, он невольно, сам того не осознавая, принялся поднимать, промышленность и хозяйство, находящиеся в крайне плачевном состоянии. Его любили, но его боялись, точно так же, как и Винченцо Монтескьери, который моментально покинул графство, и скрылся за пеленой океана, прекрасно понимая, что замок слишком мал, для двух одинаковых людей.

Дверь кабинета была слегка приоткрыта, жуткие и громкие крики оттуда ничем не пугали, не удивляли и душераздирающие, громогласные песнопения. Задымлённая и пронизанная алкоголем комната, походила на беснующуюся, оживлённую таверну, которая вдохнула в себя всю брань, споры, недовольные разбирательства. Политические темы, рождённые в самом начале шумного вечера, актуальные и вечные, постепенно таяли, под разгорячёнными головами собравшихся, они уходили вдаль, затопленные не одной бутылкой вина и рома, их меняла обезображенная и глупая, тематика грязи и фальши, бескультурного отражения действительности.

– Я не устану повторять, вновь и вновь, что среди нас всех собравшихся, среди такого великого числа достойных и влиятельных, есть одно лицо, которое бросит вызов смерти, осмеёт её и даже унизив, может плюнуть в лицо! Наш Чёрный Граф, светлая душа – Дериан! – слабым и дрожащим голосом, протянул, старый офицер Дональд Паркед, верная личность, заслужившая одно из почетных мест, в списке друзей Монтескьери.

– Твой враг – язык, и ты прекрасно знаешь это – недовольно и грубо, озлобился граф. Он пробежал глазами по жизнерадостной толпе, как всегда перебирая свои серые, никому не поведанные мысли. В его руках, пустовал фужер. Крайне рассердился на это, на невнимательность молодого слуги, который только осваивал навыки закалки в отношении непоколебимого графа, а позже заслуживший наказание, находится под строжайшей опекой старого, ворчливого, но знающего свой долг дворецкого. Монтескьери, был вездесущ, как считалось, в слоях низшего класса, он знал о всех и вся, он имел всю информацию, о каждом, о проделанной им работе, знал о малейших погрешностях производства, даже появлялся в тот момент, когда на фабрике происходила малейшая заминка, или зарождение забастовки, каким-нибудь бестолковым трудягой, который сам не знал чего хотел. Нет, граф не был циничным скрягой, он бал строгим, справедливым человеком, умеющим управлять массами, каковым и положено быть, в горячий XVII век.

–Эй, опять уходишь, в думы, тебе лишь понятные! – громко завопил Паркед, трясая за плечо поникшего графа – ты чего?

За окном собиралось ненастье, озеро беспокойно волновали порывы ветра, Дериан панически глядя на это произнёс:

– Самовольно обрёл себя на заточение, как я устал от этого!

– Ты не знаешь цену, принадлежащее тебе счастья, ладно, не беру во внимание твоё состояние – покачивая головой рассуждал Паркед – твоя супруга, это редкий клад, терпеливый, ко все твоим грехам, и – он не успел довести свою мысль до конца, как почувствовал, что какая-то сила крепко сдавила его дыхание.

Взбешённый Монтескьери, разъярённо вцепился в горло несчастного друга, и медленно просипев, проговорил:

– Уйми свой язык! Однажды он станет причиной несчастного случая! Никогда больше, ни слова, про мою личную жизнь, тем более, ты прекрасно знаешь, что происходит с завистниками, намекающими на мою жену, она не объект для рассуждений! – немного ослабив силу в своих пальцах, Дериан продолжил, безжалостно глядя, на багровое лицо пострадавшего – меня никогда не интересовали другие женщины, никогда! Я в отличие от тебя, хоть и имею слабость к алкоголю, но при живой жене, завязывать отношения с другими это грязно и мерзко!

– Эй – эй друг, полегче! – прибежал на помощь, к Паркеду юный капитан, шумный и неугомонный, Джонатан Бертон – Ты сейчас задушишь старика!

Флегматичный и спокойный, крайне горделиво и вальяжно подошёл к разгорячённым, выясняющим отношения людям, солидный и трезвый мужчина, такой же отставной офицер, как и несчастный Паркед.

– Юноша, я тебя сердечно прошу, не вмешивайся, а то, того и гляди, сам схлопочешь – в его зубах дымилась добротная сигара, она покорно перекачивалась, из одного уголка рта, в другой, источая приятный медовый аромат. Он последовал дальше, изучая шикарную обстановку кабинета, словно он не бывал здесь ранее.

– На что ты так зол? – процедил жалобно Паркед, пытаясь отстранить от себя Монтескьери – ведь не моя вина, в том, что своей скрытностью, затворническими мыслями притягиваешь к себе все сплетни, и являешься эпицентром домыслов и загадок! Твоя семья запугана, они все боятся тебя! Не поверю, что это не замечают твои проклятые глаза! Можешь убить меня прямо здесь, пожалуйста, всё равно это тебе сойдёт с рук! Твоя родная и единственная дочь, я уверен, скоро назовёт отцом добряка Лансере, который любит её не меньше, чем своих дочерей, мне до глубины души жаль бедного ребёнка, обделённого отцовской лаской и вниманием! – Паркед глубоко вздохнул, глядя в удручённые, задумчивые глаза графа. Но моментом спустя, они как и обычно налились желчью и злостью, не долго на его лице продержалась маска истины, Дериан гневом стёр её и завопил, что было сил:

– Выметайся, лживый подлец, свою наглость запрячь подальше! На этот раз я не стерплю твоих мерзких разговоров и обвинений! Я устал тебя прощать, на этот раз хватит!

Граф Монтескьери толкнув локтём внимательного слушателя стоящего за его спиной – начинающего капитана, взял за грудки старика Дональда, и швырнул в сторону кресла, но к счастью, того вовремя поймали ожидавшие исхода драмы опытные гости беспокойного тёмного графства.

– Твоя сила, по отношению ко мне, как к мужчине, оправдывается – прокричал возбуждённый Паркед – но такое же отношение, вот только к женщине, возмутительно, подло и гадко! Называя женщину любимой, и противоречиво колотить, обезображивая ей лицо, вот это наказуемо, слышишь меня бессердечное дьявольское создание!

Громкая толпа, как стоворившись кинулась на графа, зная его реакцию на слова такого рода, он был пьян но сила бушевавшая в нём, рвала цепкие оковы совместных действий, его гнев пугал, даря ему дополнительные очки. Объект агрессии насильно увели, отправив поскорее домой, приставив охрану, в размере несколько человек, дабы предотвратить повтор активных действий. Такого характера, был практически каждый вечер позитивно начатый, но негативно подытоженный рукоприкладством, и всегда всё начиналось с какой-нибудь безобидной шутки, обращённой к графу Монтескьери. Его было очень сложно понять, считалось, вне глас-

ным запретом, покорять его слуху юмор, косаемый семьи и смутного прошлого, нависшего плахой над обнажённой шеей.

Апартаменты медленно пустели, звуки тишины начали подавлять умирающие фрагменты уходящего бурного мероприятия, отголоски веселья меняла потускневшая, серая, полная грусти ночная атмосфера тоски. Несмелая луна, затаилась за одной из башен, и выжидающе ждала, глядя на метания строптивого графа, который поддался её влиянию, и то и дело бросал взгляды в холодное небо, полное свободных надежд. Им играли последние слова Дональда Паркеда, они, комкая душу, заставляли задуматься, и заново пережить, те конфликты, неоднократно порождаемые каверзными вопросами и намёками дотошного офицера, который, тем самым пытался наладить душевные переживания, вывести на чистую воду, вызвать на откровения, попытки которого заканчивались подобными, полными агрессии инцидентами.

Дериану, чужда была мысль беспокойства о дочери, а если точнее, он не понимал смысла, трепетать и боготворить своё чадо, как делал это, его брат Лансере, сумасшедше влюблённый в заботы о близких. Железная логика твердила, к чему беспокойство, если ребёнок рядом, если рядом любящая мать, а он – глава семейства, противоречиво забывший, о своих прямых обязанностях. А Аделия тянулась к нему, пускай, не получая желаемого в ответ. Она трепетно любила его не взирая на грубый нрав, она не показывала этого, просто рисовала на лице апатичное безразличие. И страх не рождался в её глазах, как бы естественно это не казалось, в данных ситуациях. Он был её отцом, пускай таким, главное, что он был, а остальное не столь важно.

Время перевалило за полночь. Пытаясь спрятаться от гнетущих мыслей, граф Монтескьери устроившийся на полу, под рядами книжных полок, продолжал преданно смотреть на ночное светило, копаясь в тайниках своей памяти. Он покорно чередовал всевозможные напитки, одурманивая и без того опьянённую голову. Именно сегодня, как никогда раньше, он начал задумываться о своей семье, ему стало страшно, что в очередной раз, он жестоко оскорбил настоящего, верного человека, который силой открывает ему глаза, а он, такой подлец, сопротивляется. И чем его деятельность и строгий контроль над трудящимся классом крестьян и фабричных рабочих, может помешать тёплому семейному развитию отношений? Разве работа и строгое выполнение обязательств, можно ставить выше семейного счастья и благополучия? Получается, что да, материализовывать в жизнь задумки и планы, обращённые к росту стабильности во всех затрагиваемых им сферах деятельности, но падать в глазах родных людей, опускаясь до самой низкой отметки уважения и любви.

Дериан, не единственный, кто встречал эту ночь без сна. Обеспокоенная происшедшим Аделия, озадаченно бродила по коридорам замка, она всегда сильно переживала, за каждую подобную выходку отца, и ей было нестерпимо обидно, что исправляться он не спешит. Уже вторые сутки, никак не удавалось ей заснуть, истощённая томлениями о происходящем, она изводила себя, прекрасно понимая, что всё это, больше чем бессмысленно и напрасно. Спускаясь по парадной лестнице, она несколько раз останавливалась на длительный промежуток времени, обдумывая всё наперёд, каждый шаг, приближающий её к отцовским апартаментам. Было действительно страшно, сердце выбивало барабанную дробь, нет, становилось жутко от мысли, что слова не найдут себе применения, и предательски замрут на губах. Пройдя обширную гостиную, несколько бесполезных и просторных залов, остановилась в стенах картинной галереи, насчитывающей, десятки сотен всевозможных полотен – портретов и эскизов. Жизнь замерла в этих трагикомических лицах, навечно, навсегда, витая в воздухе тёплым дыханьем. Напитав себя положительной энергетикой, и крепкой уверенностью, проскользнула мимо лоджии, дверь которой была открыта, и ночной, прохладный ветер, неприятным свистом пел в распахнутых объятьях, каменного дьявола, искусной ручной работы. Аделия вздрогнула, увидев бесцельно бьющуюся о белоснежные, резные стены, чёрную летучую мышь, контрасты

играли в воображении, фантазии дорисовывали жуткие картины, и, ускорив шаг, она поспешила дальше.

– Не меня ли пришла навестить? – раздался знакомый грубый голос, пронзая насквозь тишину и мрак полупустого помещения.

Аделия повторно вздрогнула, всматриваясь, в приближающийся к ней силуэт. Слегка покачиваясь, напротив неё остановился бледный, с лёгкой синевой под глазами, граф Монте-скьери. Как он был жалок и мерзок, с какой силой, разило от него немалым выпитым, испарилось, то величие и могущество, в каждой черте его строго, выточенного, словно из камня лица, тот великий граф умер, осталось лишь обкраденное пороком существо, сломанное и безжизненное. Его длинные пепельные волосы были растрёпаны, пронзительные, светло-зелёные глаза так же, как и прежде, искрились кошачьим блеском, источая болезненное равнодушие. Он ехидно поморщил свой высокий лоб и, изобразив иронию на тонких губах, повторно спросил:

– А-а-а что будет угодно Вам, юная мисс?

Граф опёрся рукой о стену, и медленно поплёлся обратно, в свой тихий мирок, иногда разбавляемый шумом и суетой.

– Пойдём, что мы как не родные – он, приложив не малое усилие, отворил тяжёлую дверь, та с трудом поддавалась, чиркнув о горлышко бутылки глядевшее из кармана. Раздался звон разбитого вдребезги стекла, затем недовольный рёв – Чертовская сила, что бы тебя... – продублировав свою усмешку, он аккуратно перешагнул осколки и разлитое вино, кивая Аделии, что бы она следовала за ним.

– Я внимательно слушаю тебя – воскликнул он, садясь в кресло – чем могу быть угоден, в столь поздний час?

Аделия потупившись, опустила глаза, её ожидания не обманули, слова растаяли на губах, а мысли предлагали, лишь глупый набор, полных смелости фраз.

– Аделия, не могу понять твоего молчания? К чему эта встреча? – осыпал вопросами, растерянное чадо граф – чего ты от меня хочешь, может, объяснишь всё-таки?

Не дождавшись ответа, он, резко встал, направившись к столу. Небрежно выбрал из шкатулки несколько сигар, одну из которых, блаженно закурил, оставшиеся бросил в карман. Устремил ищущий взгляд на груды пустых бутылок, смутился, и тихо прошептал:

– И это всё? Странно...

– Нет, не всё отец – как можно тише сказала графиня, поднимая с пола объект поисков, закатившийся под стул.

Он удивлённо вскинул брови, и поспешно подошёл к Аделии. Ловко вынул из её рук вино, и озадаченно заметался, погружившись в очередные поиски. Наконец, увенчанный успехом, он шустро наполнил два хрустальных фужера, один из которых, протянул потерянной Аделии. Отрицательно покачав головой, она отшатнулась назад.

– Ну что же ты так, я конечно не настаиваю! Вино продукт жизни и молодости! Один фужер за здоровье, последующие... а вот это уже слабость...

Аделия скромно улыбувшись, приняла отцовский дар. Сделав несколько внушительных глотков, почувствовала лёгкую слабость, решив, что этого недостаточно, осушила дно фужера. Лёгкая волна онемения сковала ноги, ей захотелось сесть, но они слабо слушались. Заметив, происходящее с дочерью, граф поспешно обнял её и проводил к дивану.

– Теперь тебя понятна сотая доля моего состояния, сначала это желание ощутить лёгкое забвения, затем, это перерастает в привычку, всё очень сложно...

Аделия, уткнулась лицом в плечё отца, ей было уютно и тепло, как никогда, она ощущала, что её одномоментное счастье граничит с невозможным, что это сон, и она боялась проснуться. Дериан опустил голову, и с тёплой улыбкой взглянул, на прижатый к нему комочек, в котором играла его кровь. Он провёл ладонью по её волосам, и, прижавшись щекой прошептал:

– Надеюсь, тебе улыбнётся счастье, и ты встретишь достойного себе, не то, что твоя несчастная мать...

– Что-что? – поднимая голову спросила Аделия, открывая полусонные глаза – я, по моему уснула...

– Да я спросил, Лансере, чем на этот раз себя увлёл?

– К полудню он пригласил лорда Монферана, со своими сыновьями, собирается найти удачную партию для своих дочерей – довольно сухо и монотонно сказала Аделия, прижимаясь сильнее к крепкой груди отца. В ответ на этот порыв нежности, усилил свои объятия, улыбувшись на редкость, нежной и приятной улыбкой – он желает им только хорошего и доброго, желает для них светлой и беспроблемной жизни – договорила свою мысль Аделия.

– Он наивный и бестолковый балван, живущий по нормам и правилам! Нам с ним строили жизнь по этапам, расписали, её, чуть ли не до смерти, дабы не ослушаться, будучи правильным, он и по сей день существует по эти канонам! Заведомо влюбился в человека, которого, ещё в глаза не видел! Нарисовал розовым ещё не начатую совместную жизнь, глупец! Она – заядлая эгоистка, он – тут вообще всё понятно – Дериан замолчал, залпом выпил содержимое фужера, и, потянувшись за очередной порцией, продолжил – как я его ненавижу за его бестолковую голову! Толком ничего не понимая в бумагах, по доброте душевной, чуть не отписал проходимцам часть земель и часть нашего леса!

– А что случилось с его супругой? – спросила Аделия, преданно заглядывая в пронзительные, зелёные глаза отца.

– Она умерла после родов, не перенесла их. Несчастный Лансере! Зато сейчас живёт и ненарадуется на своих избалованных особ, ему больше ничего и не надо, в этом его счастье.

Голова юной графини ломилась от нахлынувшей массы вопросов, ей была любопытна история сплетений судеб отца и матери. Она надеялась, что он сам начнёт, и хоть что-то прояснит в кромешном рое загадок и тайн. Его суровое лицо насунилось, нервно закинутае за плечи прямые волосы, скатывались обратно, обрамляя побледневшую, каменную маску. И без того узкие, бледные губы, вытянулись в струну, они пару раз вздрогнули, и наконец извлекли несмелый, протяжный звук, а не слова.

– Никто и не догадывается, как я ненавижу себя. Все вокруг думают, что я сильный человек, что во мне только исключительно бесстрашные черты, я несоизмеримо умён, а терпение мое бесконечно. Как мне хочется вынуть свою душу и сжечь её, наказать свои руки, что слушаются пустую голову, покоряются бессердечному, не имеющему светлой души существу – он резко встал, судорожно закурил в очередной раз, продолжая пить, но уже с горла – ты думаешь, я испытываю удовольствие от этой проклятой выпивки? Я хочу покончить с ней, раз и навсегда – Граф Монтескьери в сердцах, размахнулся и прицельно направил бутылку в свой портрет, возвышавшийся на стене – пусть будет проклята эта нечисть, смерть только искупит её грехи! – он склонился на колени, и взяв руками голову, задрожал всем телом.

– Господи! – крикнула Аделия, подбегая к рыдающему графу.

– Уходи, и не смей сюда возвращаться! – гневно прикрикнул он – оставь меня одного, и чтобы никогда, не приближалась к этому кабинету и на шаг – Дериан с трудом поднялся с колен, одной рукой оперся о стол, другой указал на дверь – иди, а то, что я тебе говорил, кромешная ложь из лжи, не допускай в себе жалостливых мыслей, они не к чему!

– Я всегда знала, хоть и видела Вас отец, крайне редко, что истинное лицо глубоко запрятанно, так далеко, что память уже и не вспоминает где. Но сегодня это случилось...

–И не случится больше впредь! – закончил её мысль граф Монтескьери. Он небрежно схватил за плечё Аделию, и грозно сопя, повёл к выходу.

– Не хочу больше тебя видеть, и твою мать, и всех вас вместе взятых. Пожелай Лансере удачи, ведь она ему никогда не светила и думаю, не будет светить никогда!

– Так не должно быть, не должно – выпалила Аделия, ударяя по дубовой двери кулаками – это не правильно...

Рождался новый рассвет, как и обычно, солнце нехотя покидало своё уютное пристанище, оно радужными лучами играло в чёрных, заплаканных глазах графини. Суэта сковала замок, по коридорам изредка разносился, скрипучий и неприятный голос встревоженного дворецкого, он, шустро раздав указания прислуге, направился разыскивать своего трудолюбивого подчинённого, душевного друга, старого садовника. А тот в свою очередь, расшумевшись на развеселившихся, совсем юных помощников, метался меж деревьев, делая попытки, хоть как-то поднять, поникшие цветы, не перенёвшие холодной ночи. Две молодые служанки, начавшие громкое разбирательство, как всегда не поделили лакея. Мужчину средних лет, с достаточно привлекательной внешностью, и манерами совсем не рабочего класса. Визгливые соперницы навлекли на себя гнев пришедшего на разрешении беды дворецкого. С его появлением всё встало на свои места, тишина, даже какая-то болезненно-неприятная, разлилась по каменному особняку. День начался хуже, чем ожидалось, все, как сговорившись, наполнились до краёв агрессией и злостью, не заслуженно наказывая друг друга, беспричинным гневом. Одни лишь Изабелла и Мадлен, окрылённые предстоящим знакомством, не покидали пределов зеркальных отражений, доставляя ужасные, просто адские муки, кружившими воронами над ними, камеристкам.

– Моё терпение не выносит, бурю эмоций и чувств, как я волнуюсь! – вздохнув, надувая пухлые губки, произнесла Мадлен.

– Да-да сестра, мне понятны твои душевные метания, сама всю ночь глаз сомкнуть не могла – забормотала Изабелла, улыбаясь. Она играла бровями, глядя на себя в зеркало.

– Мне кажется, они будут прекрасны.

– А я, если честно, в этом совсем не сомневаюсь! – игриво сказала Изабелла, продолжая играть мимикой.

– Доброе утро мои девочки! – засиял широкой и доброй улыбкой Лансере Монтескьери, неожиданно возникнувший в дверном проеме. Он распахнул свои руки, вовлекая в тесные объятия своих любимых дочерей. Они с детским визгом подбежали к нему, даря нежные, полные уважения поцелуи.

– Папочка, мне снился сон, а в нём я видела его... – покраснев, зацвела Мадлен.

– Так это замечательно, моя милая прелесть! – умиляясь, говорил Лансере.

– А я толком не спала, и у меня теперь ужасно болит голова! – ревностно прошептала Изабелла, косясь на сестру.

– Ну что же ты так, моё золотце! – сдвинув брови, привлекая к себе старшую дочь, проговорил Лансере – нельзя же так! Как вам мои подарки? – поинтересовался он, повторно глядя, то на одну, то на другую, прекрасно зная, какой будет реакция.

Ожидания, не заставили себя долго ждать. Единогласно начатый счастливый крик, который моментом перерос в неразборчивую, многогранную массу реплик и слов. Они, перебивая друг друга, излагали свои эмоции и благодарности, поочередно, прижимаясь к добряку Лансере.

– Кстати, платья эти, с Италии, я специально заказал, по последней моде они! Там ребята стараются, доверяю я их работе – Лансере подошёл к камину, внимательно изучил игру цветов подвижного огня, и умиротворённо продолжил – вы единственное, что у меня есть, вы достойны только самого лучшего, и надеюсь, это знакомство, принесёт плоды успеха и радости. Я и так слишком долго тянул, теперь пришло время, как мне жаль, что оно наступило – он перевёл понурый, тусклый, полный печали взгляд на притихших дочерей – как я не хочу отпускать вас, мои прелестные создания, но чувствую, что придётся.

– Ну зачем же ты так, папуля, не стоит слёз, они высохнут, и оставят в душе только горечь, пожалуйста... – прошептала Изабелла, преданно и нежно, теребя отцовскую руку – расстояние будет не властно над нашими сердцами, в которых будет вечная любовь и уважение.

– Ты заменил нам мать – вытирая слёзы произнесла Мадлен – не каждый человек, имеющий обоих родителей, может сравниться с нашим счастьем. Ты подарил нам жизнь, о которой не каждый может и мечтать.

Растроганный Лансере, запрятав в ладонях лицо, прошептал тихо и печально:

– Буду верить, что ваши слова, правда.

– И зачем поддаваться печалю, бывает же в жизни, ситуации и похуже, которые действительно требуют слёз! – взбодрившись, сказала Мадлен – вот, к примеру, взять Аделию, она выросла с матерью и отцом, только толку от этого!

– Я хочу вам сказать – начала затворническим тоном Изабелла, меняя русло разговора, совсем в другое течение – она перестала интересоваться реальностью, для неё собственный мир превыше всего, она не хочет заодно с нами, существовать вне предрассудков и негатива.

– Девочки мои – вынырнул из своих цепких раздумий Лансере – я умоляю вас, как только может умолять любящий отец своих дорогих, просто бесценных детей, не корите и не обвиняйте её, она мне, как третья дочь, и я не хочу, что бы пустые и холодные слова, травили, и без того, измученное сердце. Ариана, её мать, главная ценность, того, что этот ребёнок вырос полным спокойствия и понимания. Она человек такой, этим распорядилась природа, её и винить!

– Разве можно жить, и не задумываться, не мечтать, о мужчинах?! Благоразумная природа, должна наделить, хоть крупницей интереса! – забормотала Мадлен, перебирая драгоценности подаренные отцом – нужно радоваться новым подаркам – украшениям и платьям, например!

– Всё совершенно верно – неохотно и задумчиво произнесла Изабелла – истину говорит Мадлен, кристально чистую истину!

– Её время ещё не пришло, ей всего семнадцать лет! – заступался за любимую племянницу Лансере – нельзя свои интересы ставить во главу угла, считая только их эталоном! Нет, мои милые красавицы, в этом вы не правы!

– Бестолковая слабость – книги! – громко засмеявшись, съязвила Мадлен.

– Обижаться и ненавидеть человека за то, что она не разделяет ваших совместных интересов, это уже слишком! – сухо добавил Лансере, собираясь уходить.

– Прости нас, глупых таких! – подбегая к расстроенному отцу, закричала Изабелла – мы не хотели тебя обидеть! – промурлыкала на ухо Мадлен, преданно заглядывая в глаза.

– Надеюсь, такого больше не повторится! – серьёзно сказал Лансере, повышая голос, редко допуская в себе подобные эмоции. Он понуро, холодно улыбнулся, и уже покинув пределы комнаты, отстранённо продолжил – я чуть позже, поднимусь к вам, а сейчас, решу кое-какие вопросы насчёт приготовлений к обеду.

Он, опустив голову, последовал дальше, ему было очень тяжело на душе, горячо любимые и бесценные дети, так бессердечно и жутко отзываются о родном человеке, который не идёт в ногу со временем, а нарисовав свой маршрут, шествует по нему. И почему такая не человеческая жалость, присуща такому ранимому и мягкому созданию, как Лансере? Его внешность говорила за его душу. Печальные зелёные глаза искрились светом и теплом, опущенные уголки губ, временами поднимались, рисуя на его полноватом лице, выражение истинного счастья и блаженства. Его приятные, такие умильные, словно у ребёнка щёки, горели красными огоньками, нередко вызывая у собеседников, невольную улыбку. Светлые, с золотистым оттенком волосы, едва доставали до плеч, добавляя ко всему, ангельских очертаний. Дериан и он были разными полюсами одной земли. Казалось, природа, шутя и играючи, наделила их по максимуму различными чертами, что внешне, что касаясь характера. Они не ладили друг с другом, хотя существовали под одной крышей. Они редко виделись, а встречаясь, просто про-

ходили мимо, допуская в себе мысли с вопросом, о причине рождённой ненависти. Конечно, без сомнения, в самом начале разлада, Лансере шёл навстречу брату, пытался его понять, терпел его агрессивный нрав, надеясь, что всё встанет на свои места, Дериан исправиться, и воцариться спокойная и мирная жизнь. Сломанные надежды оказались под ногами старшего графа, затоптанные, лишённые жизни и существования. Смерившись, Лансере закрывал глаза на его пьяные, безумные выходки. Скрепя сердцем, слышал горький плач несчастной Арианы, пытался даже вмешаться, в их семейную драму, дабы защитить от жёсткого обращения, но получив жестокий ответ, на крик о помощи, стал насильно отучать свои уши слышать, но не мог. Его голова ломилась, а тело ныло от непослушания. Он таял на глазах. Предел его страданий перешёл границу, когда замок пополнился новым человечком, дочерью Дериана. Лансере восхищался крохотной графиней, в отличии от брата, который пару раз, взяв её на руки, сдержанно улыбнулся, и в очередной раз испарился, покинув на неопределённый срок графство. Следующий раз Лансере столкнулся со свирепством брата, когда решил уделить повышенное внимание Ариане. Она ему, бесспорно нравилась, вызывая в его душе приятные томления, и несбыточные надежды. Он всегда находил повод, даже самый глупый и беспочвенный, что бы обратиться к ней. Их длительные беседы с красивым и насыщенным содержанием, удивляли всех. Вечерами, у камина, в тихой и умиротворённой обстановке, она вышивала яркие цветы и бутоны, он счастливый и окрылённый, брал в руки книгу, и душевно, эмоционально, принимался читать, баллады и стихи, романы или всевозможные сказания. Лансере жил этими вечерами, предварительно подготовившись к ним. Но всё изменилось, когда вечно отсутствующий Дериан, явился в один из таких вечеров. Он увидел в этом времяпровождении измену и предательство, он без разговоров яростным криком разрушил атмосферу спокойствия, приказав супруге подняться в комнату, пообещав серьёзный разговор, уже знакомый ей до боли. С несчастным Лансере, он решил разобраться на месте. Высокая, правильно сложенная фигура Дериана, грозно возвышалась, над Лансере, рост которого не превышал среднего. Младший брат, сжав кулаки, терпеливо выслушивал реплики, и привычным образом, уворачивался, от суетливых рук Дериана, не твёрдо стоящего на ногах. И так, год от года, на протяжении, восемнадцати лет, развивалась жизнь в холодных и роскошных стенах, каменного дворца.

Вывели из забвения, из грустных воспоминаний, громкие крики и плач, направленные, из спальни Аделии. Лансере испугавшись, шустро побежал туда. Ему открылась жуткая картина. Растерянная Аделия, в непонимании озиралась на происходящее, окружённая множеством слуг и нянек. Обгоревшая мебель, в пепел превращенная кровать, почерневшие, обугленные стены, и нестерпимый, едкий запах гари. Всё говорило, о сильном пожаре, родившемся, из слов окружающих, ниоткуда.

– Что произошло? – испуганно спросил Лансере, обращаясь к Аделии.

– Я решила отдохнуть, так как уже две ночи провожу без сна, и стоило мне закрыть глаза, как я моментально уснула! – потерянно говорила Аделия, продолжая осматриваться по сторонам – разбудил меня громкий крик Софии – указывая, на испуганную прислугу, сказала она – вокруг, и не проглядеть, заполонило всё дымом. Я оказалась на балконе, лежащей на софе...

– Но ведь... а как... – путался Лансере

– Да-да, я сама в оцепенении мыслей, не могу ничего понять, и знаешь – Аделия подошла ближе к Лансере и прошептала – это может показаться странным, я видела мужчину, нет, это совсем не похоже на сон, это было явью! Пожалуйста, поверь, это далеко не плот моего воображения. Пусть мои фантазии играют разумом, и я порой беру во внимания их, не желая считаться с болезненной реальностью. Но ведь он был реален, точно так же, как ты сейчас! Я чётко помню прикосновение его руки, помню, что уходя, он улыбнулся...

– Куда уходя? – вздрагивая, прикрикнул Лансере, вовлечённый в повествования о загадочном.

– В огонь... – извиняющимся голосом прошептала Аделия, прекрасно понимая, что сказанное ей, больше чем похоже на вымысел.

– Может это твой сон? – глядя с надеждой на Аделию протянул Лансере, не допуская в себе догадок, правоты своих дочерей – может, ты ошибаешься?

– Ладно, допустим, я ошибаюсь, но каким путём, я могла переметнуться на балкон? Ну пожалуйста, поверь мне, я очень боюсь!

– Мисс, прошу прощения! Нашлась уцелевшая вещь, единственная! – воскликнула София, протягивая Аделии затёртую, потрёпанную книгу.

– Где ты её нашла?

– Она лежала на кровати, точнее на том, что осталось от неё! – растерянно говорила прислуга, не то оправдываясь, не то смущаясь.

Аделия долго, изучающе осматривала находку, затем, как бы спохватившись, заговорила:

– Книга, с которой, я делила все слёзы и улыбки...

– Это более чем странно, на моём веку такое впервые! – Лансере отвернувшись, зашагал по пустой, почерневшей комнате.

– Ты осталась жива, а это главное! – улыбнувшись, выдохнул подытоженные слова он – дороже жизни ничего не найти.

Пролистав пару рукописных страниц, Аделия остановила взгляд, на странных рисунках и словах, не имевших места здесь ранее. Её это очень заинтересовало, удивления, как такового не было, не нашла в этом просто смысла.

– Что-то случилось? – насторожился Лансере.

– Нет – нет, всё в порядке – в непонимании прошептала она, пряча книгу за спиной – просто, перечитала свои мысли пятилетней давности, тогда всё было по-другому.

Чувствуя обман, Лансере встревожено спросил:

– Ты не должна ничего скрывать, тем более от меня! Ведь так?

– Мне и так никто и никогда не верил, я боюсь произносить слова, их всё равно посчитают вымыслом. Ведь так? – передразнила его она.

– Я очень боюсь за тебя, и ты знаешь, что мне можешь доверять целиком и полностью.

– Прости... – отрицательно покачала головой она, покидая сгоревшее пространство. Решила отправиться на очередные поиски себя и новых мыслей.

– Пойдём со мной – раздался голос за её спиной. Это был Дериан Монтескьери, ожидавший её появления, в менее оживлённой части коридора, по которому, она очень любила гулять.

– Что бы опять последовать за дверь? – разозлено спросила она.

– Нет, что бы выслушать меня.

Неохотно и молчаливо, Аделия последовала за отцом. Статно и гордо, шествовал он, преодолевая поочерёдно сменяющиеся лестницы и залы. Уважительно и преданно, с лёгким страхом в глазах, кланялся придворный люд. Они действительно боялись его, так как было очень сложно понять, как им, так и близким людям, как и когда можно ожидать в настроении, смены гнева на милость и наоборот.

– Я очень обеспокоен случившимся! – начал он, садясь в кожаное кресло.

– В этом нет моей вины! – оборвала его Аделия, терзая в руках страдальческую книгу.

– Я это знаю.

Дериан откинулся на спинку. На редкость он был трезв, его лицо не было подвластно мимике, потухшим взором, окинул стеллаж, покорённый разнообразным книгам, и лениво продолжил:

– Ты многого не знаешь. Не знаешь того, что во всём виноватым, оказался я.

– Так это не возможно – возразила она, вставая.

– Ты лучше присядь, не противься! – он умеючи скрыл подкатывающие к горлу эмоции. Если внимательным взглядом, оценить его состояние, то с уверенностью можно говорить о нервном томлении, не слабого характера.

– Ты должна это знать – Дериан снова замолчал, пытаясь отыскать слова, конкретней объясняющие суть – я надеюсь, ты поймёшь меня, но поняв, возненавидишь, и проклянёшь, не простив никогда... – он запнулся и глубоко вздохнул. Никогда ещё не слышала Аделия, подобную, абстрактную речь, произнесённую устами отца – по исполнению восемнадцати лет, я ушёл, тогда решив, что навсегда. Мои скитания, доставляли мне удовольствие. Я понимал, какое это счастье, иметь перед собой не шаблон, а будущее, изменчивое и вредное, когда даже представить не можешь, что будет, через какой-то час! Вот это и есть настоящее блаженство, но не когда, от однообразия, такого, как сейчас, выворачиваешься на изнанку, не зная, куда себя деть – повторно остановившись, он задумчиво опустил голову, отдавая себе отчёт, что уходя от темы, сам себя заводит в тупик.

Аделия покорно ждала его последующих слов, пытаясь донести до понимания, сказанное моментом позже.

– Я сотворил немало ошибок – продолжил он, закурился – касаясь себя, их было бесчисленное множество, и я не жалею, что позволил этим ошибкам свершиться. Закалившись благодаря им, я стал сильнее, понял, что судьба не строит жизнь, а строишь её сам. Зато, я сломал жизнь тебе, и твоему будущему – он торопливым движением потянул на себя выдвижной ящик стола, загремел стеклом, и поставил на кипу бумаг, знакомый, одурманивающий предмет, ставший на почётное место во всех его вкусах и пристрастиях. Он поднёс свои губы к горлышку, как к родному, и жадно принялся поглощать манящее содержимое. Аделия, скривившись, отвернулась, дабы не наблюдать подобное зрелище.

– Я никогда не заслужу в твоих глазах прощения – опять зазвучал грубый голос, подавленный и дрожащий – и возможно сейчас, ты просто не поверишь мне, я сам не брал это во внимание, и считал глупым бредом, до сегодняшнего происшествия. Я отдыхал в одной из Лондонских таверн, когда ко мне подошёл один невысокий, с приятной внешностью молодой человек. Он насквозь сверлил меня своими, почти прозрачными, зелёными глазами, никогда не забуду их, до сих пор терзают меня – Дериан сделал пару внушительных глотков, и затрепетав как лист, продолжил – он молча протянул мне белый лист бумаги. Затем, сев напротив меня, улыбку нивушившись, предложил написать любое желание. Я конечно, попытался понять его намерения, но он молчал, ожидая исполнения просьбы. Желая быстрее отвязаться, я написал. Он решил сыграть со мной на желания, да, это кажется низким и глупым, я согласился, отдать ему то, что он назовёт, если конечно этот незнакомец, угадает написанное. Я был слишком молод, да и вдобавок, пьян, я плохо понимал происходящее вокруг, мне было ровным счётом безразлично на всё. Протянул мне свою руку, мертвецкий холод обдал мою ладонь, неприятный, жуткий и мерзкий. Мы заключили пари. Да что тогда было со мной заморачиваться, пьяный дурак, без эмоций и чувств, не задумываясь, соглашается, на подобного рода авантюры. Конечно, незнакомец угадал, произнеся, холодные до жути слова « и только её дыхание столкнётся с дыханием океана, ты её потеряешь, как и нить, ещё не увидевших свет поколений» Я не понял его слов, как и не понял того, что от меня он хотел. Он ушёл, так же незаметно, как и появился, а на моём столе, уже стояло три бутылки, отцовского вина... Длительное время, я просто не вспоминал об этой встрече, продолжая жить загульной жизнью. Но сознание насквозь пробило меня мыслью, когда родилась ты. Я вспомнил его слова, и мне стало действительно страшно! Перевернул весь Лондон, как бы смешно это не показалось, я искал этого парня, прекрасно понимая, что это глупо и бессмысленно. Эти поиски не принесли положительных результатов, и это естественно, сколько лет прошло, а этот грязный город, бездонная дыра, имеющая способность разрастаться. Твой отец, оказывается, совсем не тот, каким его привыкли видеть.

Граф Монтескьери откинув пустую бутылку, потянулся за следующей, что-то невнятное бормоча себе в слух. Раздался громкий стук в дверь, и чьё-то шумное дыхание.

– Какого чёрта? – крикнул Дериан озверев.

– Прошу сердечно прощения, господин! – в кабинет скромно просочилась воздушная фигурка, очень худого и бледного человека. Мужчина, прижавшись к стене, нервно подёргивал глазом, теребя за спиной шелестящий конверт.

– Скажу тебе откровенно мистер Смит, я тебя не рад видеть, как и твои письма, которые ты передаёшь! – взревел граф.

– На то и моя должность курьера – ответил ему пришедший, не решаясь пройти дальше.

– Давай скорей, я не люблю ждать! – подзывая к себе испуганного мужчину, проговорил Дериан.

Тот, покорно протянул конверт, прищутив заранее глаза, ожидая разъярённой реакции. Поблуднев, граф торопливо сломал знакомую печать. На редкость, молча и спокойно, забегал глазами по строчкам. Молниеносно, они налились яростью, и что было силы, он крикнул:

– Лансере ко мне, немедленно! Аделия, а ты выйди, я позже с тобой поговорю!

Аделия поспешила первой оповестить Лансере, ей хотелось подробней узнать о случившемся.

Она, совсем забыв, о знакомстве с претендентами, на руку и сердце сестёр, не стучась, вбежала в уютный, небольшой кабинет Лансере. Там на диване сидело двое молодых мужчин, напротив них, краснея и бледнея, искрясь от избытка украшений, кокетничали Изабелла и Мадлен, держась за руки. Необычно важно, за дубовым столом восседал Лансере, он неподдельно доброжелательно разговаривал с пожилым лордом Монфераном.

– Ой... прошу прощения... – проговорила Аделия, густо покраснев. Она умоляюще взглянула на Лансере, тот улыбаясь, заговорил:

– Хочу представить вашему вниманию, единственную дочь нашего уважаемого и талантливого, графа Дериана Монтескьери – сколько было искренности и доброты в его словах, как игриво, он менял тембр голоса, просто ангел имеющий плоть, а по иному, его трудно назвать.

– Извините меня... – Аделия растерянно улыбнулась – я была не в праве так поступать, без разрешения вторгаться в вашу умиротворённую беседу.

– Девочка моя – перебил испуганную девушку Лансере – нет ничего безысходного в твоём поступке, всё в порядке! Что же случилось?

Графиня смутившись, подозвала Лансере к себе, ей не хотелось, чтобы лишние уши слышали, и чужие глаза видели, как проблематично и уныло движутся дела в названном сказочно-счастливом графстве.

– Пришло какое-то послание, отец жутко изменился в лице, он взбешён, он расстроен. Я не знаю что там такое, но сердце не обманет, чувствует, что-то не так!

– А кто передал данное послание? – поинтересовался Лансере, насторожившись.

– Какой-то мистер Смит...

Аделия с изумлением заметила, что и лицо её любимого дяди, приобрело такую же трагичность, что и перемена в чертах непоколебимого графа.

– Непредвиденное обстоятельство, прошу простить меня, я не в праве ничего исправить. Моё временное отсутствие, не заставит себя долго ждать – как потускнели его глаза, толстая пелена непонимания, стёрла радужную оболочку счастья.

Все собравшиеся, безусловно заметили перемену, и с нагнетающим любопытством, как сговорившись, принялись испепелять Лансере закравшимся непониманием. А он в свою очередь неподвижно, как заколдованный смотрел на Аделию, и умоляюще, хотел хоть что-то прояснить. Но в ответ на это, в ответ на свой эмоциональный порыв, он единственное что услышал:

– Всё что тебе любопытно, и что тебя гложет, найдёшь в кабинете моего отца...

– Да-да, я это уже понял – выплывая из забвения, пробормотал он.

Лансере, не решаясь покинул свой кабинет. Было явное впечатление того, что шаги ему давались с большим трудом. Нет, он шёл не по паркетному полу, и находился он не в уютном гнездышке, называемом его кабинетом, а явно ощущалось, что под его ногами был хрупкий лёд, а окружала его огненная пустыня, с безжалостным ветром, который дул ему в лицо.

– Так вот значит, что из себя представляет дочь графа Монтескьери – произнёс лорд, нагло изучая нежданную гостью – я слышал о Вас юная мисс, и о главе вашего семейства! Он весьма капризен и жесток в выборе кандидата, на Ваши руку и сердце.

– Не собираюсь Вам перечить и спорить с Вами, многоуважаемый лорд Монферан – ответила с явным недовольством Аделия – но каждый родитель, в праве, быть скрупулезным в рассмотрении предложений, число которых, слишком велико. И вполне возможно, данная перемена в жизни, ещё абсолютно не нужна.

Не ожидая подобного ответа, пожилой мужчина сквозь зубы, тихо просипел

– Ваш ум сыграет с Вами злую шутку, держите свои колкие изречения при себе. Лично мне, неприятно, что Вы так вызывающе и не культурно отражаете себя. Я человек, гораздо старше и дальновиднее Вас, и не желаю, что бы меня попрекал человек, ещё не разобравшийся в себе – он одёрнул свой мундир, пафосно встал, и указав рукой в сторону притихших Мадлен и Изабеллы, ораторски произнес – вот пример, которому Вы должны следовать! Покорность в каждом взгляде и движении!

Аделия никак не могла понять причину данной ненависти, видеть человека в первый раз, и выслушивать массу незаслуженных недовольств.

– Лорд Монферан, пускай Ваша ненависть, абсолютно неоправданная и пустая, останется с Вами. Злоба и предвзятость по отношению ко мне, может быть и иллюзорная, только вот мне не ясна причина, хотя дело не в этом. Я на Вас зла не держу, в принципе, как и обиды, на незаслуженные слова в мой адрес. Была очень рада познакомиться, всего вам всем доброго и хорошего.

Она поспешила уйти, не принимая близко к сердцу прошедший разговор, как услышала торопливые шаги за спиной.

– Я...я...я...крайне не доволен поведением своего отца... – прошептал задыхаясь молодой мужчина, возраст которого не превышал двадцати пяти лет, так по крайней мере показалось Аделии. Он аккуратно закрыл за собой дверь, и, улыбаясь продолжил – Андре...

– Очень приятно Андре, Аделия...

Она умеючи сдержала улыбку, её рассмешил костюм, который никак не соответствовал и не шёл его владельцу. Напыщенность и показное богатство, перевешивало рядовую норму, бывшее в почёте у ярых модников. Белая, вышитая золотыми нитями рубашка, тёмно серый жилет, покорённый упорядоченной вышивке серебром. Короткие, однотонные штаны, собранные к низу шёлковым шнурком, единственное, что было положительным в его броской одежде. Заметив на себе оценивающий взгляд, он оправдываясь произнёс:

– Желание моей матушки...

– Вам что-то угодно? Просто я вынуждена спешить! – как можно культурнее произнесла Аделия, глядя в преданные голубые глаза, которые настойчиво умоляли её остаться. Пухлые, прикусанные губы пытались подавить накатывающую, безудержную улыбку. Светло серые волосы, напоминали миллион крыльев, каждая прядь которых, стремилась взмыть в небо, они падали на лоб, заставляя их владельца, беспрестанно поправлять их.

– Я Вам очень признательна Андре, но мне кажется, Ваш отец, будет крайне не доволен совершённым поступком. При том, я, не имею никакого отношения, к происходящему за этой дверью.

– Знаю...

Скупой ответ и щедрость в глазах, смутили Аделию, она не знала, что ещё сказать новому знакомому, что сделать, что бы эта преданность не обернулась обидой.

– Пожалуй, я пойду – ей натерпелось узнать о переданном письме, а тут как назло поочередно, то одно отвлекает, то другое задерживает – надеюсь, мы с Вами ещё увидимся! Всего хорошего! Она снова торопливо направилась усмирять своё любопытство, как очередная преграда помешала ей.

– Я видел Икера...

Холодная волна пробежала по телу графини, вдоль и поперёк состоящая из обрывков памяти прошлого. Сердце замирая, заколотилось не жалея душу, пропуская через себя до боли затёртые сюжеты пережитого.

– Икера Бернардоса? – не оборачиваясь переспросила она.

– Его самого. Он интересовался тобой.

Время любезностей исчерпало себя, и не было желания продолжать, в том же русле. Хотелось сблизить разговор, и обращения друг к другу.

– Я был проездом в Лондоне. Не знаю, что меня заставило тогда, отправиться сбивать ноги, о жуткие, несносные дороги, скорее всего, дурное настроение, которое никак не хотело меня покидать. Я долго бродил по улицам в одиночестве, всматриваясь в лица прохожих, и одно из этих лиц мне показалось до боли знакомым, я увидел на себе его пронзительный, задумчивый взгляд – рассказчик замолчал, и оценив состояние слушательницы, как крайне напряжённое, решил продолжить – и не стал долго тянуть с разрешением негданной встречи. Меня если честно удивила, такая положительность ко мне, ведь только позже выяснилось, что меня он не узнал, а просто из правила приличия, поинтересовался, в чём собственно дело, и зачем было замирать среди улицы, что-то вспоминая.

– Я не пойму – возмутилась Аделия, насунив брови, и отбросив движение руки вперёд – объясни мне, зачем так тянуть? Извини меня, Андре, но научись иногда вкратце излагать свои мысли!

– Я никогда не стану другим и не изменю себя! – он было хотел уйти, но Аделия пронзительно взвизгнула, что ввело в оцепенение несчастного лорда. Он раздражённо вздохнул, сдвинул пальцами дверную ручку, и нехотя проговорил:

– Он сказал, что придет к тебе, только я не знаю когда именно, он сказал, что... – дверь предательски скрипнула, и фигура Андре Монферана, почти уже скрылась за дверным проёмом, но графиня быстрым движением потянула его к себе, закрыв собой дверь:

– Нет, ты никуда не пойдёшь, пока не расскажешь мне всё, абсолютно всё – она скупой улыбнулась, и продолжила – думаю знаешь, что Икер мой очень хороший друг, с которым мы не виделись пять лет! Я знаю, знаю, время могло его изменить, оно вероятнее, изменило и меня, и были мы совсем детьми, прошли годы, и они разумеется, стёрли те розовые мечты! Я бы очень хотела, что бы ты не таясь, рассказал мне всё, и самое главное, откуда знаешь про нас с ним, и про нашу дружбу, которую, к сожалению, все путали с любовью.

Аделия замолчала, и безучастно опустила на стул.

– Садись напротив, Андре – прошептала она, указывая в сторону софы, уютно расположившуюся между двумя тумбами, утопающими в кроваво-красной россыпи роз. Молодой человек покорно послушался, и без замедлений принялся говорить:

– Солнечный день, кругом бесчисленное количество людей, у каждого свои планы и идеи, как плодотворней провести это яркое мероприятие. Новые люди, новые знакомства. Каждый спешит, как можно больше узнать друг о друге, кто-то в поиске удачных знакомств, кто-то просто из праздного любопытства. В общем, светлый праздник постепенно набирает обороты – Андре замолчал, опустив голову, прекрасно понимая, что его загадочное появление уже раскрыто. Так как не видит он больше фанатичной заинтересованности в лице Аделии, только выражение полного удовлетворения, какое обычно присуще пассивным слушателям – а кто-то, скрывшись от суеты, от мирских забот, и человечества в целом, тихо и скромно, никого не обременяя своим присутствием, скрылся под кроной шикарного, старого дуба, беззаботно

наблюдая, за крылатой живностью, парящей над молчаливым озером. Несчастный Лансере Монтескьери, как жалок и подавлен он был в свою годовщину, он потерял из виду вас с Икером, какой же всё-таки твой добрый дядюшка ранимый человек! Хорошо, что к счастливому случаю, обратил на вас внимание. Тогда я помню он мне сказал «Счастливые времена беззаботности, когда абсолютно не задумываешься, о явно видимых преградах...» Сказать искренне, я даже и не понял то, что он имел в виду... а точнее не знал... не имел почвы... – он вопросительно взглянул на Аделию, желая разъяснить в чём смысл данных слов, она зная ответ, терпеливо ждала прямого вопроса.

– Скажи, что же произошло, в чём причина его уезда, такого неожиданного? Почему на Икера так зол твой отец? Я только могу догадываться об ответе! Я просто хочу, услышать это именно от тебя! И ещё, теперь моя очередь задавать вопросы, извини, но эта ноша нераскрытого, никак не даёт мне покоя – заговорил скороговоркой он. Его лицо покраснело, дыхание участилось, он стремительно встал, и дрожа, подбежал к Аделии – моё любопытство меня погубит, проясни мне всё!

А та в свою очередь не нарушала тишину своим голосом, только понуро и серо разглядывала клетчатый паркет, миниатюрной гостиной комнаты, продолжавшую уют и тепло, обширного кабинета Лансере Монтескьери.

– Мой отец очень сложный человек, только вот не стоит намекать на его нравы и собственный мир, выставя виноватым! – озлобясь, негромко произнесла Аделия, испепеляя взглядом растерянного лорда.

– Нет-нет, ты не так всё поняла! – замешкался Андре, почувствовав сильное сердцебиение – я имел в виду тот факт, что его нелюбовь к испанской крови, являлось причиной уезда Бернардоса? Об этом знают все!

– Икер прожил в нашем замке больше четырёх лет, так как его отца – лучшего друга Лансере, жестоко убили проклятые завистники, сходящие с ума, от удачного роста в торговле – побледнев говорила Аделия, пытаясь подавить накатывающие эмоции – матери у него не было, умерла почти сразу, после его рождения. Лансере пообещал Карлосу, когда тот уже видел холодную смерть, крадущуюся медленными шагами, что позаботиться о Икере, о его благополучии в дальнейшей жизни. Его счастье, что мой отец в то время, практически не появлялся в поместье. Но прошли годы тишины и покоя, прошли тёплые вечера, когда счастливый Лансере у камина, читал книги, рассказывал мифы, красочно разрисовывал сказки. Моя мать, Ариана, до сих пор вздыхая, вспоминает те счастливые часы – волнение душило, заставляя Аделию закашляться – теперь, мой друг, замечательный человек, в Лондоне постигает азы мореплавания, он определён в самое лучшее учебное заведение, Лансере часто ездит туда, он очень скупает по этому прекрасному испанцу, который стал для него сыном.

Минута мрачного молчания сокрушала нервы, пронзительным, визгливым и до ужаса отвратительным звоном тишины. Как истлевает душа, и как ноет сердце, когда подобного рода разговор замыкается и гаснет. Аделия всё острее чувствовала, как истощена моральная и психологическая сторона её существования, как трудно ей даются рассказы светлого детства, крепко слитые с отголосками не стёртой боли. Она ждала грядущего дня, как последней надежды, считая, что рассвет разрешит, все навалившиеся проблемы, следующие друг за другом, в этом мрачном и холодном, безжалостном дне. А совершенно напротив себя ощущал довольный, с тщеславной, чуть нагловатой улыбкой, любопытный лорд, он пресытился услышанными ответами, блаженно зевнул, и неторопливо заговорил:

– А я боялся заговорить с тобой, думал волнение меня угнетёт, и я не произнесу того, что надо, или с испугу взболтну лишнего, так наверно и получилось в начале, но ты располагаешь к себе.

Заметив перемену в поведении собеседника, Аделия единственное что смогла сделать, на что у неё хватило сил – в изумлении поднять брови, и негромко произнести:

– Молодой, интересный человек, я получила от Вас нужную мне информацию, и Вы пресытились моими словами, мы нашли отличную комбинацию, используя друг друга, и возможно Ваш отец будет рад услышать, что-то новое и ценное для его ушей. Я устала, я поняла с какого Вы теста, Вы не сможете стать моим другом, так как список у меня короткий, и нет там места фамилии Монферан, клеветущей на имя Монтескьери. Я Вас вспомнила, только лишь, к глубокому сожалению...

– Тогда почему же я здесь? Почему твой добрый и радушный дядюшка принял нас? А?! – его лицо переменяло цвет и мимику, жестокие и алчные черты проступили явлю, стирая показную простоту и безропотность.

– Вы хотите воспользоваться им, его доверчивостью! – испуганно, как бы уверяя саму себя в сказанном, прокричала она, жёстко ударив кулаком по мягкой обивке стула.

– Не сердись, ребёнок – дразнил её лорд – тебе никто и никогда не поверит. Сказать тебе откровенно, мой отец прав, ты ещё не знаешь жизнь. И вот ещё что, не снести головы, твоему любимому испанцу – продолжая издеваться, процедил довольно он – сегодня ночью, он наймёт карету, и примчится к тебе.

Графиня, не могла найти слов, она задыхалась как рыба, которую выбросило на берег, безмолвно шевеля губами, не веря в услышанное.

– Я прекрасно понимаю, что твоё детское восприятие слишком остро, и сказанные мной неаккуратно, в тот светлый праздник слова, ранили тебя глубоко в сердце. Слышишь меня, Аделия, ты принимаешь всё слишком близко, и только избирательно положительное. Ты доверилась мне, поведав личное, посчитав меня праведным, святым... и лишь спустя время, до твоей глупенькой головы дошло, что я мерзавец, оскорбивший когда-то имя семейства Монтескьери.

– Я тебе обещаю, несчастный и жалкий человек, ты будешь наказан за низкий поступок, пускай, нет в нём той масштабности, но ты оклеветал несправедливо и подло наше имя, а я это слышала – на её глазах появились слёзы, она, умеючи сдержав их, продолжила – да, мне семнадцать, и это не даёт никому и никакого права, видеть в этом грань безысходности и падения.

– Тише, тише, не стоит слёз из-за мелких пустяков! – наигранно и холодно возразил он, подходя ближе к встревоженной графини – ты слишком красива, в тебе дьявольский магнетизм, ты сведёшь сума не одного мужчину, ты слишком умна, в этом тоже постарайся увидеть минусы, а они есть, ты слишком эмоциональна, твоё нежное и милое сердечко может очень пострадать, и в противовес, я вижу в тебе немало силы, пускай она управляет тобой, а не чувства и эмоции. Я не светлый ангел и не тёмный бес, я нейтрален, позволь мне помочь тебе, послушай, и прими к сведению, всё то, что я тебе говорю – как можно деликатнее и нежней, он прижал к своим губам её руку, она вздрогнула, и отшатнулась в испуге назад – какой же я всё-таки глупец, прости – в очередной раз уходя, добавил он – непорочное, чистое дитя, не знающее мужской ласки и внимание, я не стану рисковать, не хочу стать несчастной жертвой Дериана Монтескьери – он сделал пафосный реверанс, и несколько раз поклонившись, скрылся за дубовой дверью.

Что было делать, как поступать дальше, этот день, как

нарочно заключил в себе массу негатива и неудачи, и заставлял бороться, и не предлагал ничего больше. Пасмурное, недоброе утро, начатое с шума и суеты, продолжилось загадочным пожаром, и неизвестным улыбчивым мужчиной появившегося из ниоткуда, и ушедшего в никуда, странное поведение отца, рассказавшего подозрительную, похожую на вымысел историю, сумасшедший разговор с переменчивым и жутким лордом. Она никак не могла понять, почему всего не желаемого, и в избытке, а того, что умиротворило бы закипающую голову – не было и намёка. Интуиция шептала что-то невнятное, тихое и неразборчивое, но она даже не пыталась ничего понять, просто надоело распутывать безобразные, скомканные клубки.

«Может неспроста всё это происходит – думала она, не сдвинувшись с места – может это только начало...»

Она продолжила свой привычный и заученный путь. Побрела унылыми и тихими шагами вдоль молчаливой и парадной залы, видевшей не один яркий и красочный бал и маскарад – любимая затея Лансере Монтескьери, но крайне ненавистная Дерианом, который взрывался в негодовании и ярости, услыша, совершенно случайно, о тайной подготовке, скрытой нарочно от его ушей. Банкетный зал удивлял и восхищал своими размерами и изяществом. Превосходная настенная живопись, выполненная лучшими итальянскими, скупулёзными художниками, передавшие своими руками сцены из всевозможных романтических новелл и нестареющих мифов. Дополняли насыщенную палитру, бесчисленное количество портретов, отображающих нить поколений великого семейства, завершивших своё шествие на трёх молодых, и на сей момент последних, наследницах несметного состояния. Одна из которых, задумчивая, с безразличным любопытством оценивала свой портрет. Она не видела нечего особенного в своём лице, да, большие чёрные глаза, пухлые губы, обезображенные яркой помадой, тёмные, длинные локоны волос, непослушные и густые, в лёгком творческом беспорядке, уложенные талантливой рукой портретиста. Природная бледность, была примечательной и завидной частью её лица, первостепенной в безжалостной моде. Её изнеженные сёстры, Изабелла и Мадлен, изводили себя и служанок, что бы добиться естественной мраморности кожи, но безуспешно вздыхая, слезливо отворачивались от своих отражений. Хитрил художник, пополняя свой карман звонкими монетами, которые доплатил Лансере, что бы избавить от уныния и обиды, любимых и дорогих чад.

Аделия перевела взгляд на длинный, украшенный живыми цветами стол, она не любила его, по той простой причине, что находясь за ним, становишься заложником лживых улыбок, пафосных речей, фальшивых комплиментов, и замерзаешь от холода алчных, жадных и голодных глаз, он ассоциировался с очередным мероприятием, затеянным, её общительным и щедрым дядей. Ей как будто и сейчас слышался звон опустошаемых тарелок, стон хрустальных фужеров, богато одаренных терпким, едва сладковатым, знающим время напитком, она, нахмурившись, поспешила дальше, стараясь как можно быстрее проскочить картинную галерею, которая насчитывала, не один десяток портретов её нелюбимых сестриц. Неожиданно, мимо неё, озадаченно и дрожа, пробежал Лансере, его посеревшее лицо, покорённой испугу и страху, выражало неуправляемую боль. Нахлынувший интерес, она секундой погасила, одно лишь желание крушило и опустошало её, безумно хотелось отдаться сну, забыться в нём, а проснувшись, осознать, или точнее уверить себя, в том, что происшедшее, не больше чем оплот уставшего воображения.

А нежданное и негаданное послание, или злое письмо, как изложил для себя первоначально Лансере, являлось не чем иным, как безнадежным приветом из заокеанья, с просьбой, а вернее с молением, которое перевернуло все планы, всю разложенную по полочкам деятельность, откинуло в стороны как ненужный хлам, страхи, опасения, и забытые временем перипетии.

– Твоё слабование и несдержанный язык привели ко всему этому! – встретил громким обвинением Дериан дрожащего, испуганного Лансере – своими вечными письмами и слезливыми рассказами в них. Мельчайшие подробности в каждом из предложений!

Оцепеневший Лансере молчал, его сокрушало непонимание звучащим обвинениям, он, озираясь по сторонам, останавливал затравленный взгляд на скомканном листе бумаги, уныло покоившимся среди груды недокуренных сигар.

– Бедолага Лансере, остался без материнской опеки, брошенный в лапы, брату – тирану, несчастный человек! – доходил до иступления Дериан – счастье иногда улыбается неудачникам!

– Прекрати, я устал выслушивать твой пьяный бред! Скажи в чём дело, и хватит бессмысленных обвинений! – решившись, угрюмо проговорил Лансере, глядя на озверевшего брата. Вместо слов слышался львиный рык, вместо глаз, остекленевшие, бесчувственные вспышки, напоминающие предсмертную агонию, страдальчески искривились губы, которые пронзали жестокими подозрениями, но восприняв их, мозг не сеял обвинений в отместку, он подавал сигнал, что пора действовать, активно поддержать, и мирно добиться истинных объяснений.

– Мы семья, Дериан, слышишь, мы единое целое, мы должны быть вместе, я смогу тебя понять, поверь мне, главное в эту минуту не отворачивайся от меня! – умоляюще и преданно сказал Лансере, поднимая с пола, частично прожженное, страдальческое письмо – я всю жизнь тебя слушал, всегда был на твоей стороне, верил тебе всегда, был под твоим началом, хотя бы единственный раз послушай ты меня, и я смогу тебе помочь! – оборвав свой душевный порыв, Лансере принялся жадно поглощать торопливо написанные строки, твёрдой рукой Винченцо Монтеस्कьери.

– Я никогда не думал, что мать, способна на такое, что могло на неё найти? – говорил сам себе Дериан, вцепившись руками в свою голову – что с нею стало?

– Я нахожу в этом недюжий смысл, предчувствие меня не покидало! – повышая голос, рассуждал Лансере – у них есть право требовать у нас свидания с детьми, и это естественно! Весьма проблематичная, полная неудобств и жёсткости дорога, и наконец, придёт итог холодной вражде – скромно и довольно улыбнувшись, он аккуратно сложил листок бумаги в конверт, который, если и можно назвать этим словом, то только в шутку.

– Да что за чушь ты несёшь? Меня раздражает твоя покорность! Я ненавижу тебя за то, что ты не можешь сказать даже слова поперёк! Тебе сколько лет? Десять? Пятнадцать? Тебе уже сорок, а от материнской юбки оторваться никак не можешь! – в привычном и истерическом крике изводился Дериан – мне плевать, как ты поступишь! Ты знаешь, что мне надоело каждый раз говорить тебе одно и то же, езжай куда хочешь, к кому хочешь, уезжай хоть навсегда, только мою дочь не трогай, у тебя есть свои дети, вот и решай на счёт них, а тебе, я даже не позволяю раскрыть рта, в присутствии Аделии!

– Какой ты всё-таки заботливый и любящий отец – приготовившись к атаке, сквозь зубы съязвил Лансере – вспомнил, впервые, за семнадцать лет, что у него есть ребёнок, замечательная и неотразимая дочурка!

– Ах ты, жалкий! Решил сострить? Как земля носит таких... – Дериан злостно выругался и судорожно направился к окну. Он ударил кулаком по одному из многочисленных стёкол, оно вдребезги раскрошилось, за ним последовало следующее, и так бы он разделался со всеми, если бы Лансере не удержал его окровавленную руку.

– Не смей мне мешать, не смей, не смей удерживать меня!

– Тише, братишка – прослезившись, шептал Лансере, прижимая к себе разгорячённого Дериана, а тот и не стал сопротивляться, он охотно обнял заботливого брата, словно в далёком детстве, после длительной ссоры – я с тобой, всё будет хорошо. За Аделию можешь не переживать, она сможет постоять за себя, она сильная, как ты, я буду всегда рядом с ней к тому же!

– Как ты не поймёшь, я не смогу её отпустить, я боюсь её потерять!

– Да что ты такое говоришь?! Океан таит в себе немало опасностей, но что бы так убивать себя! Это лишнее!

– Ты просто ничего не знаешь, ты не знаешь о моей ошибке, которую совершил больше чем пол жизни назад! – вырываясь с крепких объятий, завопил Дериан – сегодня я попытался открыться в этом грехе Аделии, но я растерялся, как я могу признаться ей в том, что загубил, всю её жизнь, искалечив дальнейшую судьбу?! Я хотел укрыть её здесь, в стенах этого замка, не позволяя ступить дальше наших владений. Но всё как я вижу, напрасно, у меня нет, ни шансов, ни надежды, повернуть в мирное русло.

Столько боли на лице, измученном страхом, столько сухих, но таких естественных слёз, не видел такого Лансере ещё никогда, он просто молчал, приняв как свою, эту загадочную трагедию.

– Случившееся сегодня, окончательно подкосило меня. Я обессилен, во мне нет больше сил бороться, но отдавать её никому не собираюсь! – привычным и ловким движением он извлёк из ближайшего ящика уже начатую бутылку рома. Он нетерпеливо пытался откупорить её, но тщетно, она не поддавалась. Недолго повозившись с ней, он повторно, щедро выругался, и не жалея ударил бутылкою о стену, на которой красовался серьёзный, с натянутой и недовольной улыбкой, зеленоглазый молодой человек – знаешь, как я ненавижу его! – сказал Дериан, кивая головой в сторону портрета – он такой мерзопакостный тип, с ним лучше не иметь дело.

– Она сказала – проигнорировав его, не слушая, понуро отозвался Лансере – что видела какого-то мужчину, я ей тогда не поверил, она хотела мне ещё наверно поведать о чём-то, но подумав, что бессмысленно, решила промолчать. Я уверен, что Аделия догадывается о крадущейся беде.

– Чертовская сила, они уже и сюда добрались – панически произнес Дериан, не желая верить в услышанное – и самое страшное, что никакая охрана и стража не поможет, она будет бессильна.

Лансере, замешкавшись, погрузился в удручающие думы. Не видел реалии в рассказе брата он, хотя и сопереживал, и принял как свою, полную нераскрытых вопросов печальную тайну. Посчитал, что Дериан, уцепившись за воздух, пытается найти любой повод, даже самый бредовый и пустой, что бы поступить по своему, на зло, идя наперекор всем.

– Дериан, остепенись, уступи, ты же не проходимцам отдаёшь на временное попечение дочь, а родителям нашим! – сокрушался Лансере – они ведь даже её не видели, они даже и представления не имеют, о твоём ребёнке! Ты должен решиться!

– А этот твой проклятый испанец, какими судьбами вписался! Какого чёрта, мать так рьяно требует и его присутствия? Кто он? Жалкий юнец, подхалим, грязный тип, которого ты подобрал на улице, как щенка, и теперь пропадаешь в Лондоне, угождая всем его прихотям.

– Ты не смеешь так оскорблять его! – крикнул Лансере сжимая кулаки и краснея от злости – твои дружки, такие же, как и ты, превратили в гадюшник этот кабинет, а каким он был, ты вспомни, когда принадлежал отцу! У тебя своя жизнь, у меня своя, я не вмешиваюсь в твои тёмные делишки, и ты будь любезен, не иметь ко мне претензий!

– Ты от меня что скрываешь – устало сказал Дериан – я же вижу тут дело нечисто, опять с матерью чего намудрили? Любители! – он выпытывающе, строго, без стеснения и скромности, испепеляюще смотрел на Лансере. Не было ни сил, ни желания злиться. Мирно и непоколебимо, он распечатал очередную сигару, уютно и представительно разместился на кожаном диване, и монотонно продолжил – благотворительные настроения не дают покоя? Ну давай, давай, смелей, хуже чем сейчас, уже не будет, у меня поважней проблемы есть, просто порадуй мои уши, хоть чем-то новеньким! Не скромничай, мне очень любопытно! – отсчитывал, словно маленького ребёнка, растерявшегося Лансере – не тяни время, наверно уже забыл, что тебя ждут, эта жадная и хитрая семейка!

– Думаю, ты помнишь, когда я на несколько месяцев уезжал в Лондон – оправдываясь, мялся с ноги на ногу попеременно, то краснеющий, то бледнеющий Лансере – ну так вот – он тяжело вздохнул, и опёршись плечом о книжный стеллаж, для уверенности, продолжил – в нашем доме, том старом, небольшом особнячке живёт Икер. Подожди, подожди, стены этого дома, всё равно пустовали – вытирая катившийся градом пот со лба, задыхаясь, ускорил речь Лансере, видя, что Дериан, раздражённо сломал и закинул, недокуренную сигару, в грудь таких же, сломанных и истлевших – не сердись, ты же попросил, рассказать тебе всё! Это только начало! Я виделся с нашей матерью, она несколько раз приезжала в Лондон, и останавливалась

там! Теперь прошло немало времени, её сильно измотали эти длительные жестокие путешествия. Она очень тоскует по нам с тобой, она безумно скучает.

– Лансере, ты что издеваешься, ты в своём уме? Ты вообще понимаешь, что ты сейчас говоришь?!

– Да, я отдаю себе отчёт в сказанном, я говорю что есть, и что было, и моя голова трезва, а мысли, свежи! Ты противься как хочешь, письмо, я прочитаю всем, и даже Аделии, она взрослый человек, и решение может принять самостоятельно! Вспомни себя, кого ты слушал? Ты жил по своим правилам и законам, а теперь, придумываешь запреты, о которых когда-то, и слушать не хотел! Икер поедет с нами, об этом, я позабочусь сам, твоя обыденная и грязная грубость мне не нужна! А вот именно тебе, я и посоветовал бы подумать сначала, а потом уже плести чепуху, просвежи свою голову, и оставь нелепые бредни при себе!

Последние слова, он постарался выделить, как можно чётче. Он не ожидал от себя, что так смело, сможет выплеснуть накипевшие, не за один день сдерживаемые переживания, которые время от времени неумолимо душили, желая стать сказанными. Его больше ничто не держало, в этих пронизанных едким дымом стенах. Решение, самостоятельно, без чьего-либо попечения, было принято им незамедлительно, после смелого итога беседы. Изменив своей устоявшейся натуре, он, решил, хотя бы для самого себя, что имеет права голоса, и при всём притом, вполне справедливое и оправданное. Его увлекла новая забота, которой, он с радостью, уделит время и средства, а в его голове, не произвольно рождались идеи, осуществление которых, покориться с лёгкостью и улыбкой.

Действительно, когда не знаешь чего ожидать, начинаешь с упоением придумывать, сочинять, кивая в ответ своим мыслям, а потом неожиданно и уклончиво, нежеланное сменяется приятным поворотом, и вот тогда наступает, острое и сладострастное блаженство.

Как человек, отдающий себя целиком и полностью своим детям, и не желающий делить их ни с кем, довольный в душе, но с фальшивой грустью на лице, сердечно сыпал предложениями, отложить столь значимое знакомство, на неопределённо длительный срок. Лансере, искренне извинялся, грешил на всё вокруг, рассыпался в обещаниях, чувствуя ликующую душу. Лорд Монферан, естественно был крайне зол и рассержен, его ожидания, рухнули и испарились на глазах, он подавал смелые, прямолинейные, даже какие-то предельно наглые и алчные надежды, зная податливость и детскую наивность, добряка Лансере. Прощание было коротким, возможно, его бы и не было вовсе, если бы не Андре Монферан, после приторных поклонов и жестов, после массы ярких реплик и слов, подытожил, не скрывая холодной улыбки:

– Вы, верно соскучились по юному испанцу, будьте добрыми, встретить этой ночью его должным образом!

Лансере однозначно услышал сказанное, но не успел воспринять. Перед его глазами скользнула карета, послышался окрик кучера и ржание лошадей, скрип колёс и пустота...

Смеркалось. По коридорам доносились торопливые шаги прислуги, они спешили как можно скорее зажечь канделябры и свечи, а при необходимости щедро пропитать смолой факелы, проверив кованые зажимы. Дворецкий, хмуро и придирчиво, насупив брови, оценивал окружающую обстановку, шествуя в компании улыбчивой экономки, имевшей очень полное лицо, с нездоровым ярко красным оттенком. Она негромко, иногда чуть повышая интонацию, сетовала на двух горничных, которые, обвиняя друг друга, никак не могли поверить, что объект их интереса, не поддаваясь на провокации, остаётся верным семьянином. Изо дня в день, его уши выслушивали одно и то же, повторные жалобы вызывали в нём, уже не злость, а поблёкшую скуку.

Стивен Робинсон, личный камердинер Лансере Монтескьери, перебирал многочисленные наряды своего хозяина, которые пестрили дороговизной ткани и отделкой, тончайшей,

ручной работы. Белый и золотой, были приоритетными в цветовой гамме, а чёрный бархат протканый золотом и серебром, стоял так же, на одном из первых мест, в гардеробе скромного модника.

Пустым и потерянным взглядом, смотрел Лансере на камердинера, не вникая в его занимательные истории и свежие новости светской жизни. Он удручённо ждал ночи, до боли боясь приезда Бернардоса, он вспоминал снова и снова, заплаканные серые глаза, чёрные длинные ресницы, окропленные солёными слезами, словно росой, дрожащие бледные губы, которые не уставали шептать « В чём моя вина, в чём? В том, что я испанец?» Как давно это было, но как свежо это преподносила память. Его дыхание замирало, нет, оно останавливалось, когда воображение, снова и снова, рисовало ужасающие картины.

– Добрый вечер, я не помешаю? – чуть слышно спросила Аделия, заходя в комнату. Она удивилась, разложенным в беспорядке вещам, так как обладатель их, очень строг к чистоте и порядку.

Лансере, решил завлечь себя пустым, никчёмным занятием, которое можно было и осуществить гораздо позже. И это понятно, переполненные переживания, должны были куда-нибудь излиться.

Стивен Робинсон, найдя в глазах Лансере, подтверждения своих мыслей об уходе, незаметно испарился, будучи догадливым и опытным.

– Я всё знаю, Монферан перед уездом посвятил меня, так понимаю и тебя тоже – монотонно проговорил Лансере, глубоко вздохнув – теперь и Дериан это знает, да и смысл скрывать! – он махнул рукой и неохотно встал с кровати.

Он взял одну из книг, разбросанных в беспорядке на столешнице, аккуратно открыл её, и, замерев на пару секунд, достал потрёпанный, помятый конверт. Он терзал его в руках, хотел вернуться, что бы спрятать обратно, метался по комнате, как загнанный зверь, наконец решившись, протянул его Аделии, она наблюдавшая за ним, переспросила:

– Мне кажется, что читать мне его не стоит!

– Читай, ты должна всё знать. Только внимательно, вникай в каждое слово, а потом скажи мне всего лишь одно слово «да» или «нет» – Лансере отвернулся, и кусая губы ожидал, играя костяшками пальцев.

« Лансере и Дериан.

Сыновья мои. Я устал враждовать. Я очень хочу попросить прощения за всё. Мне трудно писать, руки не слушаются меня, как и голова, которая беспрестанно болит, так что не вините строго. Чувствую, моё время подходит, я не справляюсь со своими обязанностями, и вынужден переложить всё на плечи моего преданного помощника. Думаю, вы наверно уже поняли, какого характера, будет это письмо. Я стараюсь писать твёрдо, как и прежде, но выходит всё с невероятным трудом...»

Аделия прервав чтение, обратилась к Лансере, который, напряжённо поглядывал, то в окно, то на неё.

– Он болен? Но чем? Я читала его письма прежде, они были совершенно другими!

– Читай дальше! Я тебе уже сказал, и не останавливайся! – строго и неприятно сказал он, не отрывая своих глаз с окна.

Она нехотя продолжила поглощать строки, с прохладным и каким-то промозглым отращением, не к человеку, который их писал, а к настроению изложенных мыслей. Почерк изменился, он стал более торопливым и нескладным.

«...Прошло два дня, а я никак не могу закончить письмо, болезнь оказалась сильнее меня. Доктор не покидает моих покоев, говорит скоро мне должно стать легче. Лансере, обращаюсь к тебе, дорогой мой, ты в праве быть в обиде на меня, прими мои слова о прощении, я никогда не понимал твоей доброты, главное, что у тебя сейчас всё благополучно. Твои милые

дочки уже выросли, даже представить не могу, какими они стали, я их помню совсем крошечными.

Дериан, к тебе, у меня отдельный разговор, причиной наших непониманий, являюсь я, но и ты, признайся себе, в холодной отчуждённости от семьи, твоя душа слишком сильная, мой сын, далеко не у всех такая же. Принимай людей такими, какие они есть. Дериан, сынок мой дорогой, смирись с моей просьбой, и пойми её. Появление Арианы в стенах нашего замка стало неожиданностью, прости, я не в праве был так поступать, приняв её холодно и даже грубо, мои мысли и предположить не могли, что под сердцем у неё был твой ребёнок. Тогда я считал неправильным, что дочь бедного лавочника, станет частью благородной семьи Монтескьери. Лансере, мне писал, какая превосходная у тебя дочь, какой она умный и справедливый человек. Мои глаза безумно хотят увидеть её, если возможно, отпусти её, исполни моё последнее желание, больше ничего мне не нужно в этой жизни.

И вот ещё, я забыл, по этому вопросу я обращаюсь к Лансере, мы с матерью вашей, решили, что негоже будет забывать о несчастном мальчике, ты понимаешь, о ком я, ну так вот, мы пригласили и его. Моя любимая Марианна, любовь всей моей жизни, спутница преданная моя, уже поспешила оповестить его. Её строгое сердце, преданно хорошим и добрым людям. Примите его в список спутников, по хранящему опасности пути. Я заканчиваю писать, надеюсь на ваше благоразумие и уважение к нам. Мы ожидаем вас, буду верить, что успеете застать меня живым, в ясной памяти.

Люблю вас всех, спешу увидеть. Ещё раз простите за всё. Может это судьба меня и наказала, я заслуживаю этого.

Всего хорошего, дети мои »

– Да, Лансере, я конечно же поеду, а иначе ведь, никак! – задумчиво произнесла Аделия, видя что её дядя, до изнеможения истрепал белоснежный платок – бесчеловечно было бы сказать нет!

– Я так и думал – уверенно подтвердил свои мысли он, пытаясь заглянуть за её спину – у тебя тоже есть что-то ко мне?

– Да – потухая шепнула Аделия – отец, настойчиво, безумно волнуясь, поведал историю, показавшуюся мне сначала пьяной выдумкой, но теперь я нашла подтверждение его слов – она протянула Лансере пожелтевший листок бумаги – отец променял меня на три бутылки вина – по её лицу потекли слёзы, глаза покраснели, и дрожащим голосом, она продолжила – да что сегодня за день, какие-то письма, послания, тайны, Лансере, этот листок я нашла в той книге, которая, чудом уцелела после пожара.

– Не могу в это поверить! Аделия, милая моя, успокойся, прими это как совпадение! Это невозможно! – взволновался Лансере, вспоминая, разговор с братом – выдуманная история, рождённая нетрезвыми мыслями. Сама подумай, кто эти люди, как они могли проникнуть сюда, преподнеся твоим глазам эти строки, они бы не смогли никакими путями попасть в этот замок, у нас слишком хорошая охрана, и зачем всё это? Зачем им нужна ты? – он говорил, больше успокаивая себя, нежели её, он сходил с ума от нахлынувших вопросов – и тот мужчина, коего ты видела, я тебе повторюсь, было сном!

– Всё, всё, хватит, больше не будем об этом – насторожившись, сказала Аделия, проверяя плотно ли закрыта дверь, она решила, что самостоятельно разберётся в этой беде, так как нет смысла, её навязывать кому-то – верни мне пожалуйста листок бумаги, и забудь об этом. Сейчас у нас требуют решений, другие вопросы. Вы, сговорившись как нарочно, оказывается, меня обманывали! Кто угодно, только не ты! – Аделия приблизилась к Лансере, пытаясь сдержаться, заговорила – как можно жить в этой лжи, вся моя жизнь короче, чем весь этот день! И к тому же, он ещё не завершился! Лансере, неужели это ещё не всё?

– Девочка моя, милая – растерянно заговаривался Лансере – ты очень умный человек, и не затруднит тебя объяснить для самой себя, в чём собственно дело. Я тебе никогда не желал

зла! И вот сегодня, драгоценная ты моя, Дериан мне всё поведал, извини, ты просила не говорить об этом, он запретил показывать тебе письмо. Он сказал, что сделал грубейшую ошибку, будучи совсем ещё юным, и теперь... – он замолчал, скорбно обнял Аделию, неясное шепча себе.

– Теперь проверим, какой будет расплата, мне даже любопытно, на что я смогу стодиться – флегматично рассуждала она, пытаясь успокоить рыдающего Лансере – приму судьбу такой, какая она есть!

– Аделия, прекрати – не унимался Лансере – хватит. Это всё вымысел, не ведись на него. Не будь такой, по отношению к себе. С тобой всё будет хорошо, я не позволю никому тебя обидеть.

Секунды походили на минуты, минуты превращались в часы, время мистически и каверзно, изменило свой ход. Ночь желтоглазая и звёздная, вошла в свои права, она играючи дразнила своей тишиной, она прокралась, в каждый уголок, её печальный мрак, тревожил души и мысли. Летучие мыши, вечные спутники страхов и домыслов, единственные, кто себя чувствовал уютно в этой ночи. Они, покорившись своему величию, желали проникнуть всюду, стремились в открытые окна, пугали истошными криками. Погруженный в тревогу роскошный замок, уныло смотрел в своё отражение. Зеркальное озеро, как талантливый художник, чётко, без погрешностей передавало массивные каменные стены, резные, фигурные окна. Скромная часовня, прилегающая к центральной башне, как бы ненароком коснулась краешка убывающей луны, и смущённо отстранилась, отпуская её, искать очередное пристанище. Спящий парк молчал, белоснежные скульптуры застыли, отпечатав трагикомедию, на задумчивых, погруженных в свои переживания, лицах, казалось, лунное облачение, вселит в них жизнь, и десятки статуй, закружатся в завораживающем танце. Фонтаны, так же, ждали рождения нового дня, желая стать звенящими, привлекая любопытные, до прекрасного взоры.

Вовлекаясь в окружающую обстановку, дыша её непринуждённостью, ожидали активных перемен Аделия и Лансере, они затворнически шептались, озирались беспрестанно на часы, прислушиваясь к малейшим шорохам. Затаив дыхание, они переглянулись, не могло казаться, одного и того же сразу двоим, едва уловимый скрип колёс, перемешивался с цоканьем подкованных копыт, на мгновение прежняя тишина воцарилась, но была угнетена какими-то обрывистыми выкриками. Аделия не смогла удержаться на месте, её как окрылил неожиданный крик, она, не слушая предостережений Лансере, направилась к парадным дверям. Пробегая через многочисленные залы, галереи, мимо двух библиотек, одна из которых – идея её отца, иметь лично свою коллекцию, не прикасаемую никем, созданную, только для его личного пользования. Тихая музыка, и лёгкое пение донеслись до неё, вспомнив, что Изабелла, имевшая привычку музицировать по ночам, запираясь в специально отведенной для этой цели комнате.

Массивные, тяжёлые двери не поддавались, они были заперты, она бессильно пыталась, отворить её, сбив ладони и до крови изодрав пальцы, она сделала последнее усилие, замок щёлкнул, её счастье, что закрыт он был, не до конца. Длинная терраса вела её к последующей преграде, воротам, за которыми следовали очередные. Она, безнадежно вздохнув, сбежала по небольшой лесенке, и хотела последовать дальше, как звонкий голос стражника, произнёс:

– Мисс, будьте добры, вернитесь обратно.

– В чём дело? Мне нужно покинуть пределы замка, и вы не имеете никакого права меня удерживать!

– Было приказано не выпускать Вас. Мисс Монтескьери, вернитесь обратно – невозмутимо отчеканил, очень крупный, невысокий мужчина.

– Ну хорошо, хорошо – раздражаясь закричала Аделия – продолжайте блюсти чистоту и порядок.

Ей оставался единственный шанс, воспользоваться тайным, подземным ходом. Их было несколько, и лишь единственный, который её устраивал, выходил в лес, в один из низких домиков, считавшихся собственностью лесничего, старого, прожившего здесь, не одно десятилетие, ворчуна Джерри. Так прозвал его придворный люд, и рабочие небольшого поселения, устроившегося у подножья каменного дворца.

Аделия спешила на кухню, там, в одном из подсобных помещений, под лестницей скрывалась крохотная, отсыревшая дверь, которую когда-то, совершенно случайно, они обнаружили с Икером. Она вошла в погружённую во мрак комнату, по той причине, что лунный свет, не проникал сюда, так как помещение было, полуподвальным, холодным, условия, созданные специально для удобств, рабочих персон. Она знающе открыла створки навесного шкафа, предназначенного для хозяйственных нужд, провела рукой, и нашла лишь огарок сальной свечи. Решила воспользоваться, тем, что есть, восприняв как должное череду неудач. Её не страшил тёмный и промозглый подвал, хотя, бывая здесь раньше, она сомнительно сторонилась кладовой, холодильной комнаты, которая хранила свежие тушки несчастных животных, которые, доводили до отчаяния, её ранимое и острое восприятие. И тогда царило утро, или шумный день, когда повара и поварихи, суетясь, шустро и ловко, создавали изыски, для своих хозяев, а сейчас глухая ночь, кругом пустота и мрак, а впереди, длинная подземная дорога, тянущаяся под всем каменным дворцом, в печальном одиночестве. Но страх, это последнее, что она допускала в себе, не было даже мысли, покориться ему. Скучно осветив пространство вокруг себя, неловко и аккуратно ступила вперёд, естественным образом, не заметив упавшую на пол ложку. Прибор, оказавшейся под ногой, скользнул о плиточный пол, и падения, казалось, не миновать, если бы, не цепкие и сильные руки, которые поймали её.

– Не стоило бы идти на такие жертвы из-за меня, отец. Мне хватит по гроб жизни одной из них – грубо и резко, отстраняя от себя Дериана, сказала Аделия.

Он знал обо всём, и не мог, не догадаться, что, единственный свободный путь пожелает использовать, по дороге к намеченной цели.

– Я хотел тебя предупредить обо всём, но я чётко увидел, что мне ты не поверила...

– На, держи, своё заветное желание – перебила Аделия Дериана, комкая злополучный листок – своё ты получил, я не сомневаюсь, и был этому безумно рад! Мне не важно, как оно попало ко мне! Кто его передал, мне уже абсолютно всё равно на это! Действительно, возможно тебя и гложет удивление, как я разговариваю с тобой, и каким тоном, просто, когда узнаёшь, что равен бутылке вина, становишься почему-то нервным и обиженным.

– Постой, Аделия, всё не поздно исправить! За тобой остаётся только решение, остаться здесь, не покидая пределов поместья! Всё уляжется...

– Нет – повторно перебила она отца, глядя в светящиеся кошачьим блеском, зелёные глаза – решение я приняла, основательное и бесповоротное. Письмо я читала, и отказаться от приглашения, никак не могу. Быть спрятанной ото всех, это очень тяжело, не увидеть ни разу за всю жизнь родных, это больно, осознавать, что все годы своего существования, жила во лжи, это безжалостно, а понять, что всё мною сказанное выше, не сон, а реальность, вот это свёрх сумасшествия. У меня появился шанс, и я не смогу упустить его. Очень тяжело, когда любишь человека, считаешь его самым главным авторитетом, пряча слёзы обид, преданно и любя заглядываешь в глаза! А выходит, что оказываешься для него, просто пустым местом, человеком без имени, или того хуже, дешёвой, разменной вещью.

– Не уходи, я тебя умоляю, может получится так, что путешествие твоё окажется завершённым, на половине пути. Я не знаю что будет дальше, Аделия, главное перемени своё решение.

Она, отрицательно покачав головой, понуро опустила её, и поспешила дальше, озарять темноту, тусклой, одинокой и такой же как она, дрожащей свечей.

– Сейчас отменю свой приказ, Аделия – не унимался граф, чувствуя безвозвратность – вернись, и встречу своего испанца через центральные двери. Не надо идти туда, вернись.

– Мне теперь ничего, и не от кого не надо – раздался из темноты, удаляющейся голос – тем более от тебя.

Впервые в жизни, его изводила беспомощность. Кроме пустоты, он ничего не ощущал. В данный момент, осознавал, что является жертвой, подавленной, молчаливой, в точности такой же, какой становились, после его строптивых, грубых и безнравственных настроений. Хотя, это не единственное, что сокрушало его. Не ценя, на протяжении всех этих лет, скромной заботы своей дочери, не разглядев, её покорных стараний, стать ближе, он уходил, в сопровождении нескольких, прожженных друзей, ставшими для него семьёй. Их отношения, с Винченцо, никогда не ладились, хотя Дериан был, безоговорочно, для него любимым сыном, вот и сейчас, он наконец-то понял, что такое быть отвергнутым, родным ребёнком, вполне оправдано, в ответ на холодную обиду. Он не знал, куда девать себя в этот сумрачный час. Рождённое желание, броситься в объятия молчаливой супруги, вспыхнуло и одновременно погасло, его растворила не дремлющая идея, окунуться в забвенье.

Свеча, обессилив, редкими вспышками, освещала окружающее. Аделия шла, строго прямо, отчётливо слыша, суету крыс и мышей, их мерзкий визгливый писк. Густая сеть паутины, заставляла, беспрестанно останавливаться, что бы стряхнуть её. Наконец, графиня почувствовала под ногами насыпь, за которой, должна следовать каменная лестница, состоящая, из трёх высоких ступеней, первая из которых раскрошилась, а две последующие, грозили, в ближайшем будущем, превратиться в груды песка и камня. Несмело ступив на последнюю, она в кромешной темноте, попыталась отодвинуть деревянный засов, с прожилками железных вставок, он разохся, и не желал покидать зажимы. Пришлось раскачивать, не жалея пострадавшие пальцы. Раздался щелчок, и один из зажимов, лопнул, со звоном, падая на хрупкий пол. Стало гораздо легче, и деревянный брусок, с грохотом, последовал вниз, искалечив, вторую из ступеней. Она не знала, как поступить дальше, и приготовившись, к очередной атаке, погрузилась в поиски затвора. Но не успела очередной раз тяжело вздохнуть, как дверь, с лёгкостью отворилась, издав, просто ужасающий скрип, за ней насторожившись, ожидал, загадочного появления, старик Джерри. От удивления, он, замешкавшись, протянул Аделии руку, не находя подходящих слов.

– Прошу меня простить – оглядывая себя, проговорила Аделия – в столь поздний час, отвлечь Вас ото сна!

– Я никогда не сплю в этот час, мисс Монтескьери – с его лица, постепенно сходило удивление. Он кивком головы указал в сторону выхода. На мгновение засмотрелся на раскрытый ящик, и сожалеюще добавил – чёртовы крысы, бездонные их желудки... – он хотел продолжить, но решив, что речь будет, не благого характера, поспешил, на улицу.

– Мисс Монтескьери, я Вас прошу, не стоит путешествовать, такими способами, это небезопасно – старик аккуратно положил ключ в карман, оглянулся в сторону дома, и прикусив папиросу, как можно тише продолжил – я не спускаю, с этого сарая глаз, уж извините, что так грубо, но он мне не вселяет уверенности.

– Мистер Паттерсон, будете любезны, проводить меня, до главной дороги – желая, как можно скорее, увидеться с Бернардосом, сказала она, заметя, как изменился мужчина в лице, так как отвык уже, слышать свою фамилию. Для него стало рядовой нормой, откликаться, на ворчуна Джерри – мне нужно встретить одного человека, только вот теперь, я не знаю, где его искать. Я слышала только, что карета остановилась, послышались какие-то крики, и тишина. Мне очень страшно, за него, мистер Паттерсон, Вы же мне поможете его отыскать? – Аделия остановилась, и крепко сжав руку старика, продолжила – пожалуйста!

– Такого высокого, молодого человека, с которым, вы когда-то из жалости, спустили всех моих собак? – он лукаво улыбнулся, и указал движением глаз в сторону своего крыльца – мне так кажется, что, это тот, кого Вы искали, мисс Монтескьери.

Аделия растерянно всматривалась в красивый мужской силуэт, неподвижно стоящий у деревянной опоры.

– Икер? – не решаясь, осторожно и тихо подходила к нему она.

Её воспоминания, отстранённо сталкивались с реальностью, не находя, тех черт, которые врезались в память. Невольно, перед ней вырос, двенадцатилетний мальчик, скромный и смущённый, который редко смотрит в глаза, печально улыбается, и стеснительно, не решаясь, берёт за руку, ведя за собой. А тот молодой мужчина, который предстал перед её глазами, просто двойник, выдающий себя, за друга детства. Плотный прилегающий к телу, чёрный камзол, имеющий узкие полы, стоячий воротник – всё так же, как и прежде, его вкусы не изменились, не удивительно, что и отсутствовали на запястье кружевные манжеты, выводившие всегда из себя его скромную натуру, хотя мода, так и проповедовала, этот белоснежный атрибут.

– Ты как всегда, не изменяешь себе, но тебя, если честно я не узнаю – она смущённо опустила глаза, густо покраснев, её обрадовало, что тень от фонаря, скрывает лицо.

Аделия невероятно волновалась. Ей больше чудилось, что это, совершенно незнакомый парень, он присутствовал в её мыслях и снах, она имела возможность с ним общаться, и даже существовать под одной крышей, вот только сейчас, всё это предательски опустилось, оставляя только то, что начинать, придётся с нуля, повторно привыкая, и подстраиваясь под повзрослевший характер.

– Боже мой, Аделия – прошептал, улыбаясь испанец. Он взял обе её руки, и крепко сжав их, продолжил – я думал, что уже больше никогда не прикаснусь к тебе.

Он робко и предельно нежно, потянул Аделию к себе, она ответив на его порыв, прижалась головой к груди, в которой барабанной дробью, колотилось сердце.

– Икер, мне так их не хватало – она закрыла глаза, слушая его шумное дыхание.

– А я удивляюсь, как смог прожил пять лет, не видя, не ощущая тебя.

Икер Бернардос, имел неосторожность, допустить в себе смелую мысль, развивая её на протяжении нескольких лет, посчитал, что просто обязан, воплотить её в жизнь. В его душе, тогда ещё юной и ранимой, рождалось странное чувство тоски, когда, заботливый Лансере, отводил каждого, по своим комнатам, укладывая в постель. Икеру, не разобравшемуся тогда в себе, было обидно, что Аделия, резвилась словно ветер, смеялась, и вела себя равнодушно, уходя спать, тогда как он, потускнев, начинал отсчёт часов до утра. Икер, был вполне симпатичен, и даже красив, на него с интересом, заглядываются юные особы, но он ими интересоваться, совсем не спешил, его интересом, была учёба, он стремился добиться высоких результатов, стремился оправдать надежды Лансере. Он был поглощён Аделией, только она одна, была выше его стремлений к познаниям, она одна была тем человеком, сравнение которому, не существовали. В свою очередь графиня, не спешила обременять своё сердце, оно пустовало, и её это совсем не смущало. Гордясь обладанием такого преданного человека, верного друга, и просто замечательного человека, она ликовала. Нет, не из циничного эгоизма или выгоды, ей было приятно внимание, трепетное, покорное, целиком отдающее себя. Аделия, часто злилась на саму себя, проклинала, что не преподносит ничего в ответ, принимает, но не отдаёт. Она уважала его, бесспорно, за разговором, могла обнять, взять нежно за руку, даже, кротко поцеловать, в покрасневшую щеку, но это было, не голосом сердца, а нежным шёпотом уважения.

– Молодые люди, я, конечно, всё прекрасно понимаю, не побрезгуйте, предложением, испить по чашечки кофе – обеими руками привлекая к себе Аделию и Икера, ласково воскликнул Джерри – я тут вижу, дело серьёзное, обратно, в это подземелье я вас не пущу, будьте добры, пройдите ко мне.

Паттерсон, искушённый таким поворотом событий, посчитал нужным, не скромничать, а дружелюбно, принять неожиданных гостей. Он уж, и сам-то не помнил, когда за порог его, хрупкой хижины, кто-то захаживал, и с какими целями, однозначно, не с дружескими, так как проведя дистанцию, между собой и людьми, за неё никого не допускал. Но случай, свершившийся, этой ночью, не смог, не разрушить жестких границ.

– Простите, мисс Монтескьери, я не имею роскошной мебели, всё по минимуму необходимое – сетовал на скромную обстановку старик, суетясь с небольшим кусочком меха, который, аккуратно уложил на стул и поставил рядом с Аделией – вот пожалуйста мисс, располагайтесь.

– Спасибо большое, мистер Паттерсон – кивая головой, и отвечая тёплой улыбкой, на его старания, проговорила Аделия – я очень признательна Вам, за тёплый приём.

– Да нет-нет, не стоит – махнул рукой Джерри, и скрылся, за камином. Послышалось тихое кряхтение и явное, шумное недовольство, затем громкий голос протянул – здесь нет, под лестницей нет, ага – он неторопливо вынырнул, из-за угла, и хрипло отозвался – мистер Бернадос, да что же Вы стоите, присаживайтесь, к Вашим услугам, целая скамья – он очередной раз исчез из виду, загремел посудой, пролепетав себе что-то невнятное. Ненадолго открылся глазам, и отстранённо добавил – котелок, скрылся куда-то! Я вас наверно оставлю, простите уж меня, я постараюсь, не заставить себя ждать.

– Всё такой же суетливый и неугомонный – нетерпеливо прошептал Икер, ожидая, пока фигура лесника скроется из виду – хорошо мы ему тогда истрепали нервы, бедолага!

– Икер, зачем ты приехал? – сухо и холодно спросила Аделия – неужели, даже не догадываешься, как заставил страдать меня! А представь, как страдал Лансере, и как он переживает сейчас, будучи в растерянности!

– А что мне оставалось делать? – оправдывался Бернадос – сначала, я встретил Монферана, он сказал, что ты собираешься под венец за его брата, что твой отец одобрил ваш брак. Но мне-то, в это с трудом верилось, и всё равно я испугался! Потом, придя домой, обнаружил письмо, с приглашением к Винченцо и Марианне Монтескьери. Пойми меня, я не смог поступить иначе, я побоялся, что эта ложь, это твоё венчание, окажется правдой!

– Ты не изменился Икер, ты всё тот же! – холодным тоном говорила Аделия – ты веришь всем и всему! Сам подумай – сменив гнев на милость, вторила она – взгляни на меня, разве ты видишь, в моём лице невесту? Разве моё поведение доказывает это?

– Не гневи меня, прекрасная графиня – отозвался молодой человек, смутившись – в отчаянии можешь совершить до безумия глупые вещи.

– Мне-то это знакомо, до боли. Кстати, что случилось на дороге? Меня до жути испугали подозрительные крики!

– Всё в порядке – отмахнулся Икер – главное, что сейчас мы вместе!

– Вот зачем? Ты же знаешь, что от меня лучше, ничего не скрывать! – возмутилась Аделия – явно, что-то произошло? Я так догадываюсь, происки отцовских крыс?

– Я был готов ко всему. Мне не пугали мысли о твоём отце, так как я, прекрасно знаю, в каком бешенстве он от меня, мне просто стало безразлично на всё, после слов лорда Монферана. Нанял карету, и тихо и мирно отправился в путь. Ничто не предвещало беды. Дорога была по истину волшебна, в своём спокойствии. Неожиданно, я услышал громкий крик, карета резко остановилась, её окружило трое незнакомцев, один из которых направился к кучеру. Двое других, подошли ко мне, они жестоко выругались и заставили меня выйти. Теперь я думаю, зря попытался сопротивляться им – Икер прислушался к приближающемуся шагам. Звонкий голос перебил его попытку продолжить.

– Горячий, вкусный кофе – радостно и спеша воскликнул Паттерсон – пожалуйста, попробуйте – он поклонившись, повторно вышел – вам думаю, нужно поговорить, а я пока, пойду осмотрюсь.

– Неужели до такого можно опуститься?! – поведала свои мысли Икериу Аделия.

– После того случая, я мягко говоря, оказался на улице, а Лансере, по своему обычаю, не смог сказать и слова против! Ну а что ему было делать, он зависим от настроений твоего отца. Аделия, знаешь – Икер нежно взял её за руку, и, умиротворённо продолжил – нет страшнее, в моём случае сравнений. Дверь, перед лицом захлопывается, а за спиной, только проливной, холодный дождь, и куда деваться двенадцатилетнему мальчишке, оставшемуся без отца и матери? И теперь, эта молчаливая дорога, окончившаяся таким неприятным инцидентом, просто, пустое для меня.

– Ты хочешь сказать, что научился рисковать? И теперь бесстрашно сможешь ворваться в его кабинет, и заявить свои права, извини, которых у тебя и не было!

– Впадаете в крайности, Вам это присуще прелестная графиня Монтескьери! Вам дозволено многое, и многое в Вашей власти, я не посмею, даже подумать, зато Вы тоже, способны совершить с лёгкостью и поддержкой! Аделия – сменяя тон, продолжил он, становясь перед ней на колени, не выпуская её рук – я приехал из-за тебя, и только из-за тебя, так что, лишнее говорить тебе об этом. Свои мысли, я не способен утаить, и ты давно их уже обнаружила на моём лице. Я благодарен судьбе, за такую благосклонность, быть в обладании не одного месяца путешествия, рядом с тобой, и надеяться на твоё решение. У нас с тобой будет время разрешить все вопросы.

– Зачем ты спешишь? Я не пойму, Икер, дорогой мой друг, ты не знаешь, что со мной сделали годы, может, я теперь совсем другая, не та резвая и беззаботная особа! Может, во мне больше нет тех черт, которые привлекали тебя, я чувствую, что теперь я совершенно не тот ребёнок!

– Но ты та Аделия, которую я всегда...

Громкий лай собак, заглушал звонкий голос старика Джерри. Явно слышалось, что он пытается усмирить, обозлённых животных. Обрывки грубых ругательств смешивались с фрагментами леденящего душу смеха. Быстрые шаги приближались, сопровождаемые оглушительным рёвом. В дверях показалась высокая фигура Дериана, он застыл с мушкетом в руках, грозно сопя, слушал быстрые речи подчинённых, тесным полукольцом, стоящим за его спиной. Его бледное, вспотевшее лицо, обрамляли длинные пепельные волосы, растрепавшиеся от спешки, он нервно, по привычке, закинул их за плечи, и ехидно начал, играя мушкетом:

– Так-так, любопытная картина складывается. Что это у нас тут получается? Изнеженный влюблённый проходимец, хитрый и наглый, так умеючи добивается руки и сердца. Как ловко с твоей стороны – Дериан вальяжно подошёл к Бернадосу, вцепился пальцами в его плечё, и злостно, сквозь зубы процедил – думаешь, тебе повезло? Кучка идиотов на голову свалилась! – он сделал усилие, и поднял его с колен, молчаливого, с пустующим взглядом – тебе не придётся повторять, дорогу надеюсь запомнил – и что было силы, толкнул испанца к выходу.

– Если ты так увлечён политикой, дышишь межнациональным разладом, тебя бесит испанская нация – воскликнула Аделия, хватая в ярости руку отца – то отдельный человек, отдельная личность, виноватой быть не может!

– Уймись – взревел Дериан, видя, что его сталкивают с пьедестала величия, при том на глазах у слуг и подчиненных, а хуже для него в данный момент, ничего не было – тебе слова никто не давал!

– Ты последний человек, к которому я обращаюсь, и то только для того, что бы – Аделия, подгоняемая непреодолимым желанием выплеснуть накопившейся гнев, ударила его по лицу – упивайся и дальше холодной, беспочвенной блажью, променяй на вино и ром всё своё состояние, тебе это не впервой, папа.

Аделия почувствовала резкую, разливающуюся по жилам острую боль, её рука онемела. Графиня вскрикнула, прищурился глаза, по щекам потекли слёзы, нет, не слёзы телесной боли, а тяжёлого душевного переворота.

– Поставив крест на моей жизни, ты забываешь, что позволил проклясть и моих детей, которые не видели света, и не увидят никогда – продолжала бушевать она. Попыталась ослабить силу отцовских пальцев, но смысла в этом не было – позволь мне спокойно уйти, я не вернусь, как сделал это ты, клянусь, и меня ты не увидишь, больше никогда. Я за короткий промежуток, смогла смириться с неминуемой участью – она тяжело вздохнув, расслабила его пальцы, точнее, он позволил ей освободиться.

– Вон, все выйдите отсюда! – крикнул граф, взмахнув рукой.

– Аделия! – единственное, что успел крикнуть Икер, как его шустро взяли в охапку, и насильно вытолкали за пределы хрупкого домика.

– Ещё сопротивляется – закуривая произнёс Дериан, в его голосе пестрили нотки блаженства и удовольствия.

– Мы с тобой уже поговорили, и я не намерена выслушивать твои пьяные, вычурные истории, у меня больше нет ни сил, ни эмоций – Аделия откинув край занавески, взглянула в окно, толпа незнакомцев, окружала Бернардоса, угрюмо сидевшего на пне. Паттерсон, растерянно держал двух крупных собак, которые грозили сорваться.

– Не так быстро – отозвался граф, задёргивая окно – не надо перечить мне, я это очень как не люблю, можешь навести справки у своего любимого дядюшки – он широко распахнул, свои одурманенные зелёные глаза, и как бы ненароком продолжил – может ты вовсе и не моя дочь!

Аделия изъявила желание возмутиться, но её попытка была угнетена, поспешной ладонью отца, он, закрыв её губы, и шёпотом, фальшиво невинным и простодушным заговорил:

– Это я так шучу. Запомни, раз и навсегда. Ты дочь очень богатого и очень влиятельного человека, ты воспитанный и образованный человек, вспомни, я никогда, и ничего не заставлял тебя делать через силу – на мгновенье, он замолчал, провёл рукой по волосам, и с хитрой усмешкой, гораздо громче сказал – ищи себе под стать, а не подзаборных тюфяков. Он мужчина? Разве настоящие мужчины такие? Разве уважающий себя, кинется в ноги женщине? Аделия, ты не подумай, для меня карман на последнем месте.

– Я поняла, ты имеешь в виду мать?

– Да, ты догадлива, спору нет. Ну так вот, его жизнь, это не твоя, а чья-то чужая. То в твоей власти должен быть крепкий и волевой человек, не поддающийся на провокации, ни на какие, даже ваши женские хитрости не способны сломить нрав знающего себе цену мужчины.

– Но ведь мать смогла убить в тебе гордость! – воскликнула графиня, остановив свой взгляд на покрасневшей от удара щеке.

– Она её временно приглушила. Она очень хитра и коварна, хоть и молчалива и покорна. Сети её крепки, и временами, меня неумолимо тянет к ней. Так и должно быть – прикрикнул Дериан в порыве – так и должно быть! Попомни мои слова, клятву даю, что не раз их вспомнишь!

– Мне жаль тебя, ты несчастен и неисправим в своей безысходности, другим человеком, виделся мне на кухне. А ведь прошло чуть больше часа! – она натянуто улыбнулась, переведя взгляд на мушкет, поспешно спрятанный за поясом – для кого предназначена пуля? Там она всего лишь одна! Не с отпрыском ли своим хочешь свести счёты, что б, не мучилась, или с незаурядным испанцем, которого даже не знаешь? – Аделия, как бы виновато прикусила нижнюю губу, и как можно искренней прошептала, обняв осторожно за плечи отца – твой случайный поступок, мне открыл множество дверей, о которых я даже не знаю, но могу лишь догадываться. Но одно я знаю наверняка, там не будет хуже, чем здесь, возможно там меня ожидает выбор, которого, в этих стенах, у меня никогда не будет. А этот выстрел побереги, настанут лучшие времена, они подскажут, как распорядиться этой игрушкой.

Молчание воцарилось, не то, томящее и тяжёлое, а воздушное и лёгкое, сердце дышало облегчением, лёгкие, жадно и учащённо требовали всё новых и новых порций кислорода, не

хотелось, ни ему, ни ей, нарушать приятные, минуты тишины. Аделия обессилев, опустилась на стул, её слух резал бег подвижных стрелок, деревянных часов, никогда, он не казался ей таким громким. Деревянный пол, лениво и неохотно скрипел под ногами, слегка покачивающегося графа, который уйдя в раздумья, устремил свой взгляд на такую же ушедшую, в серые думы, графиню Монтескьери. Мысли его были хаотичны, он не мог уцепиться за что-то определённое. Он, теребя свой кожаный плащ, пытался прорезать его ногтём, доказывая о весьма негативном рое кишаших страстей, в застывшей, неподвижной голове. Чёрная рубашка была частично расстёгнута, его грудь, словно в такт спешащей стрелке, тяжело вздымалась. Продолговатый, ставший синюшным шрам, протянулся с плеча, и скрылся под дрожащей от сердечной дрожи, мрачной одеждой. Дериан забыл о своём обычае, прятать его, он очень не любил, когда вопрошающие взгляды, изнывали от любопытства, заметя на груди, подозрительный след. Лишь немногие знали, что заработал его, из добрых побуждений, попыткой защитить брата, от грязных слов и позора, коим сеяли злые языки. Отдыхая в пивной, в компании весёлых и шумных ребят, он совершенно случайно услышал, как за его спиной, громкие, пьяные голоса обсуждали первых лиц Лондона, и близлежащих поместий. Дериан, даже стерпел, смелые мысли незнакомцев в свой адрес, но когда, до его ушей долетело уничтожение добряка Лансере, что он слабовольный трус, графа это неистово оскорбило. Он пустил в ход свою силу, но противник, осознав, что не сможет отбиться, избрал лёгкий путь, достав из сапога искривлённый нож. И графа это не остановило, он искущённый злобой на косноязычных бездельников, продолжал крушить и терзать, их пустые и грязные тела.

– Отец, всё будет хорошо, не смотря ни на что, я не смогу возненавидеть тебя – источая искреннюю доброжелательность прошептала Аделия, повторно обняв и положив дрожащую ладонь на его оголённую грудь – я всегда хотела сблизиться с тобой, но ты отвергал меня, я проводила много времени с Лансере, потому что мне, очень не хватало тебя, вся нежность и любовь, которую я копила для тебя, теперь принадлежит ему, и это вполне справедливо – она прижалась щекой к его плечу, она ясно чувствовала, что этот разговор последний, и что больше, она не сможет ему открыться, так как разделит их время, надолго, на годы, а может и навсегда, её пугала такая уверенность, и обманывая себя, продолжила – будет угодно судьбе, мы свидимся, но пока что, прости, я не хочу видеть тебя – закрывая лицо руками, зарывав, покинула пределы лесничего убежища, и скрылась, в толще деревьев, убегая от всех, от себя.

Аделия бежала очень долго, ей почему-то казалось, что скорость гасит дикую боль и обиду. Сорвав с себя золотой медальон, подаренный отцом, в дар произнесённым первым словам, бросила его в недра глубокого оврага, несколько не пожалев об этом. Она пыталась догнать уходящую веру, к сожалению, ушедшую слишком далеко, что даже окрик, не смог бы повернуть её головы.

Ветви деревьев, неумолимо царапали белоснежную и нежную кожу, камни и прогнившие пни, сбивали ноги, заставляя останавливаться, и удержав равновесие следовать дальше. Скользкий мох, был вездесущ, и коварно стелясь, неоднократно ронял несчастную графиню. Но упорно и целенаправленно, она следовала дальше, не зная сама, куда спешит, и что ищет. Брошенная в объятья движения, не следя за дорогой, прорвалась сквозь толщу высокой травы. Наткнулась, на часть иссушенного старого дуба, который едва касался земли, и словно хмельной, поддавался едва уловимым порывам ветра, ей не составило труда повалить его, и вместе с ним, очутиться на краю, отвесного обрыва, уже имевшего тонкие ниточки трещин. Её забвение моментом рассеялось, и видя перед собой только крутой, резкий каменный спуск, уходящий вдаль, и сменяющийся макушками высоких деревьев, она в испуге попыталась вырваться, но острый корень, впившийся в завёрнутую в несколько слоёв нижнюю юбку, не позволял ей освободиться. Плачевно закончилась её попытка, разорвать придавленную ткань, усилия содрогали и крошили землю, трещины становились толще и шире. Аделия, уже слышала, как осколки грешной земли посыпались вниз, она крепко зажмурив глаза, ждала неминуемого падения.

Старый дуб, уже наполовину, свисавший над пропастью, настойчиво тянул ее за собой. Она умоляюще взглянула на луну, вдохнув в себя её яркий и холодный свет. Хватило сил проститься с ней, распахивая объятия неизбежному полету.

Лучи полуденного солнца лениво прогревали сырую, покрытую лёгким туманом землю, широкие листья папоротника, насытившись ночной влагой, блаженно налившись жизнью, периодически вздрагивали от скопившейся на тыльной стороне росы. Празднично наряженная липа, понуро свесив свои ароматные, полупрозрачные серёжки, хотела настойчиво привлечь внимание одиноко стоящего каштана, она протягивала к нему свои ветви, словно руки, но он хмуро отвернувшись, тосковал о своём. Небольшие каменные ущелья, ещё сохраняли обрывки густого утреннего тумана, и своим полумраком, продолжали печальные настроения зародившего дня. Не смотря на выглянувшее солнце, впечатление о благополучии погоды было обманчивым, тёмно серые, почти чёрные тучи, с грязно-жёлтым оттенком, грозили в недалёком будущем основательно войти в свои права, они временами, заманив солнце, упивались полуночным мраком, покоровшим землю.

Звонкий, игривый ручей, неугомонно и ловко сновал у подножий высокоствольных деревьев, он с детским задором и восторгом, струился по извилистому пути, который сам себе проложил, его крупные капли, сталкивались, и разбивались на тысячи сверкающих бриллиантов. Аделия повернула голову, и её лица коснулись бодрящие, ледяные, искры прохлады, она чувствовала, что пересохшие, солёные губы, не желали шевелиться, тогда протянув дрожащую руку, она зачерпнула немного воды, и поднесла, ближе, желая хотя бы окропить себя, но руки её не слушались, словно не она ими управляла. Тело изнывало, оно скованное тупой, разлитой болью, неподвижно покоилось, на одном из плоских камней, нередко встречающихся в этом лесу. Она вспоминая, о случившемся былой ночью, потрудилась объяснить себе все подробности, все мельчайшие моменты, и ситуацию происходящего в данный час. Никак не могла раскрыть для себя, что делает у ручья, если падение случилось гораздо дальше, гораздо севернее от возвышающегося замка. Единственное, чего она хотела, это покрепче закрыть глаза, и переместиться во вчерашнее утро, ещё спокойное и мирное, но казавшееся ей жестоким. Графиня силилась встать, ей эти попытки, никак не покорялись, опёршись руками об острые края камня, преодолевая жуткую боль, повторяла вновь и вновь, безутешные порывы. Она замерла, ей чётко послышался щелчок каблука, о скалистую, твёрдую поверхность. Краем глаза, уловила размытую тень, покоившуюся по правую руку от неё. Её охватила паника. Беспомощная, обездвиженная, в незнакомой части леса, в глубоком одиночестве, как забивалось её сердце! Аделия, испепелённая страхом, решительно, но очень медленно и осторожно, повернула голову, в сторону таинственной тени. Она удивлённо вскинула брови, и обескуражила саму себя, в лице закравшегося, придуманного собственным воображением чудовища, она не обнаружила. На таком же плоском камне, в ожидании, облокотясь о поваленное дерево, непринуждённо и раскованно, периодически постукивая каблуком, восседал интеллигентный мужчина, уже знакомый ей ранее, как сказочный гость, подаривший, притягательную улыбку и касание руки. Он молчал, оценивающе, и внимательно глядя на Аделию. Его, чуть вытянутое, бледное лицо, было неподвижно. Изящные, чувственные, дарящие ему грациозность и соблазнительность, тоненькие, усики, обрамляющие верхнюю губу, и борода, эти атрибуты элегантности идеально подчёркивали, его внутреннюю грацию и спокойствие. Французские черты, имеющие какой-то особенный характер, наполнили его всего. Он, ожидая расспросов, гулко стучал пальцами по сухой древесине, запрокидывал голову назад, разрешая, густым, тёмным, и волнующимся волосам, слиться в беспорядке.

– Я Вас помню – улыбнувшись сказала Аделия – значит Вы не сон.

Незнакомец, не спешил с ответом, он выдержал длительную паузу, и спокойно, как можно тише сказал.

– Да, к сожалению я реален.

– К сожалению? – переспросила графиня, и с трудом, но смогла заставить свои ноги, опуститься на землю.

Проигнорировав вопрос, он не торопясь встал и подошел к Аделии.

– Я не сомневаюсь, в твоей щедрости, но так, будь добра, больше, не поступай – он протянул ей золотой кулон, тот самый, отправленный на дно оврага.

Зажав его в замешательстве в ладони, задумчиво и печально, спросила:

– Кто Вы такой? Откуда?

В своём обычае он не торопился с ответом. Красивой и ровной походкой, вернулся к своему прежнему месту. Казалось, что он не слышал вопроса, неохотно, но всё же ответил:

– Джеррард Фурье. Думаю, тебе не стоит пояснять, в чём состоит моя обязанность.

– Я могу лишь догадываться, я знаю совсем немного!

– Этого вполне хватит. Пока.

– Думаю, мне станет спокойней, если подскажете...

– Подскажешь – перебил её Фурье, подняв глаза к небу.

– Если подскажешь – Аделия смущённо остановилась, и не решаясь продолжить, окончательно замолчала, отворачиваясь к ручью.

– Как ты оказалась здесь – закончил её мысль мужчина, и пронзительно взглянул на неё. Аделия от жуткого взгляда сжалась, и почувствовала, острую сердечную боль.

– Смирись с этим – говорил он, видя, что по лицу её текут слёзы, а сама она судорожно прижала руки к груди – не позволяй боли, взять верх над тобой.

– Это всё расплата, за отцовские слабости – пытаюсь набрать как можно больше кислорода, спросила она – и я так предполагаю, это только начало. Начало конца?

– Нет Аделия, долг отдавать будешь позже.

– Скажи, пожалуйста, Джеррард, почему я не умерла этой ночью?

– Потому что я, этого не допустил.

Губы Аделии искривились в непонятном припадке, она задрожала всем телом. Она больше не пыталась успокоить сердце, она пыталась понять произнесённые слова. Дрожь не прекращалась, и похоже, что только усиливалась, её сознание было смертельно ранено, и душу, она не чувствовала, слишком пусто было внутри, одиноко, не слышала тонкий и преданный голос, он умер.

– И что теперь? – безнадежно и холодно, спросила она.

– Ровным счётом, ничего. Борись.

– С кем?

– С собой.

– Я не смогу. Я слишком слабая. Мне очень страшно.

– Никогда не произноси эти слова. Для тебя, их просто не должно существовать.

– Зачем мне эти правила? Не на войну же мне дорога! – немного успокоившись воскликнула она.

– Именно туда.

– Я ни на кого зла не держу, и на меня думаю тоже.

– Ты ошибаешься.

– В чём? – нахмурилась она. Но видя, что собеседник, явно не слушает её, продолжила – возможно, и верно, что, я остаюсь в неведении, так наверно и должно быть. Мне понятно, что ожидает меня что-то постороннее, из списка вон выходящее. Я хочу знать, как мне быть?

– Время не имеет привычки ждать. Вопросы будешь задавать не мне, тебя ожидают другие попечители, у них и поинтересуешься. А теперь, поднимайся, я тебя провожу.

– В таком непристойном виде? – изумилась графиня, озираясь и осматривая себя вокруг.

Платье действительно, превратилось в лохмотья, корсет, единственное, что относительно уцелело, он немного перекосялся, и угрожал сползти вниз. Монтескьери, в ужасе заметила, что ноги её, оказались открытыми. Чуть выше колена заканчивался, её шикарный, бывший когда-то белоснежным наряд

– Что же это такое?! – воскликнула она, примерив на себя, любопытный взгляд Фурье.

– Я думал, тебя волнуют проблемы поважнее! – невозмутимо сказал он, бережно взяв её за руку. Его изящные, длинные пальцы, обхватили ладонь графини, словно это было не в первый раз, словно она чувствовала что-то подобное уже – пойдём со мной, и не стыдись своих босых ног, ступай спокойно.

Аделии была приятна его компания, ей казалось, что этот незнакомец, был тем человеком, о котором думаешь, тепло и нежно, с самого первого взгляда, и позже, уже не меняешь о нем мнение. Однозначно, он располагал к себе, обладая скрытым магнетизмом. Недаром, Аделия сама, того не желая, лишний раз прижималась к его высокому плечу, засматривалась на утончённый профиль, и в смятении, доказывала себе, что это случайность. А он, это прекрасно видел, да что говорить, он с уверенностью знал о внутренних смятениях. Ему было, безоговорочно не меньше тридцати, или с лишком больше. Терзало любопытство её, она была поглощена им, и только им, понимая это, пыталась отвлечься, но не могла.

– Ты обладаешь гипнозом? – напрямую, без стеснения спросила она.

– Никогда не задумывался об этом – не меняя маску безразличия отозвался он.

– А ты сможешь раскрыть мои мысли? – не унималась Аделия.

– Если только захочу.

– А ты...

– Больше никаких вопросов – воскликнул рассердившись он. Аделия ликовала, она добилась эмоциональной перемены в его лице. Он взял её за плечи, и склонившись над ухом, предельно ласково прошептал – я не должен быть здесь сейчас, мой статус слишком высок для этого. Я не должен был тебе помогать, ни тогда, ни сегодня ночью, так не было предписано! Я не должен сейчас, разговаривать с тобой, и обнимать тебя! Так не должно быть – он замолчал, и горячим дыханием скользнул по её щеке – всё это недопустимо, всё это наказуемо, но всё это неудержимо... – Фурье, практически коснулся застывших губ графини, но резко отстранившись от неё, нервно заговорил – забудь, слышишь, забудь. Мимолётная слабость, прости, лорд Монферан был действительно прав, ты являешь собой некую тёплую силу.

Растеряно собирался он с мыслями. Ему было стыдно за свой поступок, он клял себя, ненавидел. Затем, словно сменив лицо, воспринял прежним, сдержанным, немногословным и всё той же, притягательной и грациозной натурой. Долго не решался повторно коснуться её руки, он замедлил решительное движение, и поспешно сжал ее ладонь. Никто не проронил не слова, они шли молча, погрузились в размышленья.

Не просто было Фурье, человеку открывшему для себя свет в её лице, потушить его, как долго он искала себе свечу, что бы светила, согревала, не гасла, Монтескьери была для него таковой, но он слишком поздно вспомнил, что оступился, очень жестоко и безвозвратно, она несла на плечах, свою судьбу, свои слёзы и улыбки, имела ограниченный круг людей, но среди этих людей, он не находил себя. В момент, и жизнь текла бы по другому, её жизнь, а точнее, её бы и не было вовсе, если бы не вмещалась его интеллигентная сущность. Фурье имел смелые цели, которые, с помощью неё, с лёгкостью бы совершил, но он пока остановился, бросил открытыми, запёртые двери, и отошёл в тень, приняв решение, пока не совсем поздно. Хотя, он и осознал, что не в праве так поступать, навязывать свой интерес, который был на протяжении долгих лет накоплен в избытке, и переполнял его, возжелая осуществиться.

Аделия больше не пыталась украдкой взглянуть на него, мистическая волна притяжения растворилась, словно её и не было вовсе. Всё исчезло, и ей тоже стало стыдно за себя, за доступность, навязчивость, мысли, которые в порыве забвения, были ей не подвластны. Её

сердце радостно заколотилось, она открыто и широко улыбнулась, всматриваясь в полупрозрачные черты своего каменного дворца, горделивую, золочёную крышу часовни, плывущий по тёмным облакам флаг на главной башне. Но окунувшись в мутное сознание, разлились кровью по всему телу скорбь, опустошение, гибель.

– Хочу дальше пойти одна – отшатнувшись от Фурье сказала она.

– Я понимаю.

– Не знаю, Джеррард, благодарить мне тебя или клясть, ты подарил мне частичку себя, вернув в этот мир, но мне стало тяжелей, чем было – взволнованно звучал голос Аделии – быть в долгу, очень трудно, особенно, когда этот долг жизнь. Я обязана тебе всем, ты был со мной всегда. Время покажет, и мы с тобой сочтёмся. Спасибо за заботу. Я повзрослела, Джеррард, мне теперь не семнадцать, мне гораздо больше.

– Надеюсь, Аделия. Бойся не войны, она поспешна, многогранна, так что ты легко найдёшь выход, ты справишься. Не ассоциируй с этим словом – оружия и сражения, у неё другой смысл – психологический, риторический... Бойся совершенно другого, именно это может сломить тебя – рассудительно, обучал Фурье, ошибочно забегая вперёд – а теперь, тебе надо спешить, Лансере не в силах подавить свою печаль, он обеспокоен твоим отсутствием, будь помягче с Икером, он несчастен...

– А отец? – спрятав понурый взгляд, спросила она.

– Он не верит, Аделия... не верит, что ты решишься уйти – машинально, повторив её взгляд, ответил Фурье – тебя ждёт Лансере, он позаботится о тебе.

– Спасибо – скорбно и холодно отозвалась Аделия – я хочу насладиться последними днями пребывания в родных стенах. Не говорю тебе – прощай, до встречи...

Аделия не ответила, на его скупую улыбку, она бесчувственно побрела вперёд, не разбирая дороги, всё рухнуло, не успев начаться, всё померкло и стало бесцветным. Казалось, дальше только хаос, непроглядный и жуткий, а те слова, которые она говорила отцу, в порыве гнева, что теплеет надежда, что брезжит новая жизнь, были угнетены, страхом и тревогой. Становилось тоскливее от мысли, что в мутном одиночестве и грусти, придётся преодолеть не одну милю. Не видеть земли, а созерцать только небо и океан, безбрежный, далёкий, её страшило неизведанное. Хотя, ею прочитано было немало книг, и обучалась у лучших учителей, которых частенько настойчиво просила, рассказать, о жизни вне замка. Немного насторожившись, и нахмутив лоб, начинали скромно, затем разгорячено ведали, о городской суете, людных и грязных рынках, не менее шумных пристанях, кишаших торговцами, моряками, визгливыми лавочницами, и бездонным количеством нищих и попрошаек. Графиня была лишена возможности покинуть поместье, и ей всегда хотелось узнать почему, но теперь, ощущая близкую потерю, мечтала вернуть, всё как было, и не рваться, не спешить никуда, не задумываться о том, что всё, к чему так привыкла, придётся оставить, и родиться заново.

Графиня, нисколько не удивилась, появлению Лансере у главных ворот, который сумасшедше ринулся ей на встречу. Посеревший и печальный, за ним поспешно следовал Икер. Они оба, как сговорившись, взяли Аделию под руки, и перебивая друг друга, пытались вывести о случившемся. Как им было больно слышать молчание. Не наблюдалось ни порыва эмоции, ни малейшего жеста у потерянной графини, просто холодное безразличие, именуемое острой реакцией на стресс. Так же, и все последующие дни, просуществовала в своём собственном мире, затворническом и одиноком. Она боялась слов, улыбок, общения, избегала всех, и запираясь в комнате, желала зарыдать, но не могла, слёзы высохли, даже они, её вечные спутники, покинули её. Силились помочь ей, но, отвергнутые, отступали. Лансере, пытался занять её разговорами, но тщетно, измученный стараниями, возвращался к подготовке в путешествие, расстроенный и убитый.

Оставались считанные дни, до отправления. Время, спешившее ранее, остановилось, оно издевалось над терпением юной графини, оно вытягивало последние нити надежды, превра-

щаясь в звонкую струну, содрогающую, каждый островок, убитого создания. Графиня отчётливо слышала стоны и рыдания несчастных сестёр. Они истерически молили Лансере остаться, их тревожила дорога, неудобная, опасная, полная неудобств и лишений. Не найти слов, какими бы можно было описать метания Лансере, его страшили слёзы дочерей, они его доводили до отчаяния. Не заладилось общение с капитаном, который предложил не малую сумму за свои услуги. Лансере самовольно, полагаясь на помощь хороших знакомых, выбирал моряков, он очень утомился, его извели неглубокие познания в морском деле, он не знал критериев, рамок, на какие нужно было опираться. Его можно было понять, он хотел всего самого лучшего, он пытался все нюансы предугадать, свести к минимуму, он считал, что если сам займётся всем объёмом намеченной деятельности, то можно вздохнуть с облегчением, и отправиться в путь. Его окружение состояло в основном, из таких же добряков, поэтому, помощь ему была оказана серьёзная, качественная, капитальная. И Лансере, увлечённый и ушедший в суету, просто напросто удивлялся себе, как у него, всё так складно получается, он совершенно не обращал внимания на рой теней, подающих знаки и сигналы, ведущие его, а ведь в роли этих теней и были, те верные и преданные дружбе люди.

Сменился ещё один день тёмной и жуткой ночью, не было звёзд, тучи наглухо запрятали луну, даже её свет, порой навязчивый и настырный, обессилев, молчал, не пытаясь сопротивляться, он просто устал, за столько светлых, озаряемых холодным светом ночей.

Аделия молчаливо пересчитывала часы, уже какой раз, изматывая себя, и ей это не надоело, даже похоже нравилось, быть увлечённой хоть чем-то. Думать о чём угодно, только не о последней встрече, судьбоносной для неё встрече, с загадочным незнакомцем, который должен стать для неё всем. Тихий шорох за дверью смутил её, недовольно ожидала появления Икера или Лансере на пороге, но нет, её посетил, неожиданный гость, с не меньшей трагичностью на лице, с побледневшими и холодными руками, которые нежно и ласково коснулись её, но почему-то не так как раньше, не было трепета и покорности.

– Мне очень жаль, что всё так получается, мне очень тяжело, дитя моё, я не могу не думать о плохом. Твой отец снова пропал, и мне кажется, что причиной является, не та привычка, о которой мы никогда не забудем.

– Прости меня мама, но я ничего не смогу тебе рассказать – Аделия подняла глаза, и недоверчиво взглянула на мать, которая плотно закутавшись в тёмную накидку, ожидала ответа – прекрасно понимаю, что чувствуешь неладное, и так возможно и есть, пускай отец потрудится объяснить тебе, в чём дело, уж он-то точно знает.

Аделия неохотно встала с кровати, и ненароком зацепив мать, поспешила выйти.

– Твоя привычка уходить мне уже знакома, вот только сейчас, это совершенно лишённый смысла поступок – строго произнесла Ариана, повернув голову в сторону уходящей Аделии – вернись пожалуйста обратно.

Ариана, спокойный и уравновешенный человек, имеющий способность, управлять своими эмоциями и чувствами, на редкость была строга, и холодна в разговоре. Она терпеливо ждала повинования своей дочери, которая с глубоким вздохом недовольства, вернулась на своё прежнее место. Аделия, подобно матери, тесно укуталась, но только в тёплое одеяло, казавшееся ей замечательной крепостью.

– Нет, я не прошу тебя раскрыть все секреты и тайны, это уже лично твоё дело, и твоё право. Я понимаю, что Лансере для тебя, гораздо ближе меня, и сердце твоё раскрыто только для него. Я благодарна ему, что в своём лице, он позволил увидеть отца, которого всегда тебе не хватало.

Ариана замолчала. Было очевидно, что говорит она с трудом, ей было тяжело находить в себе силы для разговора. Ей казалось, что объясняется она не перед дочерью, а перед мужем, которого сильно боялась, но и с не меньшей силой любила. Аделия чувствовала страх, замас-

кированный под строгость и холодность, она явно видела, что мать теряется и выворачивает себя наизнанку.

– Вот видишь – начала Аделия, выныривая из своего убежища – твой ложный страх напрасен, и нет в нём никакого смысла. Ты уверена в Лансере, значит, всё будет в порядке, так как он едет с нами, он позаботится о нас всех, ведь глупо сомневаться!

– Да, ты права – задумавшись ответила Ариана. На её круглом лице появилась улыбка, правильные черты её доброго и женственного лица проступили чётче, но мгновение спустя, стёрлись трагичностью душевных метаний.

– Отец очень любит тебя, и я это знаю. Ты должна простить его за всё и пожалеть, пойми, сейчас, в данное время, он заслуживает этого. Он уехал из-за меня, как только я покину стены этого замка, он вернётся к тебе. Прости меня, ещё раз прости, я и так слишком много тебе рассказала – Аделия откинула одеяло, и осторожно подошла к матери – мы же с тобой не прощаемся, я вернусь к тебе, обещаю.

– Не говори так – Ариана как можно крепче обняла дочь, покрывая поцелуями её лицо – такое чувство, что хочешь покинуть меня навсегда.

– Материнское сердце не обманешь, как и не обманешь себя – Аделия чувствовала, что не может подарить ответных слёз, и крепко прижав Ариану к себе, добавила – прошу, забудь сегодняшнюю ночь, а вспомни те счастливые времена, когда мы собирались тесным кругом у камина в гостиной, вспомни, как нам было хорошо тогда. Пускай это сохранит твоя память, но не этот прощальный траур.

– Да, да, не хочу с тобой спорить, ведь ты истинно права – сказала Ариана Монтескьери дочери, поправляя ее длинные тёмные волосы, имевшие чуть заметные остатки локонов – не слушай никого, не верь незнакомцам, оставайся покорной лишь себе. Не приручай никого, и главное не приручайся сама!

Слова Арианы резали как нож, они были просты и правильны, они излагали суть. Не понять их было невозможно, а поняв, становилось до трагизма плохо. Как часто Аделия с Арианой вели подобные жизненные беседы, сколько было оговорено о любви, о ненависти, о душевных метаниях и насущных проблемах. Даже порой приводились примеры из их семейной ячейки, но всё это вдруг померкло, и выдвинуло на первый план коварные и смелые слова, отражающие реальность.

– Ты узнаешь много нового, совершенно неизведанного, которое не было знакомо тебе никогда раньше. Я знаю, что жизнь это не только изобилие шелков и бриллиантов, это и полный крах, безденежье, нищета. Всё это я прошла, выжив в том, другом мире, и познав все его причуды и кошмары, теперь я здесь, благодаря твоему отцу, и обрела счастье – Ариана остановилась, уловив чуть скользнувшую ухмылку и удивление в лице дочери, нет, она не вторила лжи, и не приукрашивала, она просто недоговорила.

– Счастье? – переспросила Аделия, попятившись обратно к кровати.

– Да, да и ещё бесконечное да – воскликнула Ариана. Она обернулась на красочный портрет, запечатлевший ее, с крошечным ребёнком на руках, а рядом он, Дериан, любовь всей её жизни, с неизменным безразличием и прохладой, в насупленном и серьёзном лице – Аделия, девочка моя любимая, меня он свёл с ума, своим умением расположить к себе. Сейчас, всё совершенно по-другому, не так как было тогда. Прошу, послушай. Я работала в трактире, хороший знакомый отца предложил мне там местечко служанки, я согласилась, деваться было некуда, выжить на выручку от продажи сухофруктов и овощей было бы трудно. Прошло не больше недели, как этот безобразный и мерзкий тип стал проявлять ко мне, наглые, и до жути грубые знаки внимания. Я сопротивлялась, как могла, молила его успокоиться, на время он затих, я уж понадеялась, что всё улажено. Но нет. В один из будних дней, посетителей было очень мало, и не удивительно, что это небольшое количество людей было пьяно. Я спешила к отцу, протирая последнюю посуду, он меня ждал. Вдруг я услышала крик хозяина, крик сме-

нился душераздирающей песней, затем, быстрые шаги торопливо приблизились ко мне, мне стало страшно, очень! Только позже осознала что произошло. Рядом со мной, держа в своих ладонях мои руки, совсем так же как сейчас держу твои, был он, Дериан Монтескьери. Он стоял на одном из колен, словно просил мои руки и сердце. За его спиной, распластанный и неплохо поколоченный лежал этот грубый мерзавец. Знаешь Аделия, в этих зелёных боевых глазах я прочитала судьбу, и это было действительно так. Это был последний день моего нахождения в этом заведении. Он сказал мне «пошли», и потянув за собой повёл меня в неизведанное. Да Аделия, это словно сказка, я до сих пор удивляюсь. Сказал, что видел меня раньше, а ведь я его совсем не замечала, оказывается поэтому, он стал частым гостем пивной. Он снял для нас дорогую и роскошную комнату, с превосходным обслуживанием, с интерьером, которого мои глаза и не посмели представить. Приобрёл для меня невообразимое количество нарядов, парфюма, даже нанял личную служанку. Дериан, не раскрывался о себе, говорил отвлечённо и поверхностно. Мы прожили там около полугода, и жили верно и больше, если бы в один из дней, я не заставила поверить себе, что ожидаю новой жизни.

– Господи – прикрикнула Аделия. Как её удивила и поразила эта история, блажь и нега разлились по телу, она почувствовала прилив сил и эмоций, ей захотелось раскатать весь мир, побежать и разбудить всех громким признанием, что она счастлива, и что нет сравнения её радости – мамочка, а что было дальше? Ты меня так впечатлила, так встревожила, я безумно признательна тебе, что ты мне всё прояснила.

– Как только Дериан узнал об этом, крепко обнял меня, и прошептал, тихо-тихо, красивое и нежное признание, от которого, я растроганно, долго плакала. На следующее утро, сказал, что бы я собирала вещи, потому что мы уезжаем. Я жутко растерялась, не зная что ему ответить, я хотела как можно быстрее оповестить об этом предложении своего отца, до безумия желала, чтобы он последовал с нами – она смутившись замотала головой – но вопреки всем моим убеждениям, он коротко и ясно ответил, что позаботиться о себе сам, что не намерен жить за чужой счёт.

– И неужели жизнь позволила случиться тому, что ваше родство стало пустым и ненужным? – воскликнула Аделия – раскидав так негоже и грубо!

– Ты сама ответила на свой вопрос, ответ всему – жизнь, и как ни спорь, как ни опровергай её причуды, всё одно – смириться придётся, и существовать под её строгим присмотром, кивая в ответ головой. В данный момент знаю одно, что отец не беден. Не изменяя себе, продолжает хитрить, и великолепно группируясь под нужды и потребности горожан, предоставлять только необходимое и важное, что действительно в цене. Ему легче одному, я в этом не сомневаюсь, он подвижно и шустро познаёт торговлю, успешно обновляя свои идеи... Но есть у меня и догадки, о спонсорской помощи, которую охотно осуществляет твой отец.

Ариана побледнев, вздрогнула, её лицо казалось, вспыхнуло белизной, резко контрастируя с тёмными тканями атласной одежды. Она силилась встать, но упрекнув себя в несдержанности, хмуро опустила голову. Но Аделия в свою очередь медлить не стала, и подгоняемая задором, опрометью бросилась в коридор, который мгновенно разорив тишину, наполнился громкими криками. Ничего нового и удивительного для себя Аделия не открыла, её глазам покорила знакомая картина. Озлобленная Мадлен, покрасневшая и растрёпанная, с ярко красными, пухлыми, совсем такими же щеками, как у Лансере, шустро и неуклюже, поднимая как можно выше приторно ажурное платье, босиком, пыталась скрыться от не менее возбуждённой сестры. Изабелла, громко крича и возмущаясь, в сердцах, поспешила отправить ярко розовый туфель, в след убегающей:

– Твоя невероятная наглость, мне ужасно не нравится – она задыхаясь, теребила в руках вторую из туфель – ты получишь по заслугам, мне всё надоело!

– Нет-нет даже и не вздумай – остановившись, застонала Мадлен, видя как пальцы сестры грубо пытаются сорвать золотую пряжку – ты не посмеешь этого сделать!

– Не зная моих способностей, не суди по мне, глупая кукла! – пряжка звонко коснулась паркета, отскочив к ногам Аделии.

– Боже ты мой, Боже мой – прибежал Лансере вытирая платком пот со лба – ну нельзя вас оставить одних без присмотра, за двадцать лет вашего существования на этой земле ничего не изменилось – положив руку на живот, он повторно глубоко вздохнул, спрятал платок, и отдышавшись продолжил – что на этот раз?

Ни Мадлен, ни Изабелла не спешили с ответом, их смущала Аделия, которая без лишней скромности и стеснения следила за происходящим. Она это прекрасно понимала, но терпеливо продолжила любопытствовать.

– Я спрашиваю ещё раз, что произошло? – раздражённо спросил Лансере.

Ему абсолютно не шла злость, гнев не искажал черты его лица, он просто казался ещё заботливее, а временами, просто забавнее. Поэтому Аделия не удержавшись, мило улыбнулась, прикусив губу.

– Не собираюсь при посторонних ничего никому говорить! – фыркнула Мадлен, скрестив на груди руки.

– Тем более, когда ухмыляются, видя чужую беду! – подтвердила Изабелла, поморщив лоб.

– Во-первых, я не наблюдаю здесь посторонних – рассудительно начал Лансере попеременно глядя то на дочерей, то на Аделию, желая быстрее закончить с детским абсурдом – а во-вторых, ваши действия и поступки это какое-то шутовское ребячество, Изабелла и Мадлен, как понять эту несерьезность?

– Вот то, что действительно не серьёзно, так это мчатся сломя голову на другой конец света, и ради чего? Ради пару милых улыбок в наш адрес, со словами, о том, как мы выросли и похорошели! – недовольно процедила Изабелла, перебирая кучеряшки кричаще рыжих волос – ну ведь папочка, это больше чем бессмысленно!

– Устала я от всего и всех, надоели! – выплеснула клокочущие слова Мадлен. Пафосно и вызывающе подняла затерзанную пряжку, и подойдя к Лансере забубнила – ты нас любишь, а мы вот так вот с тобой!

Лансере обнял дочерей, и как можно ласковей и нежней промурлыкал:

– Сейчас, вы пойдёте каждая по своим комнатам, спокойно укутаетесь в тёплые одеялки, и уснёте, а я тем временем подумаю над очередной загадкой, кого и чем порадовать. Вы наверно прекрасно знаете, что для каждой из вас у меня припасён сюрприз. Девочки мои, доброй вам ночи, нежных снов! – он не поскупился на объятия и поцелуи, задобрив каждую ласковым шёпотом на ушко, ему была приятна забота, тем более о родных.

– Аделия, милая моя, почему не спишь, в столь поздний час? – спросил Лансере, обращаясь в след уходящим дочерям – всё улажено! В порту нас будет ожидать величайшей красоты парусник! Я его видел, эх сокровище ты моё! – воскликнул он, предвкушая искусить плоды своих трудов – тебе бы следовало выспаться, отдохнуть, гляжу на тебя, на твою болезненную бледность, и содрогаюсь, следующим утром нам в путь, а твоё личико не свежо, не бодро, не излучает яркого света!

– Я в полном порядке, не стоит переживать, моё состояние кажущееся бессилие. На самом-то деле, я полна уверенности! – она скользнула в полуоткрытую дверь, своего собственного мирка, ограничивающегося четырьмя стенами. Лансере последовал за ней, уловивший момент, расположения и полного доверия. Ему не хватало общения с Аделией, её искреннего тепла, которое она щедро дарила ему.

– Эти бессонные ночи меня сводят с ума, как думаю и тебя тоже. В нашем замке, в последнее время, никто не знает сна и спокойствия – Лансере улыбнувшись замолчал, в свете горящих свечей он увидел Ариану, неподвижно сидевшую на краю широкой кровати. Балдахин частично скрывал её силуэт. Желтовато – розовый свет свечей, дрожая, прерывисто играл на её

добром и милым лице, предавая её печальному лику, мистический оттенок, такой таинственный и манящий. Лансере оробел. Панически глядя на Аделию, спросил – возможно, я помешал вашей беседе, но разрешите мне остаться в вашей милой компании. Не посудите и не посчитайте это за наглость, хочу признаться, мне просто тоскливо, и возвращаться к себе, мне не очень бы хотелось.

– Лансере, нам твоей компании очень не хватало – искренно сказала Аделия, и потянула его за руку в сторону софы.

Не смея, а точнее не желая возразить, он скромно устроился скрестив руки на груди. Ему не хватало уверенности, и он это знал. Тогда решил в корне измениться, нет, совсем не для того чтобы произвести впечатление, или заинтересовать своей персоной, просто, найдя в себе силы, создал иллюзорный, непринуждённый вид. Одну руку, он положил на колено, вторую, протянул чтобы достать крохотную миниатюру, изображавшую Аделию, совсем ещё ребёнком, рядом с улыбающимся Икером, чья улыбка не смогла стереть горечи печальных серых глаз, а лишь наоборот нагнетала несоответствие, улыбки и слёз... Так и он сейчас, прервал свою попытку измениться, и оставшись прежним, удручённо опустил глаза.

– Мне безумно неудобно и горько, возможно я поступаю бесчеловечно и жестоко, отбывая у Вас дочь, на столь длительный срок, но голос совести, не пророчит поступить мне иначе. Ваши чувства, вполне понятны мне, и нет желания у меня встать на Ваше место Ариана, позвольте понять меня правильно – взволнованно говорил Лансере, так и не осмелившийся поднять глаза на собеседницу – уважая Ваши чувства, мне велит судьба поступить иначе вашему желанию.

– Не стоит таких переживаний – ответила Ариана, немного помедлив с ответом – мои интересы, в данной ситуации не существенны. Желание человека, который находится напротив Вас, для меня наиглавнейшее, и поэтому, я не имею никакого права запретить ей или опровергнуть.

Аделия заметила, что Лансере, подавлен, убит раскаянием, его угнетали слова сорвавшиеся с губ.

– Дорогие мои и любимые люди, мне страшно глядеть на вас, мне неприятно и жутко слушать ваши разговоры. О чём ваши мысли и надежды? Какие иллюзии смущают вас? Что вас гложет? Этого я никак понять не могу! Явное чувство того, что все по мне поют молебен, хотя я ещё жива и здорова! Так нельзя! Прости меня конечно, такую глупую и не смышлёную! Простите!

– Когда ты искренне повзрослеешь, тогда и поймёшь нас – немного смутившись произнесла Ариана, ей был безоговорочно неприятен эмоциональный порыв дочери, но умевшая держать себя в руках, скрывать запертыми свои эмоции, она спокойно, даже как – то уютно холодно продолжила дальше – ты умеешь ценить, сострадать и любить, ты умеешь, распахнуть свою душу, и без остатка отдать её, ты наделена смелыми идеями и надеждами, но не забывай одного, твоя плоть, твоё сердце, твой внутренний мир ещё юн и непорочен, чтобы понять, что такое сопереживать человеку, являющемуся частью тебя самой, являющемуся твоей кровью и болью.

Свечи догорали, их свет понурый и тусклый, не спешил суетиться, поддаваясь удручённым мыслям собеседников, он медленно умирая, таял, как и угнетались обострившиеся эмоции тоскливых слушателей. Аделия поняв свой опрометчивый порыв нескромным и грубым, больше не хотела изливать свои эмоции. Как и прежде замкнувшись в себе, удалилась в самый тёмный угол комнаты, запрятав лицо в ладонях. До её слуха временами доносилась неторопливая и размеренная беседа Лансере и матери, сдержанный робкий смех, и спешащий бег часов...

Порывы лёгкого, влажного ветра, оставляли причудливые, сказочные рисунки на стекле, словно несмелая, талантливая рука породила их. Лепестки заснувших цветов, чуть содрогались, от прохлады, льющейся с открытого окна.

Неуёмный страх сковал Аделию Монтескьери. Охваченная паникой приближающегося рассвета, молила неудобные часы остановиться, закрывала глаза, кусая до крови побледневшие губы, мысленно умоляла таинственного незнакомца явиться к ней, и вернуть всё как было. Как же она ошибалась в разговоре с ним, как она грубо ошиблась в разговоре с отцом, как, лживый и сумбурный ход своих мыслей, она могла посчитать истинной, разгорячено спутав с надеждой. Нет, так не должно быть, пугать себя неизведанным, это глупо. Она силилась вынырнуть из хаоса, в который сама себя и привела, удавалось это с невероятным трудом, но прогресс был, и весьма значительный для неё, она смогла встретить восходящее солнце, олицетворяя это, с рождением новой жизни...

Как тонок и покорен, как резв и беззаботен, стремительный, спешащий ручеёк, сколько в нём сил и энергии, сколько изворотливости и подвижности, сколько препятствий и оврагов, на его коротком, но важном пути. Он спешит, не давая себе передышек, временами запинаясь у поваленных, столетних деревьев, которые, нарочно закаляют его, заставляя задуматься. Но он не знает терпения, и безрезультатно, панически бьётся, о твёрдую, словно сталь древесину, она иллюзорна и кажется легкопреодолимой. И лишь со временем поняв, что легче избрать другой путь, пусть он будет длиннее, но зато верным, не обречённым на поражение. Набравшись опыта, выдержки и сил, в неге и блаженстве, он следует дальше, превращаясь в окрепшую, устоявшуюся, со своими настроениями и характерными чертами, безбрежную реку. Зная свой внутренний мир, своё отношение к тому или иному, на подобную перемену надеется Аделия. Она заранее предвкушает лавры победы, переживает горечь потерь и поражений, осознаёт, то, что выпало на её судьбу, надо как бы хотелось, или нет, принять и свыкнуться с неминуемой участью, надо зажечь в себе интерес к жизни, каковой бы она не была.

– Куда мы попали, это же крошечный ад, не иначе! – зарыдала Мадлен уткнувшись в плечё Лансере – папочка, несомненно ты знал, на какие муки кидаешь нас и себя – графиня скривившись, панически разглядывала прохожих, серым потоком мелькавшим за окном роскошной кареты.

– Никто не может быть полностью уверенным в себе и своём будущем. Вероятность оказаться на дне, есть абсолютно у всех! Даже самый богатый и влиятельный, самый успешный и удачливый, неровен час, и окажется на улице... – оборвала гнусавую речь сестры Аделия, она несомненно сама была в ужасе от увиденного, ей было больно смотреть на стариков и детей, снующих от одной груды мусора к другой, грязных, обезображенных, просто жутких женщин, дерущихся друг с другом, ей хотелось поторопить кучера, и по возможности быстрее преодолеть вереницу тесных и промозглых Лондонских улиц.

Карета ехала очень медленно, так как на пересечении дорог, случилось опрокинуться двум повозкам, одна из которых разлетелась в щепки, а содержимое её – изобилие морепродуктов, щедро и богато, разметало по мостовой. Страшный крик и приторная брань зеленщицы, чей обоз, был гораздо справнее, и единственное, что понадобилось, это приложить усилие, что бы перевернуть его, но нет, она, ядовито и чрезмерно артистично отчитывала долговязого, напуганного юношу, который, держался руками за голову, в неверии всматриваясь в картину, ставшей ответом на его невнимательность.

– Вот глупец, это ж надо так! – воскликнула Мадлен, выныривая из окна – Твоя пустая голова, это лично твои проблемы, но почему из-за неё должны страдать другие! – она в сердцах, как можно плотней занавесила тёмно-бордовую штору, и уже Аделии добавила – и нет нужды испепелять меня своими глазами, и если ты у нас такая замечательная и хорошая, иди и пожалей этого несносного олуха.

– Неужели я хоть раз от тебя слышала, что-то разумное – сухо и хладнокровно отозвалась Аделия на оскорбления – ты обладаешь редким даром присваивать посторонним свои качества.

– Нет! Нет! Нет! – закричал Лансере, предугадывая, чем всё может закончиться – вы меня в могилу раньше времени загоните! Мы ещё до пристани-то не доехали, а вы уже кидаетесь друг на друга! Ещё успею надоесть и возненавидеть, как вы не понимаете, что семья, это крошечный мирок, в котором нет места для скандалов и непониманий. Немногим позже, мы доберёмся до причала, и каждая из вас, пускай разойдётся по своим каютам, я категорически запрещаю, видится вам до ужина, это разумное и верное решение, которое вы надеюсь, поддержите. Да, мои дорогие и любимые девочки? – спросил Лансере, сжав в своих мягких ладонях руки негодующих – я люблю всех одинаково! Я безумно счастлив, что имею трёх дочерей и сына, так и вы должны быть счастливы, в обладании такой большой и ... – Лансере запнулся, он опустил глаза, и менее эмоционально продолжил – ладно, ладно, не дурно было бы остаться, хотя бы не озлобленными друг на друга знакомыми – он скрестил руки на груди, и закрыл глаза, ему было до безумия жаль себя, хотя как редко он допускал подобные эмоции, он ненавидел себя за бессилие, за несдержанность, слабование. Аделия, не хотела видеть, страдальческих настроения любимого дяди, она обняла его, со всей силой и жаром, со всей любовью и уважением, которые хранило сердце, и шёпотом произнесла ему:

– Я прекрасно поняла, что ты имел в виду, твои идеи и мечты в создании счастливой семьи вполне осуществимы, есть только лишний фрагмент, это я. Прошу, не включай меня в свои планы, не стоит, Лансере, из-за меня вся эта вереница неудач. Они ревнуют тебя ко мне, и с этим не поспоришь, ты должен творить и жить только для них. Обещай, что так и сделаешь? И вот ещё что, извини, недоговорила – задумчиво добавила Аделия, вглядываясь в небольшое, спешащее пространство между двумя приоткрытыми шторами – твоя любовь и твоё уважение, всегда останутся со мной, что бы ни случилось, Лансере, тебя я буду любить больше всех. Тепло моей души, и жар моего сердца, вовеки обязаны принадлежать тебе. Я люблю тебя.

Карета ускорила свой ход, её немножко занесло на повороте, так как заставляющая себя уважать рыбина, скользкая, с распоротой брюшиной, очутилась под колесом, специфический запах моментом раздражил воздух, заставив, скривиться, нежно ругаясь, несчастных графинь. Лансере, потирая ладони, и гордо поднимая голову, ожидал, когда его глазам откроется рукотворное чудо, ставшее для него приятным испытанием, самоутверждением его новых талантов, детищем, заставившем, взглянуть на многое, совершенно иначе. Ему казалось, что он задыхается, что нетерпение испытывает его. Наконец, до его обострившегося слуха долетел окрик озлобленного кучера, негромкий щелчок кнута, и измотанное ржание лошадей. Лансере, распахнув дверь, стрелой бросился, как можно быстрее ступить на вымощенную камнем пристань.

– Милая госпожа, сочтите за любезность принять от меня помощь – восторженно, сияя не меньше, чем солнце, которое пылало, заставляя кислород раскаляться, произнес Лансере. Он захватил словно в тиски руку Аделии, и непринуждённо потянул к себе – моё расположение чрезмерно положительно, я не лукавлю, так что прошу взглянуть на белокрылое творение, именуемое «Небесным». Он приобняв Аделию, негромко сказал – кстати, название, этого парусника, это лично моя идея.

Графиня скромно улыбнувшись, ответила:

– А я и посомневаться бы даже не посмела в плане твоих идей и мыслей!

Было тяжело, очень тяжело, от изобилия нового, жуткого, до боли омерзительного, было неприятно видеть людей, дошедших, до итога своего существования. Аделию смущали озлобленные и просящие взгляды нищих, ей хотелось, сорвать с себя все украшения, которые бы стоили, бесценно дорого, обеспечили, бы сытое существование, на протяжении нескольких лет, этим голодным, посеревшим существам. Несносно, отвратительным, визгливым криком, зывали покупателей, опустошить лотки, уличные торгашки, жаждущие выгоды и денег. И неужели, содержимое их замызганных лотков станет востребованным? Аделия не могла дать ответа на этот вопрос, но как нарочно, толпа не менее шумной детворы, набросилась на грубую нарезку копчёного мяса, протягивая грозной горлопанке пару затёртых монет. Отвлёк её Лан-

сере, который эмоционально, размахивая руками, о чём-то разгорячено рассказывал седоволосому мужчине, в тёмно-синем мундире, по-видимому, капитану белокрылой каравеллы. Он с невозмутимым лицом, внимательно слушал не замолкающего Лансере, изредка приглаживая свои побелевшие пряди, собранные в тугой хвостик на затылке. Его вытянутое лицо, изредка рисовало скупую, натянутую улыбку, и то, только тогда, когда добродушный граф, указывал в сторону «Небесного». Затем, их дуэт разбавил Икер Бернардос, не менее оживлённо обратившийся к безропотному слушателю. Несчастный капитан, на протяжении длительного времени воспринимать идеи и предложения от человека, который, даже понятия не имеет о количестве рей и парусов, для которого штить, это не больше чем рядовое недоразумение, а само судно дорогая игрушка, ставшая эпицентром преклонения и интереса. А теперь и молодой ученик, избравший свой путь, просто так не оставит свою цель, а будет добиваться всего распросами, попытками, несмелыми предложениями.

Величественно и покорно, покачивался на волнах горделивый парусник. Он ожидал нетерпеливо отплытия. На его палубе, шумными стайками суетились матросы, их красивые загорелые тела, могучие и крепкие, перетаскивали огромные бочки, ящики, рулоны сетей и парусину. Аделию неистово смущали полуголые мужчины, она стыдливо опускала глаза, как только они появлялись в поле её зрения. Её искренне восхищал «небесный», его масштабность, грациозность, скрытая сила и ещё масса всего, чего не могло выразить сердце. Странное шемящее чувство тревоги сковало Аделию, она списала всё на усталость, на переживания, из-за чёрной полосы, которая постигла их семью. Ей хотелось последовать за сёстрами, и уединившись в своей каюте просто-напросто вздремнуть, закрывшись от всех, от самой себя...хотелось пролистать дневник, ставший для неё лучшим другом и советчиком. Она скинула дорожную накидку, оголив белоснежные плечи, та скользнула, взволнованная влажным ветром, и плавно приземлилась на каменную мостовую. Перед её глазами нарисовался белокурый, с багрово красным лицом от палящего солнца, моряк, широко улыбнувшись, он протянул тёмную материю, и непринуждённо проговорил:

– Это возможно Ваше? – улыбка не сходила с его лица. Он попытался пригладить неуклюжий и короткий жилет из парусины, но тот не поддавался, и наглым образом выпячивался по краям.

– Благодарю! – ответила графиня.

– Сколько можно? – раздался грубый голос – Яков, ты олух и бездарь! Я не нянька приглядывать за тобой – из-за кормы появилась огромная фигура недовольного мужчины, это был боцман Уильям Крептри, в его руках был не меньших размеров мешок, перекинутый через плечё – Шпенглер, тебя это тоже касается – рывкнул он на моряка, который расположился на одном из деревянных ящиков.

– Прощу прощение – откланялся розовощёкий матрос, и бегом, не дожидаясь ответа, скрылся в кишасей толпе.

Аделия скромно улыбнулась вслед белокурому джентльмену, ей была бесспорно любопытна его компания, такая не наигранная простота и добродушие, скромное и не навязчивое отношение. Тяжёлый и пронзительный взгляд почувствовала на себе, его обладатель без тени смущения, злобно и сухо испепелял и душил своими чёрными как ночь глазами. Откуда столько злости и негодования? Чем обидела юная графиня моряка, названного Шпенглером? Она пыталась отыскать в его глазах ответ, но глядя пристально и внимательно, ничего не обнаруживала! Его суровое волевое лицо, с небрежной щетиной пугало ее. Кто он такой, этот загадочный незнакомец? Грубый моряк? Да! С непокорными, тёмными как мазут волосами, так неловко спрятанными под косынку, они выбивались из под неё, и по-видимому, крайне раздражали их обладателя. Аделия вскинула брови, и заваражённо опустила взгляд ниже, крепкая шея, широкие плечи, голый торс, который нисколько не смущал её, как и внушительных размеров заплатка, на чёрных закатанных штанах. Что за наваждение? Она начала ругать и

хаять себя за покинутую скромность. «Кто он вообще – думала она – и почему я допускаю мысли о нём?!»

– Михаэль, какого чёрта! – уже выходил из себя боцман Крептри – не хочу ругаться при дамах, но ты у меня сегодня схлопочешь, за безделье!

Шпенглер, медленно и неохотно встал. В его руках ещё дымилась папироса. Не торопясь, он стиснул её в зубах, снял косынку с головы, пару раз отряхнул её, и по новой затужил, заправляя растрёпанные волосы.

– Я с тебя удивляюсь – прохрипел улыбчивый Яков, тяжело вздыхая от ноши на своей спине. Он был похож на навьюченного мулла – как тебя ещё не выкинули за твой характер, я бы тебя лично убил.

Черноглазый моряк ничего не ответил, небрежно выкинул недокуренную папиросу, и чуть не задев задумчивую графиню, скрылся из виду.

– Простите его – просипел изнемогая Яков – он всегда такой.

– Что за бестактность, безобразия! – Закричал Лансере, подбегая к Аделии – с тобой всё в порядке, моя дорогая?

Аделия даже толком не поняла, что произошло, она затуманенным взором окинула любимого дядю и не громко произнесла:

– А что собственно случилось?

– Уважаемый мистер Адлес Гирс – отчеканил граф Монтескьери, обращаясь к приближающемуся капитану – я очень понадеялся на Вас и на Ваших помощников! Думал, что команда будет лучшая из лучших, а что получается, какие-то, извините меня хамы, будут обижать моих девочек!

– Успокойтесь! – оборвал его капитан – Мистер Крептри! – крикнул он – объясните мне, будьте любезны, что собственно происходит! Вы ответственны за каждого!

– Капитан! – спускаясь торопливо по трапу, проговорил боцман – мне очень жаль, за происшедшее, я буду впредь к ним более внимателен!

– Уж будьте пожалуйста любезны – повторил Гирс, вглядываясь в проходящего мимо Шпенглера – стойте – стойте!

Моряк тяжело вздохнул, и с нетерпеливым видом повиновался.

– Ты что творишь, идиот – как можно тише прошептал боцман, наклоняясь к Шпенглеру, видя что граф Монтескьери, что-то не доброе доказывал капитану – эта семейка безумно богата, они первые лица Англии, ради всего святого поаккуратнее, тем более эти девчонки, гиблое дело, я сам в бешенстве, а куда деваться, они неплохо нам платят!

– Я понял – отстранённо просипел моряк, недовольно взглянув на Аделию.

– Попроси прощение у неё, ради Бога! – не унимался Крептри – хуже не будет. У этих богачей так принято, они помешаны на этом бреде!

– Я так поняла, всё улажено – сказала Аделия – прошу прощения, я лучше пойду к себе. Не вижу смысла обсуждать пустую тему. Лансере, пожалуйста, проводи меня к себе – она крепко вцепилась в его руку, и поспешила уйти.

– Ты расстроена, девочка моя – растроганно и заботливо говорил Лансере – как я обеспокоен, какая безответственность! – он замолчал и широко распахнул дверь каюты – надо же, вы уже всё приготовили! – продолжил он, обращаясь к прислуге, которая раскладывала атрибуты туалета, книги.

Крохотный столик пестрил разнообразием дорогой бижутерии, рубиновые серьги, изобилие сапфировых подвесок, золотые броши в росписи цветной эмали, Аделия глядя на всё это, недовольно возмутилась:

– Это что такое, зачем? Я не давала никакого согласия брать всё это с собой! Мне не нужно!

– Не гневайся – не громко произнёс Лансере – это я приказал, это моя идея! Ты должна каждый день выглядеть по-новому, разве это не прекрасно?

– Ну хорошо, только ради тебя! – она обняла дядю, и едва слышно, на ухо прошептала – не забывай о моих словах, которые я тебе произнесла по дороге сюда! Я хочу что бы ты был счастлив со своими детьми, а я камень преткновения, так что не стоит! А теперь, не в обиду – сказала громче она – оставьте меня, пожалуйста, я очень хочу побыть одна!

Лансере одобрительно кивнул и пропустив прислугу вперёд поспешил уйти. Аделии было тесно и непривычно уютиться в столь скромном пространстве, нет размаха для души, простора для сердца. Но деваться было не куда, да и выбор не велик, Лансере и так старался всё сделать по высшему классу.

Скромное окошко открывало пока не чем не примечательный вид шумного и грязного порта, но совсем скоро эта картина сменится несменным небом над могучим океаном, и пейзаж останется таковым на очень длительное время. Она была одна в этом крохотном мирке, но присутствовало явное впечатление того, что её окружает спешащее, с громким топотом, многочисленное полчище людей, которые суетились, бегая по палубе. Она небрежно сложила свои украшения в полукруглую массивную шкатулку, и как можно дальше отодвинула от себя. Её всё раздражало и бесило, негодование и злость просто клокотали в груди, она еле сдержалась, что бы не броситься в соседнюю каюту, в которой очередной раз что-то не поделили сёстры.

– Твой отец был прав! – услышала нежный и мелодичный голос за спиной.

– Как долго ты меня будешь преследовать? – не оборачиваясь спросила она, крепко сжимая руками острые углы стола.

– Всегда...

– Это всё твои забавы? Что со мной происходит? – Аделия обернулась и удручённо села на стул.

– Все вопросы к самой себе! – гость скрестил руки на груди, и облокотившись о дверной косяк продолжил – я могу многое, очень многое, но я не Господь Бог. Да и заставить раскрыться сердце...это уже мне совершенно не подвластно...

– Какое сердце – разозлилась графиня – Джеррард, понимаешь, я устала! Сколько можно?! У меня не хватает сил, столько нового, не понятного мне совершенно, я очень напугана! Пока мы доехали с поместья, в Лондон, я еле сдержалась... эти две крысы, я их ненавижу, терплю их только ради Лансере! Я в диком ужасе от окружающего, эти люди, лица, я боюсь выходить на палубу, там такая жуткая суета!

– Успокойся, скоро привыкнешь... Смотрю тебя уже ни сколько не смущает моё появление, всё уляжется, нужно время...

– Ты мой ангел хранитель? – улыбнулась графиня, и опустила голову.

– Странный вопрос... – Джеррард Фурье задумался, и аккуратно присев на край кровати отстранённо произнёс – не правильно всё... я слишком много времени уделяю тебе...и уделял...

– Прости, но я никогда и ни о чём тебя не просила...но мы с тобой очень сблизилась, я доверяю тебе, а хотя...есть ли смысл от тебя что-нибудь скрывать...

Фурье не смело улыбнулся, и взяв Аделию за руку потянул к себе.

– Это ты ангел хранитель, я бы гордился и был счастлив в обладании такого – он припал своей щекой к её щеке и в полголоса произнёс – мне безумно жаль тебя, я не в силах помочь, твои страдания никто не облегчит, лишь утяжелит их. Горечь и счастье, останутся с тобой, они не разделимы. Лишь ты и только ты, вправе разрешить дилемму о преимуществе того или иного. Не кляни меня, выбор за тобой...

Джеррард Фурье так же неожиданно исчез, как и появился, оставив лишь шлейф размышлений и домыслов в голове юной графини. Она уныло глянула в окно, злость испарялась и уходила на второй план, мысли путались теряясь в бесконечности, уютно устроившись

на небольшой кровати, свернулась как замёрзший озябший листок поздней осенью и уснула, повторяя про себя загадочные слова незваного гостя.

А в это самое спокойное для графини время, на палубе царил хаос, не прерывались грубые окрики боцмана Крептри, капитан стоявший на своём законном месте, сдвинув брови, серьёзно наблюдал за происходящим, он, как и полагается, интеллигентному морскому волку, имел склонность к подчёркиванию своего положения определённым видом одежды, тёмно синий мундир, с длинными фалдами, отвороты которого были из белого шёлка, что и подкладка, короткие штаны и светлый жилет, из кремовой нанки, излишне подчёркивали его худобу, предавая небрежности. Такелаж застонал, тросы подобно змеям обвивали мачты и реи. Парусник медленно покидал берега Великой Британии, подгоняемый порывами влажного, пронизанного едкой солью ветра. Горделивый бушприт украшала фея, утопающая в густых и длинных волосах, словно в пучине. Лансере сам присутствовал в создании этого образа, он дал чёткие указания о том, как должна выглядеть их спасительница, ведь он был уверен, что именно это напроорочит им добрый и счастливый путь.

– Мой мальчик, как я счастлив – улыбаясь, говорил Лансере Икериу Бернардосу, вглядываясь в горизонт – как я давно мечтал об этом, собрать всех вас вместе, и отправиться в это путешествие. У тебя есть замечательная возможность набраться дополнительных знаний и опыта у капитана Гирса. С твоим учителем я совсем недавно общался, он очень хвалил тебя, за твою старательность и рвение.

– Я просто хочу оправдать твои надежды и старания, исполнить свою мечту, посвятив себя морю.

– Очень рад за тебя... Не знаю, стоит ли говорить тебе об этом... – Лансере выдержал минутную паузу, и с нотой скорби в голосе продолжил – мне твой отец накануне снился, и я с ним разговаривал, совсем как раньше, хотя некоторые люди считают, что не к добру такие сны, когда ушедшие молчат и улыбаются это ещё пол беды...

– А мне выдаётся редкая ночь, когда он ко мне не приходит во снах, явно чувствую его присутствие...

– Мне Карлоса очень не хватает, пять лет прошло уже, а всё было буд-то бы вчера.

– Его конкуренты не дают мне покоя до сих пор. Недавно один из них встретил меня на улице, требовал вернуть какие-то долги. Объяснял же я им, неоднократно, что его уже давно как нет, просил успокоиться и оставить меня в покое, бесполезно...

– Что ж ты молчал?! – вскрикнул Лансере – ты думаешь я бы не нашёл денег, что бы они отвязались от тебя раз и навсегда!

– Всё не так просто – Икер опустил голову, и спрятав лицо в ладонях произнёс – я их помню, мой отец отдал им уже вдвое больше чем был им должен, на время они поутихли, и как только узнали, что ты помогаешь мне, аппетиты их выросли...

– Не волнуйся, они сейчас там, а ты здесь, все Святые на нашей стороне, и страх нам должен быть не в тягость, пускай грешники каются, а мы будем наслаждаться нашей чистой не запятнанной жизнью – Лансере крепко приобнял Бернардосу, и глубоко вздохнув, полной грудью, широко и искренне заулыбался.

Отличное настроение графа Монтескьери, улетучилось, как только перед его глазами появились две его дочери, они были жалки и несчастны, бледно-серые лица, и посиневшие круги под глазами, искажённые ужасом гримасы, они страдали, их изматывала качка. Лансере бросился к ним, он никак не мог их успокоить, утешения приводили их в бешенство, осыпанный упрёками и угрозами, он слезливо и преданно требовал простить его. Несчастный, он хватался руками за голову, прекрасно зная, что дочери, не плохие актрисы, которые знали слабые стороны отца, знали, на что надавить, что бы заставить ещё пристальнее обратить на себя внимание. Он понимал, что переигрывали они спектакль, и всё же, продолжал клясться, умолять и просить. Досталось и Аделии, которая в прекрасном расположении духа, со свежими бодрими

силами, после крепкого и продолжительного сна, решила выйти на палубу, вдохнуть свежего воздуха и полюбопытствовать не виданными прежде красотами.

– Я так больше не могу – кричала Мадлен, она хотела, что бы её слышали все, что бы одобритительно ей в ответ закивали, поддержали – я хочу вернуться обратно! Почему, мы должны из-за неё лишать себя человеческой жизни!

– А я-то тут причём? – недоумённо отозвалась Аделия.

– А притом, что на тебя хотят полюбоваться, из-за тебя весь этот переполох! Последнее слово было за тобой – не унималась Мадлен.

– Этому путешествию, по любому пришлось бы свершиться, дала бы она согласие или нет! – скромно, как бы оправдываясь бубнил Лансере.

– Ты опять её защищаешь! – вступила в перепалку Изабелла, по привычке надувая пухлые губки.

– Нет – растерянно ответил добродушный граф.

– Вы чего разорались-то?! – начала злиться Аделия, желая вступить за любимого дядю – ненавидите меня, пожалуйста, никто вам не запрещает, пожалели хотя бы своего отца! Этого святого человека, на руках носить надо!

Немного замешкавшись и смутившись, подала голос Изабелла, отрешенно покосившись на Мадлен.

– А ты вообще кто такая?

– К несчастью ваша сестра! – сдерживая себя, сквозь зубы процедила Аделия – ещё даже сутки не прошли, а вы уже ноете. Думаете, мне хорошо? Я же не кричу всем присутствующем об этом! Это абсолютно бестолковая, глупая, не нужная никому информация – тембр голоса повышался, она невольно прикусила губы, и со всем злом, что накопилось, высказала мало-приятную речь – вы две пустышки, с дырявыми головами, проклятые эгоистки, использующие своего золотого, бесценного отца в своих целях! Мечтаете выйти замуж?! Только последний идиот согласится связать с вами жизнь! Я не стыжусь своих слов, правда глаза режет?! Да?! – она почувствовала, что кто-то крепко тянет её за руку – Икер, отстань, не мешай – даже не обернувшись произнесла она – и это лишь малая доля того, что я о вас думаю, неблагодарные, омерзительные существа!

– Правда глаза режет?! – переспросила Мадлен, с ехидной, холодной улыбкой – ну тогда, что ты скажешь, на то, что твоя жалкая кровь, не такая благородная как наша, что наша мать, в отличие от твоей, имела титул баронессы, была обеспеченной и самодостаточной – она специально сделала короткую паузу, и злорадствуя и ликуя продолжила – если б твой отец одумался, то такой ошибки, как ты бы не было. Ты ничтожная полукровка, у тебя на лице написано – дочь нищенки, грязной кухарки!

Бешенство и гнев окутали младшую из графинь, в глазах помутнело, она чувствовала, что руки наливаются силой, просто горят, пылают, краем взгляда, заметила, как Лансере под руки увели двое матросов, вовремя подхвативших его, её не остановил Икер, она отцепила от себя его пальцы, и опрометью кинулась на обидчицу.

– Ты ещё не раз пожалеешь о сказанном – Аделия ухватила ладонью её хрупкую шею, ей хотелось свершить над ней суд незамедлительно – но не здесь и не сейчас, слышишь меня, когда ты будешь меньше всего этого ожидать, но обещаю, твою жизнь, ни сколько не осчастливит моё появление. Слащавая, омерзительная дешёвка, жаждущая приторной жизни, я тебе её устрою, клянусь.

– Отцепите от меня эту ненормальную – прохрипела Мадлен.

– Отцепись! – крикнула Аделия, и что было силы, толкнула, плюнув вслед.

– Чувствуется невоспитанность, наследственность, ничего не скажешь – провоцировала Аделию Мадлен – в твоей голове полный беспорядок!

– Тебе бесполезно что-то говорить – немного успокоившись, сдерживая себя, отвечала Аделия – если у человека поворачивается язык оскорбить чью-то мать, значит у него неладное с головой, беспорядок, как ты сказала. Женщина, родившая тебя на этот свет, носит имя Мать, и уже этим заслуживает к себе уважения, поэтому осквернять и чернить её имя я не собираюсь. Так что делай выводы, хоть иногда разрешай своим миниатюрным познаниям брать верх над твоей никчёмной злостью и завистью. А за свои слова, ты ответишь, я этого так не оставлю. Когда упадёшь, не тяни ко мне свои руки, я спокойно перешагну через тебя, и уйду, не оглянувшись.

Душа Аделии ликовала, она чувствовала, что превзошла, не то что Мадлен и Изабеллу, а саму себя, она поставила красивую, жирную точку в разговоре, подытожив, громким и убедительным криком души. Она видела, какими глазами на неё глядели окружающие. Все молчали. Улыбка украсила её лицо, просто не смогла сдержаться, от кипящего ненавистью вида двух неразлучных сестриц. Им нечего было сказать, покрасневшие, озлобленные, взявшись за руки, моментально исчезли, задушенные предательским безмолвием.

– Ты меня пугаешь – заговорил Икер, взяв за плечи Аделию – всем своим видом ты походила на своего отца. Мне обидно за тебя, прости... но ты постояла за себя... так и надо!

– Икер, успокойся, ты весь дрожишь, со мной всё в порядке, не волнуйся так! Лучше проведай Лансере, сейчас ты ему очень нужен, побудь с ним! Я пока хочу побыть здесь, мне так будет лучше!

Графиня Монтескьери проводила взглядом статную фигуру Бернардоса, который, торопясь и спотыкаясь, поспешил осведомиться о душевном состоянии добряка Лансере. Солнце катилось к горизонту, оно ласково обнимало несмелые робкие волны оранжевым светом, который делили, словно острым ножом, тёмно синие продолговатые и подвижные отрезки. Немногочисленных серых облаков, с лёгкой проседью, едва касались настойчивые лучи, обрамляющих верхушки огненным и нежным шёлком. Воцарившаяся тишина вокруг, после шумной беседы, подала пространство вокруг, было приятно дышать спокойствием и умиротворением, даже кряхтящий такелаж ни сколько не отвлекал от ностальгических, и уединённых минут, которые целиком и полностью посвящаешь лишь себе.

– Вы сильный человек!

– Это так заметно? – смеясь и играючи спросила Аделия, скромно подошедшего к ней весельчака Якова – почему-то была уверена, что составишь мне компанию.

– Я так настойчив или моё лицо рисует какие-то подсказки? – полюбопытствовал моряк, смущённо потирая ладони.

– Тебя видно насквозь – воскликнула Аделия – я тебя совершенно не знаю, но уже прониклась к тебе интересом, ты очень напоминаешь мне одного замечательного человека...

Даже багровый загар не смог скрыть яркую краску, поглотившую его лицо:

– Я очень признателен...

Аделия увидела в этом парне знакомые черты добряка Лансере, ни сколько внешне, сколько зацепил её открытый, солнечный внутренний мир, распахнутый как на ладони.

– Вы другая...

– Давай без этих правил высокого нравственного тона – перебила Аделия Якова, дружески потеревив за плечё – это скучно, и крайне уныло... Другая? – переспросила она задумчиво.

– Нет, нет, я совсем не про то, о чём так грубо отозвалась ваша, то есть твоя сестра – он запнулся, откашлялся, и напряжённо продолжил – да, твоя сестра...

Аделия не сдержавшись, громко рассмеялась, ей было так легко, весело, её смешила неловкость и стеснение моряка, решив, что поступает не красиво, дрожащим от смеха голосом произнесла:

– Прости, не обижайся, я не со зла!

– Я знаю – с грустью в голосе ответил он.

– А как долго ты предан океанским и морским просторам? – полюбопытствовала Аделия, желая искренне задушить настойчивое веселье, и поддержать серьёзный разговор.

– Недолго, года три наверное... Жаль было покидать мельницу, там осталось моё детство, вся моя жизнь...

– А зачем же ты бросил то, что тебе искренне нравилось?

– Меня оттуда выгнали, а точнее выгнал, мой брат. Я бы не сказал, что мы были богаты или зажиточны, главное, не голодали. Не жалел ни здоровья ни сил, работал за троих. Затем наш единственно оставшийся родственник, родной дядя как-то неожиданно для всех заболел и вскоре умер. И крупницы состояния разделил на двоих – он замолк, и нервно потеревил белокурую шевелюру.

– И что? – сгорала от любопытства графиня, видя, что собеседник не торопится с продолжением.

– Какой с меня толк – подавленно и крайне нервозно воскликнул моряк – безграмотный, с подорванным здоровьем, не отличающийся сообразительностью и смекалкой... остался таким образом предоставлен самому себе... А без всех этих качеств, что я перечислил, на улице делать нечего, долго не протянешь... Благодаря Михаэлю я сейчас здесь, и понимаю, это именно то, что мне нужно. Пусть я не такой незаменимый, как некоторые из этих ребят, плету, смолю канаты, штопаю нашу непримечательную робу, пытаюсь сшить что-то более дельное...но всё же, это мой дом, и мне в нём очень уютно...

– А-а-а-а этот самый Михаэль, какой-то жутковатый... – Аделия оглянулась, и удостоверившись, что никто её больше не слышит, продолжила – мне он показался ну... – она запнулась, и мысленно выругала себя за то что начала разговор о нём.

– Да, женщины его за это и любят – улыбнулся Яков, и не принуждённо заговорил дальше – своим безразличием, он вскружил голову не одной девице! Сколько разбитых сердец у его ног...

– Зачем ты мне про него говоришь? – возмутилась Аделия, и пытаюсь нарисовать безразличие на своём лице, устремила свой жаждущий взор в непокорные волны, что бились о борт корабля.

– Но ведь тебе интересно! Как не обманывает моя внешность, так и твои глаза, горят любопытством, говоря за тебя!

Аделия не проронила ни слова, ни звука, продолжая с ложным любопытством изучать плещущие волны.

– Но есть единственная женщина, которая целиком и полностью покорила его сердце, навсегда!

– Кто? – неожиданно для самой себя она выкрикнула это слово, и крепко зажмурив глаза, запрягла лицо в ладонях. Неведанный порыв эмоций захлестнул её, лишив рассудка.

– Его мать...

– Ах ты интриган – медленно – медленно, заторможено отозвалась Аделия, опуская руки.

– Не думал, что так среагируешь! Я даже и не собирался говорить о нём! Прости, ты сама начала.

– Мне просто стало любопытно, и всё...

– Не стоит оправдываться, графиня – умиротворённо проговорил моряк – я не хотел тебя ничем обидеть, и даже предположить не мог, что наш разговор затронет твои эмоции и переживания. Ты очень молода, и скрыть, интерес, любопытство, у тебя пока не получается. Время придёт, и жизнь тебя научит всему.

– Сколько же тебе лет, явно не многим больше чем мне? Но уж слишком взрослые у тебя размышления!

– Мне всего двадцать четыре, а жизнь меня неплохо потрепала, заставив вырасти, и взглянуть на людей и вещи совсем другими глазами. Но мои страдания ничто, по сравнению с тем,

что сделала судьба благосклонная на жестокость и ненависть, со Шпенглером. Его она невзлюбила, и этого не отнять! – Яков прищурившись взглянул на краешек заходящего солнца, и перебирая свои длинные, обезображенные тяжёлой работой пальцы, не хотя произнёс – вот видишь маленький пылающий кусочек, примерно столько же осталось доверия к людям, и надежды в светлое, в этом, как ты говоришь жутком человеке, остальная часть, растворилась в обидах и разочарованиях, как и этот диск, за горизонтом.

– Получается, я была не права! – задумчиво отозвалась Аделия, слабым и тихим голосом.

– Только не надо его жалеть! Склад его характера достаточно тяжёлый, этого не отнять, с ним очень трудно, просто невозможно бывает временами! Многие считают его жестоким, кто-то ненавидит его за силу воли и упорство, некоторые просто боятся, легко судить по оболочке, не зная содержимого! Я одного не могу понять – сдвинув брови, поинтересовался Яков – ты же графиня!

– Ну и болтун же ты! Видишь во всём то, что хочешь увидеть! И так порождаются сплетни!

– Я пожалуй откланяюсь, работа ждёт. Скоро ужин! На камбузе без меня не справятся! – широко улыбаясь, отчеканил моряк, и поспешил уйти, спустившись на вторую палубу.

На душе было тепло и легко, хотелось продолжить разговор, затронуть множество других тем, о которых она наслышана, но как таковой конкретности не было в её познаниях. Этот человек с другого мира, богатого на события, увлёк её, сколько нового и интересно – важного она сможет почерпнуть, и выяснить для себя! Как ничтожно мало она знает о жизни, о проблемах, о нищенских тяготах, о существовании за гранью возможного... Как хотелось разобраться в себе, и найти место, что бы поместить ураган событий и переживаний, в лёгком, воздушном комочке, под названием душа, и пылающем и ранимом чувственном сердце.

На палубе оставалось всего несколько человек, которые приняли четырёхчасовую смену, рассредоточившись, кто у рулевой, кто на марсе, кто у бушприта. Белоснежные паруса, раскинувшись как крылья, несли рукотворное, трёхмачтовое творение в объётах пленительных, сумеречных волн, навстречу новому и долгожданному. Аделия, отказалась от затянувшегося ужина, проигнорировав душевные моления Лансере и Икера. Ей не хотелось, очередной раз душиТЬ себя пустой улыбкой, и лицезреть такие же, да и недавний, душераздирающий разговор, ещё не улёгся полностью в голове, и, исходя из всего этого, посчитала нужным, встретить оковы ночи в одиночестве, или же в компании белокурого, общительного моряка. Он появился ненадолго в поле её зрения, и исчез, подгоняемый жутким рёвом боцмана Крептри. И что же, интересно такого, в очередной раз, могла натворить эта светлая натура, чтобы получить в свой адрес несколько нецензурных, довольно-таки бранных изречений! Недолгая тишина сменилась громким смехом, и путаницей нескольких голосов, говорящих одновременно. Четверо матросов, изрядно подпившие, горстью зерна ввалившиеся на молчаливую палубу, принялись, усердно, и шумно разыскивать уютное место, где бы можно было предаться упоительным минутам отдыха и порочного безделья. Один из них незамедлительно расстелил небольшой кусок парусины, и бросил на него своё уставшее тело, распластав руки, и улыбаясь, он протяжно затянул:

– Вы как хотите, я отсюда не с места!

– Да кому ты нужен – прокричал в ответ высокий, худощавый моряк, держащий в руках, тускло светящийся фонарь – чувствую, вся команда сейчас сюда поднимется!

– Да, духота нестерпимая, словно в котле, а не в кубрике! – подпирая кулаком голову, мечтательно и лениво произнёс блаженно засыпающий моряк.

Двое других, смеясь и шутя, скрылись за снастями, завлекая в свой жизнерадостный разговор, дежурившего моряка. Но их веселье было прервано оглушительным окриком боцмана Крептри, который ухватил своими огромными руками за шиворот обоих моряков, и не особо утруждаясь, повёл в кубрик, дав одному из них, приличный пинок. Крептри видел, что за всем

происходящим, с любопытством наблюдает графиня, он невинно пожал плечами, и улыбаясь проговорил:

– Порой приходится действовать подобными методами, так как остальные – банальны и недействительны!

Аделия ничего не ответив, сухо улыбнулась в ответ, пристально вглядываясь в приближающийся к боцману силуэт. Догадки её не обманули, желанное, превратилось в действительность.

– Михаэль, какого чёрта, твориться вокруг? – с голосом, полным удивления прокричал Крептри.

– Я не вижу своей причастности в этом! – недовольно и тихо ответил Шпенглер.

– Да знаю – взмахнул рукой боцман, и потянул Шпенглера за собой – давай присядем, а то уморили меня эти бестолковые! Хоть один здравомыслящий человек, слава Богу, есть!

Крептри наспех скрутил папиросу, и протянул моряку, тот молча закурил, и удручённо произнёс:

– Не слишком строго с Яковом?

– Нееет! – злорадно протянул боцман, аккуратно сворачивая небольшой мешочек с табаком – будет знать, как разбазаривать чужое имущество! Вон, эти – указал он в сторону спящих на палубе – и наелись и напились, теперь отдыхают, благодаря ему, а он пусть отвечает за свою добродетель! – Крептри покосился на одиноко стоящую графиню, и вполголоса спросил – Мисс Монтеस्कьери вы чем-то обеспокоены? Вам может чем-то помочь?

– Спасибо, всё в порядке – опуская глаза, ответила она – не обращайтесь на меня внимание!

– Дело Ваше! Мне просто жаль на Вас смотреть! И знаете – привстав произнёс боцман – у меня три дочери, и увидеть ложь в словах, мне не составляет особого труда!

– Мне просто не хочется смутить вас своим присутствием!

– Что за вздор! – по привычке, прокричал Крептри. Он поспешно встал, и суетливо подошёл к графине, протягивая полусогнутую руку – прошу!

Аделия нерешительно приняла его предложение, едва касаясь своей ладонью его предплечья.

– Я думаю, мне не стоит мешать вашему разговору, не хочу стеснять вас! – она опустила глаза и лихорадочно продолжила протестовать, поймав на себе тяжёлый взгляд Шпенглера – мистер Крептри, не судите строго, пожалуйста, мне очень неудобно!

– Не удобно... – резко остановив свою мысль, возразил боцман, предполагая, что графине будет не пристойно слушать речи подобного характера, и как бы невзначай продолжил – как говорил Ваш отец, прекрасная графиня, не удобно уйти и не расплатиться за выпивку и шикарно накрытый стол – увидев недоумённое лицо Аделии, улыбаясь произнёс – да-да, этот старый мерзавец, тот ещё интеллигентный беспредельщик!

Графиня, окончательно потеряв связь с сознанием и реальностью, рухнула на стул, на котором ранее располагалась буйствующая боцманская персона, которая в настоящее время, упиваясь недосказанностью, гладила свою ухоженную, роскошную бороду. Он, прислонившись спиной к фальшборту, скрестив руки на груди, упоительно и сладостно тянул время, предвкушая ураган вопросов, но неожиданно, он услышал протяжный и несчастный, какой-то страдальческий стон:

– Когда же это всё закончится... – Аделия, не отдавая отчёт своим действиям, убирая пряди волос, коими ветер, словно вуалью укрывал её лицо, не спеша повернула голову, и запахнув в глазах свою душу, заваражённо взглянула на молчаливого моряка. Но тот, спокойно и безразлично, выпускал клубы синеватого дыма, он согнувшись, небрежно опустил руки на колени, и со взглядом устремлённым в бесконечность, пребывал в негативе, сотворённым им же самим. Естественно, что для него не остался незамеченным, пылающий интерес юной графини, его он крайне раздражал, и стиснув зубы, грубо процедил:

– Тебе что-то от меня надо?

– Нет, совсем, нет – отворачиваясь, оправдывалась Аделия – просто не могу понять ненависти в твоих глазах.

– И не поймёшь никогда – вмешался в разговор, заскучавший боцман – вам, высшему свету, не осознать тяготы нищеты.

– Вы хотите меня обидеть? – крикнула Аделия – если у Вас, уважаемый мистер Крептри, были нелады с моим отцом, то я не считаю себя виноватой в этом. Его многие ненавидят, но вымещать зло на мне, это уже слишком!

– Всё в порядке, успокойтесь – смеясь, произнёс Крептри – это я так шучу!

– Не нахожу в Вашем юморе ничего привлекательного!

– Это же надо как! – воскликнул Крептри. Он не утруждаясь, одним движением руки, выкатил небольшой бочонок, из груды канатов и парусины – чертовская сила, Яков... пожизненно ты у меня останешься в заточении – как можно мягче выругался он – мастер, что бы его... Так на чём мы остановились?

– На Ваших непристойных шутках!

– А, да-да! Не стоит принимать мои слова всерьёз, я же не со зла! Просто Дериан длительное время тоже так реагировал на мои глупые усмешки! Ну такой я человек! Мне очень любопытно было бы и с тобой найти общий язык!

– Хорошо – сухо ответила Аделия.

– Знаешь, всегда складывалось явное впечатление того, что твой отец стеснялся своего положения в обществе! Ненавидел свой титул, и неоднократно клялся, что не вернётся в свою родную обитель никогда! Только не переживай, это было задолго до твоего рождения! Я никогда не был его лучшим другом, но встречались мы довольно-таки часто! Да что говорить, он был юным и глупым, да и с алкоголем, он был в очень тесных отношениях!

– Хватит – прервала графиня его словесный поток – не нужно мне всего этого говорить! И я не нуждаюсь в том, что бы, выслушивать порицание моего отца! Следите лучше за собой и своей грубой и бестолковой командой! Не ровняйте всех под одно! Даже и представить не можете, как больно порой, видеть ненависть неоправданную по отношению к себе! – она резко встала, и собираясь уйти, проронила несмелые и тихие слова – мне очень обидно, что судят обо мне, не о том, что я думаю и чувствую, а по количеству украшений и нарядов! Мне бы очень хотелось сблизиться с вами, и наконец, открыть для себя новых друзей! Потому что окружена я всю жизнь была корыстными и бессердечными существами, за исключением некоторых! Жить в золотой клетке, не значит быть счастливым!

– Постой – остановил Аделию за руку Крептри – мы всё прекрасно понимаем! Не надо подобных эмоций, остановись!

– Зачем так со мной... – Аделия побледнела, боль во всём теле сковала её. Ей не хватало воздуха, она судорожно, дрожащей ладонью прислонилась к своим губам, и несколько раз глубоко вздохнув, издала протяжный стон – я хочу остаться здесь, не забирайте...

Она не чувствуя рук и ног, не чувствуя ничего кроме опустошения, потеряла нить действительности, и словно падающий лист, медленно качнувшись, упала в широкие и крепкие объятия боцмана Крептри, который вовремя подхватил её.

Кромешная темнота, украшенная мерцанием сверкающих огненных вспышек, тишина, и безмятежный покой. Мягкий и душистый запах цветов, дурманом, нависший над спящим, непорочным телом графини. Тонкая струйка прозрачного света играючи коснулась лица, постепенно поглощая суровый мрак. Губы вздрогнули, а глаза медленно и неуверенно, с усилием попытались открыться. Что-то подобное она уже ощущала, кажется совсем недавно, и сейчас, тот же холод сковавший её, та же боль изнуряющая и жестокая, только взору не откры-

ваются элегантный и утончённый господин, который магнетически так и манит, завораживая и пленяя. Графиня, не торопясь, аккуратно и нехотя приподнялась. Казавшиеся тяжёлыми и неповоротливыми, словно окаменевшие ноги, испугали её, но прилив сил, ударивший в голову и конечности, заставил ловко спрыгнуть с высокой, кипельно – белой, софы, совершенно забыв, о кажущемся бессилии. Она оглядела себя и ужаснулась. Тёмный, потёртый кожаный плащ, едва доставал до колена, узкие чёрные штаны, которые продолжали высокие сапоги, тесная рубашка напоминающая корсет, неприятно стесняла дыхание, всё это повергло в шок юную графиню.

– Я же была готова к такому повороту – шептала себе она – всё будет хорошо... только, где Джеррард...

Она озиралась вокруг, было страшно не видеть ничего кроме пустоты, жуть накатывала с новой и новой силой, хотелось кричать, но кому, расплакаться, но не было слёз, даже бежать было некуда. Затем, откуда-то издали стали слышаться чьи-то крики и голоса, Аделия пыталась хоть что-нибудь разглядеть, но безрезультатно. Шум нарастал, чьи-то рыдания содрогали воздух, суетливые, смешанные шаги, и несмолкающий шёпот. Набравшись смелости, она обернулась, и в очередной раз узрела ужасное, не поддающееся никакому объяснению. Вокруг неё суетились матросы, растерянно расхаживал по палубе капитан Адлес Гирс, на боцмана Крептри, истерически кричал Икер Бернардос. Графиня окрикнула испанца, но он не среагировал, а точнее не услышал её, он обезумев, кидался на растерянного моряка, в диком исступлении. Вроде бы вот оно счастье, вернуться к своим близким, но почему всё не так как прежде, почему её никто не замечает, не смотрит в глаза, а суетливо пробегают мимо, словно её и не существует. Она решила пройти к себе в каюту, и окончательно подтвердить свои догадки, развеять все сомнения, удостовериться, что её разум ещё способен трезво оценивать окружающую обстановку. Аделия остановилась на пороге, она понимала своё бессилие, глядя на несчастного, рыдающего Лансере Монтескьери, у которого на руках, лежала любимая племянница, точнее хрупкое, бледное тело, не подающее ни единого признака жизни.

– Так быть не должно – рыдал Лансере – Мистер Фрейзен, вы опытный доктор, Вы всю жизнь посвятили медицине, сделайте что-нибудь!

– Пожалуйста, простите меня, господин Монтескьери, мне Вам больше нечего сказать! – откланявшись, произнёс пожилой мужчина и поспешил уйти.

Аделия подошла к своему любимому, бесценному дяде, и поцеловала его во влажную, горячую щёку, но он не унимаясь, обнимал её холодное, безжизненное тело, даже не догадываясь, что его коснулись хоть и холодные, но живые и такие трепетные, горящие любовью и уважением губы.

Как она ошибалась ранее, думая, что одиночество и непонимание, перешли границу невозможного, ввели её в тупик, и оттуда никуда не выпуская, издевательски стращали тишиной. Но именно в данный момент, как никогда прежде, она ощущала свою ничтожность, именно сейчас загнанная в угол, понимала, что значило для неё, то одиночество, и тот тупик, казавшиеся безысходностью. Опустив голову, дабы не лицезреть ужасающую картину, вышла из каюты, по привычке закрыв за собой дверь. Стоящие неподалёку Мадлен и Изабелла, испуганно переглянулись, и, перекрестившись забежали к себе, говоря наперебой:

– А вдруг следующие мы?! – запинаясь, шептала Мадлен, обнимая сестру.

– Вспомни, что она тебе сказала на твою грубость в ответ! – теребя своё платье, прокричала Изабелла – её душа не успокоится!

Сёстры взяли за руки, и сели на кровать. Они, не переставая шептали молитвы, останавливались на полуслове, что бы прислушаться, их била дрожь, сердце колотилось барабанной дробью. Аделию очень тронула их впечатлительность, она разрешила себе улыбнуться, и пользуясь таким случаем, не сочла излишним баловство, припугнуть их. Грубо толкнула стул,

и он упал точно к их ногам, Мадлен закатила глаза, и повалилась в сторону, Изабелла, пытаясь удержать её, прокричала:

– Не смей, это просто качка, слышишь сестра, родная моя!

Та немного придя в себя, прислонилась спиной к стене и простонала:

– Это всё за мои грехи!

После её слов, Аделия, как можно сильнее захлопнула дверь, предвкушая, какие эмоции испытают две неразлучные сестрицы. Пусть будет глупостью и безрассудством это действие, но несколько минут наслаждения она всё же испытала, даже похвалила себя, за неожиданное решение так поступить.

Она искала глазами Шпенглера, ей очень хотелось увидеть его, она ощущала страшную тоску о нём, ненормальную, какую-то сумасшедшую. Её удивляло, что за такой короткий промежуток времени, человек успел стать для неё частью жизни, частью самой себя. Поиски не затянулись, графиня увидела моряка одиноко стоящего у бушприта, он пристально глядел вдаль, не мигающим взглядом, всё то же безразличие и та же отчуждённость, и нет ничего того, что так желала увидеть. Подойдя как можно ближе, она вгляделась в его лицо – тёмные глаза, в которых ей так хотелось утонуть, манящие губы, которых ей так хотелось коснуться, она взглянула на его измотанные и грубые ладони – сколько нежности они могли бы ей подарить, и не сумев сдержать себя, провела кончиками пальцев по его оголённой груди. Михаэль вздрогнул, он ощутил прикосновение, Аделия испуганно отшатнулась назад, ведь она была уверена, она знала, что может быть спокойной за свои действия. Моряк огляделся, смутившись, поправил полотняную жилетку, закрывая ладонью вспыхнувший огнём участок тела, ставший пурпурно-красным.

– А этого можно было и не делать – прозвучал за спиной графини ставший знакомым, умиротворённый и мелодичный голос.

– Я знаю – ответила она – каюсь, просто не смогла удержаться.

– Пойдем со мной – устало произнес он, растворяясь в светлой дымке, которая туго укутала его, и стелясь белоснежным ковром, поглотила неподвижно стоящую графиню.

Под ногами заскрипел песок, глазам открылась ничем ни примечательная комната, с бывшими когда-то белыми стенами, на которых раскинула свои влажные щупальца, многолетняя сырость. С лёгким шипением, осыпались раскрошенные камни, которые наглым образом выглядывали из облицовки. Графиня подняла голову, под высоким потолком висела огромная люстра, утопающая в пыли, на которой оставалось несколько свечей, намертво вцепившиеся в нее, своими восковыми когтями. Яркий солнечный свет, льющийся сквозь приоткрытые створки дверей, ведущих на балкон, поманил теплой, светящейся ладонью. Она пошла за ним, подготавливая и подбадривая себя. Потянув за обветшалую ручку, содрогнула витражное стекло, разошедшееся множеством трещин. Особых усилий не потребовалось, что бы одномоментно раскрошить его и обрушить на пол. Для нее не стало это преградой, с хрустом наступая на осколки, последовала дальше. Полукруглая, обширная площадка, была поглощена ослепительным, манящим светом. Аделия сначала не могла ничего разглядеть, так глаза, привыкшие к сумраку, отказались воспринимать окружающее. Но как приятно было потом, ощутить живое и такое родное солнце, заботливо ласкающее побледневшую кожу. Дополнили радужных красок, лёгкий и свежий ветерок, крики чаек, и отдаленный шум прибоя. Графиня подошла к невысоким выточенным из камня перилам, и от испуга отшатнулась назад, балкон нависал над пропастью, в который с диким ревом, ворвалось несколько kloкочущих водопадов. Она в непонимании замерла, как может быть такое, ведь только что она упивалась негой и тишиной, а теперь нарушает райскую идиллию, спешащий ледяной поток.

– И когда я устану удивляться? – спросила себя она – предел возможного давно уже пройден, а я, глупая, чего-то пугаюсь... Странно – она прищурившись окинула взглядом дверной проем, идущий немного наискось относительно того из которого она вышла. Промельк-

нула тень, и чьи-то громкие шаги шустро стали приближаться. Аделия прижалась к перилам, находясь в предвкушении того, какой очередной сюрприз предоставит ей судьба. Как такового удивления она не испытала, можно сказать даже разочарование обрушилось на нее. Очередной незнакомец, невысокий, крепкий, с замученным видом молодой человек, оглядываясь, морщился, закрывая лицо ладонями. Он растеряно стряхивал с себя пыль и паутину, каждое движение говорило о клокочущем недовольстве. Он был крайне раздражён и зол, постоянно закидывал за плечи очень длинные и растрёпанные волосы, наконец, поуспокоившись, снял повязку со лба и вытерев капельки пота, спокойно спросил:

– А ты здесь что делаешь? – в его голосе было столько уверенности, прямолинейности, как буд-то знакомы они были не один год.

– Наверно, тоже самое, что и ты! – улыбнувшись ответила Аделия, изучая его широкое, загорелое лицо, с крупными чертами.

– Я про то, что крайне удивлён – ответно улыбнулся он. Его хитрые голубые глаза, искрящие кошачьим блеском, смотрели оценивающе.

– Мы здесь не просто так – рассуждала графиня – я не знаю, что будет дальше, но нашу судьбу уже решили за нас.

– Ха – ухмыльнулся собеседник – кто тот остряк, кто разрешил женщине вмешиваться в подобные дела – он нервно убрал со своего потного лица пряди запутанных волос, и ехидно продолжил – мне лично без разницы, где я буду, чем заниматься, чьи прихоти исполнять, мне даже на руку, вся эта путаница.

– Может, хотя бы представимся друг другу?! Аделия Монтескьери – улыбаясь, она протянула свою руку, но заметив некое замешательство, растерянность, спросила – что-то не так?

– Раин Ред – осторожно проговорил молодой человек, сжимая в своих руках ладонь Аделии – теперь и графини не в чести?

– Ошибки может совершить любой, а титул здесь совсем не показатель.

– Ну да... погоди, покажи ладонь – насупившись заговорил он – у тебя кровь, что случилось?

– А, так это стекло лопнуло, ничего страшного...

– Погоди – прикрикнул Ред, доставая из кармана платок – не каждый же день оказываю помощь графиням. Он зажмурил глаза, так как пот лился не переставая – извини – он отвернулся, и рукавом, грубо и поспешно вытер лицо – чертовская сила, как в котле!

Действительно, становилось жарче, духота нагнетаясь, кипятила, уничтожая воздух. Шум водопада постепенно стихал, подводные камни, стали показываться отчетливей, остатки живой влаги, шипя испарялись. Слышался треск, и в мгновение, огнедышащее пламя заполнило собой пространство до берегов.

– Это ж как такое ангельское создание могло согрешить, что б заслужить такое?! – терялся в догадках Ред, оголяясь до пояса.

– Я, пожалуй, последую за тобой – Аделия, как можно медленнее расстегивала плащ, наблюдая за обезумевшими глазами нового знакомого, он замер, и вскинув брови, немного приоткрыл рот – так будет гораздо лучше! – Монтескьери небрежно отшвырнула плащ, и прикоснувшись пальцами до корсета, сдерживая смех, произнесла – молодой человек, вы чем-то обеспокоены?

– Да, то есть, нет – замешкался он – ты так и не ответила на мой вопрос!

– Я считаю, нашей вины в этом нет, и наши ошибки или заслуги, грехи или святость, в счёт не берутся! Сейчас мы нейтральны...

– Откуда ты это знаешь – спросил Ред, сев на пол и опираясь спиной о периллы, за которыми, бушевал ад – ко мне подошёл невысокий такой парень, лишь махнул рукой, и сказал «пошли», до этого пару раз наведывался, какой-то, худощавый мужчина, тоже что-то говорил, я его так и не понял! Фурье, по-моему...

– Скоро должно всё проясниться...

Аделия аккуратно сложила выброшенный в сердцах плащ, и вальяжно расположилась около полуголого мужчины, ей хотелось поскорей всё разъяснить, хотелось понять смысл бесконечной череды встреч и знакомств, вереницы непонятого и загадочного сумасшествия.

– Никогда не думал, что буду когда-нибудь, сидеть и размышлять о своём существовании, в компании юной графини, чьё имя знает каждый бродяга, чьё состояние сводит сума, любого алчного и жадного до денежной наживы, да что там говорить, даже здравомыслящий человек, нет-нет, а заикнётся...

– А какой сейчас прок в этом?

– Может быть, ... сейчас бы винца с вашего погреба, самого выдержанного...

– Будет возможность, не только винцо употребим, но и множество других изысков...

Раин Ред мечтательно закрыл глаза, закинув голову назад. Его частое шумное дыхание содрогало грудь, на которой трепетала, практически выцветшая, накладка летучей мыши, контуры её крыльев были размыты, а под ними виднелась какая-то надпись. Аделия, не скрывая своего любопытства, пыталась разгадать, тайну, которую скрывал летающий хищник.

– Это метка? – полюбопытствовала она.

– Да, за отличное и примерное поведение – собеседник облизал сухие губы, и не открывая глаз продолжил – ты же сама сказала, что мы все равны. – Думаешь, я буду упрекать тебя? Или стану пренебрежительней относиться? – рассуждала графиня – может быть, если б знала тебя давно! А так, кто я тебе, и кто ты мне?

– Не знаю кто я для тебя, но для меня ты прекрасный собеседник, умеющий слушать! Ненавижу, когда меня перебивают! Меня это так выводит из себя! Можно, когда выберемся отсюда, я угощу тебя вином? – он не поднимая головы, повернул её в сторону графини и искренне улыбнулся – глупо наверно звучит...

– Лучше ромом...

– Хорошо, договорились!

– А чего мы ждём, может, попробуем выбраться отсюда? – оживилась графиня – может нам стоит, поискать более стоящее, чем сидеть и ждать!

– Не думаю что это хорошая идея – отрешённо вторил молодой мужчина – если нас выбрали из тысяч или миллионов, значит всё не так просто, как ты думаешь!

Разгорячённый пыл Аделии немного поутих. Она обиженно вздохнула, и устроившись поудобнее, подложив руку под голову, попыталась улечься.

– Всю жизнь мечтала лежать на грязном полу, дышать дымом, и ждать, чем же ещё приятным, порадует меня судьба.

Ничего не менялось, огонь продолжал буйствовать, казалось, языки его пламени, издевательски, черпали всё новые и новые силы, обжигая измотанные тела ожидавших перемен. Посеревший, унылый дом, изнемогал, от жара, что душил его крепкие стены, щедро обезображенные крупными трещинами, словно шрамами. Не пересилив боль и страдания, здание, словно живое существо, обессилив, обрушило на обидчика свои горькие слезы. Сочилась каждая трещинка, из основания дома хлынул ледяной поток, с жутким и диким шипением, расправился он с распалившимся пылающим адом, посылая небу, клубы густого пара, в доказательство того.

Раин Ред с любопытством наблюдал поразительную картину невозможного, он не был удивлён, его не сводила с ума подобная драма, он просто чувствовал себя одним из главных актёров, точнее марионеткой, брошенной в пекло ярких страстей и затёртых сюжетов. Он не мог, и не хотел понимать, то, зачем он здесь, и в чём состоят его обязанности. Почему рядом с ним, человек благородных кровей, не успевший ни разу вступить в пререкание с судьбой, не запятнанный уродствами и казусами жизни, в чём их сходство, где та тонкая, невидимая нить, что связала робкую и податливую графиню, и хитрого, наглого, не достойного уважения

мошенника, с бесконечным списком разбоев и грабежей. Его воспитала улица, он не знал ни отца, ни матери, никогда не пытался карабкаться, что бы выжить, а избрал более простой и доступный способ существования. Его прельщали лёгкие деньги, он упивался такой жизнью. Не исправила его и жизнь за решёткой, тяжёлый физический труд за свои грехи, он отработывал, и снова катился в непроглядную бездну, наматывая как на клубок тёмные, жестокие ошибки.

Ред задумчиво окинул взглядом спящую графиню, какой жалкой и несчастной казалась ему она. За что она расплачивается, что могло такого произойти, почему допускают такой несправедливости те, кто бросил их сюда.

– Нет! – раздался оглушительный крик – не надо! – графиня дрожала, она прижимала к груди колени, прятала в них лицо – не хочу...

– Эй, ты чего – крепко взял её за плечи Раин Ред – успокойся!

– Я не хочу, я устала – хриплым и несчастным голосом говорила она – не хочу!

– Тихо – неумело успокаивал её он, заглядывая в глаза – придётся привыкнуть!

– Надоело – истерически взревела она, крепко прижимаясь к растерянному Реду – нет больше сил!

Раин чувствовал биение её сердца, прерывистое дыхание и дикий шёпот, он ощущал силу её крепких объятий, в которых не просматривалось ни капли фальши, лишь искренность и безысходность, первый раз наслаждался вкусом раскрепощённых, наивных и таких трогательных рук. Хмельная и сладострастная волна пробежала по его телу, тепло, и безмятежность разливались кровью. Его грешная душа рвалась на части, от понимания того, что не задумывался ранее о своих внутренних переживаниях, а укрощал незаурядный голодный пыл грязными похождениями, короткими скользкими встречами и массой холодных знакомств. Нет, он вовсе не стал считать свою прежнюю жизнь никчёмной и пустой, он просто сделал выводы, что не те люди встречались на его пути, не те женщины согревали его тело холодными ночами, что был вероятный шанс встретить свой рай, который бы с неудержимым рвением исправил его крошечный ад.

– Прости – несмело сказала Аделия, отстраняя его от себя – я не хотела, мне жутко не хватает преданных и верных людей рядом, я напугана, я растеряна, мне очень тяжело, поэтому я хочу, что бы был хоть кто-нибудь рядом – она подняла глаза выше, и резко замолчала. Ред понял, что теперь они не одни, а кто-то разбавил их общество молчаливым присутствием.

Напряжённый, пропитанный негативом и трагизмом, наблюдал за происходящим Джеррард Фурье. Он злобно и холодно выжимал из времени максимум, и ожидающе, приподняв голову, сыпал вопросами с замерших губ. Его внешний вид говорил за него, сколько бесчисленных объяснений желают услышать его уши, сколько драматических слов припасло его сознание в ответ на пылкие, ещё не сказанные оправдания.

– Смею спросить – начала говорить Аделия, обращаясь к молчаливому гостю – когда это всё закончится, и есть ли нам смысл ждать?

– Смысл? – переспросил Фурье – теперь вы собираетесь диктовать мне, что делать и как?

Аделию удивлял, его далеко не дружелюбный настрой, его командный голос и пренебрежение, она не скрыла своего удивления, и подойдя к нему, как можно тише прошептала:

– Ты что? – она подняла голову, пытаясь заглянуть в глаза, но он отвернувшись проигнорировал её порыв – где твоя изысканная улыбка? Твой утончённый профиль, конечно красив, но я бы хотела заглянуть тебе в глаза! Ты слишком высок – продолжала навязчиво она, возвращая всё в игру – и я не смогу прошептать на ухо тебе самое важное!

– Слушай, прекрати шутить со мной, не забывай, что вы всего лишь оружие, моё оружие, но не более – разозлился Фурье – я и так слишком много тебе позволял, за что получил сполна! Не надо беспредела! Не будет легко и просто, слышишь меня? Не будет! Хватит, детство и шалости оставь за спиной!

Аделия обиженно отшатнулась назад, она понимала, что не следовало давать волю своему баловству, но и таких слов, в свой адрес, она тоже не ожидала. Попятившись, она обиженно стиснув зубы процедила:

– Ну хорошо...

– Пойдёмте за мной! – уходя, проговорил Фурье.

Они прошли сеть полуразрушенных комнат, и длинных, вьющихся словно локон коридоров. Фурье не оборачиваясь, статной и красивой походкой, устремлялся вперёд. Его кучерявые волосы, подпрыгивали как мелкие пружинки, заставляя улыбнуться сердитую графиню. Она сбилась с чёту от вереницы заброшенных помещений и лестниц. Наконец Фурье остановился, около огромных, тяжёлых дверей и уныло произнёс:

– Я прошу вас только без глупостей, вы мне очень тяжело дались – наконец повернувшись к ним, удручённо и грустно проговорил он – можете ненавидеть и клясть меня, это всё равно ничего не изменит, просто ... – он замолчал, и словно опомнившись продолжил – вы всё поймёте, я слишком долго за вас боролся... – и с усилием, Фурье раскрыл величественную дверь, он прислонился к ней, и вытянув руку вперёд, прошептал – добро пожаловать...

Узкий, длинный мост встретил их у порога, ведущий к овальной, немного скошенной поверхности, с краев которой стекал искрящийся поток, срываясь в бесконечность. На небольшом постаменте стоял худощавый, пожилой мужчина, с копной седых, зачёсанных на затылок волос, он неохотно поднял глаза на угнетённых Монтескьери и Реда, которые неуверенно шагали друг за другом. Пальцем указал на два высоких стула, обтянутых коричневой кожей. Массивную, словно свитую из деревянных прутьев спинку, устрашающе дополняли, два звериных глаза из зелёного стекла, ножки змеями сползали вниз, вытягивая вперёд хищные морды. Аделия растерянно, ищущим взглядом, пыталась отыскать Фурье, но успела рассмотреть только его уплывающую тень, и услышать тяжёлый удар закрывающейся двери.

Навящевым эхом снова и снова повторялся хриплый шёпот, заполняющий собой всё пространство вокруг, словно толпа обезумевших, обострили в шипящих словах, смелые порывы печальных идей. Оставалось только сойти сума, и с диким рёвом броситься в непроглядную чёрную бездну, и поставить жирную точку на бесконечной череде загадок. Но стоило ли это пережитого, стоило ли обрубить все корни, и сухим стержнем рухнуть вниз, нет, слишком много событий и новых лиц, встречи и знакомства, уже вошедшие в привычку. Новые ценности и открытия, какая-то зависимость от некоторых моментов, которые оставили на сердце бессмертный отпечаток. На мгновение всё стихло. Гнегуший мрак, что окружал округлую платформу, давил, сжимая нервы словно в кулаке. Казалось, что, чьи-то длинные руки, с уродливыми пальцами, жадно тянутся, пытаясь коснуться спины. Аделия резко обернулась, и улыбнувшись, пожурела себя за податливость страхам, прежняя мрачная пустота и ничего более. Не одна она пошла на поводу у воображения, словно по команде, и оставшиеся одиннадцать человек, суетливо завертелись, словно непоседливые, любопытные дети.

Двенадцать человек, двенадцать судеб, двенадцать печальных лиц, и ни одной улыбки. Сколько томлений, вопросов и ожиданий, в каждом из этих молодых людей, они сплетены из домыслов, как им понять, что праздной жизни не будет, как и семейного гнёздышка, страстной любви и дружеских посиделок, новый мир для них, это тот, чьё плечё, покоится совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Юные души, словно слепок из глины, кажутся крепкими, закалёнными, твёрдыми и своеобразными, но порыв ветра, дождевой поток или неловкая рука, и кроме осколков или месива ничего существенного больше не останется. Но а кто тот ваятель? Кто слепит из грешных или ангельских душ, вместительный, непоколебимый и внушительных размеров кувшин? Тот, кто сейчас словно стрелка от часов стоит в самом центре и движет своими гипнотическими импульсами в адрес спешащих, испуганных сердец. Питер Фурье, имя седовласого мужчины, чьи молчаливые, целенаправленные чары вытянули из закоулков памяти молодых людей, ценные и дорогие моменты. Нет, не для того что бы их уничтожить,

а что бы звонче сыграть, больней затронуть переживания, дабы укоренить жёсткий и бесчувственный нрав.

Непроглядный дождевой поток, клокочущим устрашающим порывом извергает на землю свои горькие обиды, стелясь по земле бурлящим ручьём. Даже молчаливое небо, не смогло удержаться, и громким рёвом и треском сказало своё слово. Нелепо, но весьма романтично, окунаемая в происходящее, промокшая до нитки, обратив лицо к посеревавшему полотну, наслаждалась стихией Аделия Монтескьери. Ей не хотелось забивать голову вопросами, почему она здесь, а не там, и почему одна, а не в компании жутковатого старика, и оставшихся одиннадцати безропотных слушателей. Она полной грудью вдыхала прохладный, пропитанный заволаживающим бризом воздух. Сапоги утопающие в мокром и зыбком песке, омывались струями дождевой воды, которая безвозвратно спешила за край отвесной скалы, местами занесённой тяжёлой землёй, и всевозможными ветками и корневищами. Графиня слышала шаги за спиной, затем чьи-то горячие руки крепко обняли её за талию, и дрожащее дыхание коснулось её шеи. Странное чувство сжимало её изнутри, ещё не ведомое ранее. Она знала чьи это руки, и чьё дыхание, она содрогнувшись, медленно обернулась, и пьянея утонула в кромешно чёрных строгих глазах моряка, успевшего стать любимым. Она с замиранием, не отрывала от него жадного взора. Ухоженное лицо, с аккуратными небольшими бакенбардами, гладко выбритые щёки, волосы разделённые пробором сбоку. Чёрный камзол, со стоячим воротником, уголки которого были выполнены серебром, белая рубаха, со сверкающим галуном предавала чопорности и изысканности.

– Михаэль – дрожащим голосом говорила Аделия – что ты делаешь со мной? Не знаю, явь ты или сон, если сплю, не дай мне проснуться! Если бредю, позволь побыть сумасшедшей! Если призрак ты, прошу не растаять! Не понимаю, как я смею откровенно говорить о своих чувствах и привязанности к тебе! Мне стыдно, да! Считанные часы знакома с тобой, а покой оставил меня, разрешив страсти сыграть главную роль! – она ощутила как его дыхание обожгло щёку, и практически коснулось дрогнувших губ – и всё-таки прости! Предо мною ты, утончённый и строгий, манящий и настойчивый – Аделия отстранила его от себя, и холодно продолжила – меня легко обмануть, предоставив объект трепета и тоски, и я как любящий человек, просто была обязана повестись на недостойный розыгрыш, но ты, это не он! И мне больно от того, что кто-то посмел, так подшутить надо мной!

– Браво, графиня, браво – радостно ликовал пожилой мужчина, рассеивая дождь, и возвращая обстановке первоначальный вид – чего не ожидал, того не ожидал! – он вытянутой рукой провёл по кругу, указательным пальцем рисуя волнообразные движения – все вы, пошли на поводу у своих желаний, каждый из вас опустил ниже подошвы моих сапог!

Молодые люди, стыдливо прятая глаза, тяжело вздыхали, и с неистовым любопытством косились на графиню.

– Урок первый, пройден! – взволнованно ораторствовал Питер Фурье – для себя должны уяснить, что иллюзии, это главная уловка, страшная наживка, на которую будут ловить каждого из вас, без исключения!

– Мне можно пройти на своё место? – уныло спросила Аделия.

– Конечно! – выкрикнул мужчина – но запомни – он приблизился к ней, и сурово произнёс – никаких отношений, и никаких чувств! И так, дальше – Фурье подошёл к Раину Реду – никакого хамства и алчности, забудь про деньги – он вальяжной походкой двигался дальше, скрестив руки за спиной – никакого алкоголя и подобной дряни, никаких свиданий с родными и близкими, ни за что не соглашайтесь на авантюры с незнакомцами, для некоторых это плохо кончилось, и никогда и не при каких обстоятельствах не пытайтесь разделиться! Вас будет трое, и вы должны будете, стать одним целым!

– Разрешите задать Вам вопрос, Мистер... – недоговорил Ред.

– Мистер Фурье – добавил мужчина и вопросительно взглянул на молодого человека – ну, спрашивайте!

– Мистер Фурье, лично я благодарен Вам, меня, я так понимаю, Ваш сын, вытащил из петли! – он замолчал, и ответил натянутой улыбкой, на кивок собеседника – никаких претензий, и упрёков, я не имею права вам предъявлять. Просто хотелось выяснить, мы же, живые существа, и нам не чужды, желания, и рядовые человеческие нужды.

– Я понял к чему ты клонишь – перебил его Фурье, и потирая подбородок, лукаво произнёс – вы слабы и беспомощны, вам нужно окрепнуть, и если не укротить свои прихоти в самом начале, дать им волю, то не приведи Господь и подумать, что будет дальше!

– Мы не случайно здесь, но есть ли какая-то закономерность в том, что, ни кто иной, а именно собравшиеся являются исполнителями Ваших поручений и идей? – пронёсся стрелой поток любопытства, из уст светловолосого юноши, с предельно наивным и добрым лицом.

– Я надеялся что вопросы вы будете задавать позже, после того как я вам всё доходчиво разъясню! Сколько же в вас нетерпения, и это опасно! – Фурье неторопливыми шагами, словно прогуливаясь по солнечному парку, мечтательно рассуждал – к сожалению, ошибки, совершаемые нами, не осознаются в полном объёме, и мы начинаем наматывать бесконечные нити гнилостного и омерзительного самообмана, скользкого эгоизма, а витки становятся жирнее и насыщенней, когда личный расчёт и выгода, возносят своё идеальное Я выше разумного. И каждый из Вас пострадал от грязного, пускай и неосознанного шага, сотворённого одним из родителей. Кого-то из вас просто выбросили на улицу как ненужную вещь, кого-то грубо использовали в качестве дешёвой рабочей силы, есть и такие несчастные, променянные на алкоголь или деньги.

– Но мы-то не виноваты в этих грехах, зачем должны расплачиваться, за чьи-то грязные беды – возмутился в очередной раз белокурый юноша, немного пригвазд – мне кажется это несправедливым!

– Мистер Пике – устало отозвался Фурье – если вам станет легче, и Вы, наконец уйдёте свой словесный изливания, скажу вам честно и откровенно, дети, это расплата за грехи отцов. И так было всегда. И нет никаких поблажек, страдальцы вы или упиваетесь счастьем, родительский грех это ваша беда! И ещё – мужчина подошёл к удлинённому, двуногому столу, на котором стоял фужер с водой, и сделав пару внушительных глотков монотонно продолжил – жестока жизнь, и с этим не поспоришь! Вам и только вам даётся второй шанс, пролистните назад книгу своего существования, что там? Чем всё заканчивается? Давайте вместе ответим на этот вопрос! Вот ты, любезный и болтливый юноша, расскажи, будь добр, что ты переживал в последние дни? Что с тобой произошло?

– Недруги отца, похитили меня и потребовали невообразимую сумму – замаявшись начал он – они не хотели долго ждать, и угрожая, выдвинули свои условия, в короткий срок предоставить им крупную сумму...

– Ну, дальше – нервозно поторопил рассказчика Фурье

– Они бросили меня в подвал, и собирались убить, я просто случайно услышал их разговор!

– И так, предоставим слово даме – мужчина подошёл к совсем ещё юной особе, которая съёжившись, раскачивалась в разные стороны, и злобно озиралась по сторонам – для начала успокойся, и ответь на мой вопрос.

– Это тяжёлый грех, чем вы здесь занимаетесь! Это наказуемо! Незаконно! Вы из людей делаете дьявольских слуг! Вам это на руку, управлять нами! В вас присутствуют гипнотические способности, порабощающие нас!

– Знаете миссис Чеинвуд – начал спокойно Фурье, измотанным голосом – я не прошу благодарностей, и не собираюсь перечить вашим словам. Каждый остаётся при своём мнении! Главное не забывайте, если бы не мои помощники, гнить Вам вечно в сточной канаве!

Девушка замешкавшись, зажмуривая глаза, удручённо спросила:

– А почему из женщин нас всего двое?

– Лично для меня, все присутствующие здесь, в равенстве! Забудьте, о половой принадлежности! Никто не слабей, никто не сильней! Как же тяжело с вами, никогда мне ещё не приходилось вкладывать столько сил в слова и объяснения!

– Значит мы не первые? – полюбопытствовала Аделия

– Нет, и не последние! – дойдя до предела раздражительности, озвучил свои мысли Фурье

– Вы это следующий поток новой и молодой силы! Я не поскуплюсь на объяснения, и изложу всё доходчиво, донеся до вашего глупого и нетерпеливого сознания истину! Каждый из вас, обрёл нового себя, мы подарили, очередную жизнь, так как ваша, должна была мимолётно растворится в суете серых дней! К примеру, Аделия Монтескьери и Раин Ред, неоднократно загнанные в лапы смерти, вырывались нами, так как их отсутствие на земле, на руку, некоторым негодьям, о которых, я вам ещё поведаю – мужчина замолчал, и пустующим взглядом окинул притихших молодых людей – не завидую я вам! Слишком слабы, податливы, неуклюжи, слишком жестока будет война, которую в этот раз, мы к сожалению не выиграем.

– А в чём же не поправимая ошибка? – зазвучал взволнованный голос графини – если как Вы говорите, мы несносные и бездарные, то к чему все эти наставления и уроки? Неужели нельзя выбрать достойных, из массы людей, что живут на этом свете, где есть место и одарённым и талантливым, и просто сообразительным?

Немного смутившись, от количества вопросов, Фурье поколебавшись, решил не таясь, дабы не растягивать время, раскрыть все стороны многогранной фигуры, углы которой слишком остро впились в затуманенное воображение слушателей.

– Год от года, на протяжении столетий, Великая Книга Поколений, обновляет свои страницы, она предлагает на определённый промежуток времени ограниченное число людей, или двенадцать, или девять. Зачастую, появляются фамилии ещё не рождённых детей, чьи родители, возможно даже и не знакомы. Её информация, тайная, и кроме меня, и моего приемника, сына, Джеррарда, никто не в праве располагать ею. Данные могут меняться, к сожалению, вы не вечные, и второй шанс жизни, не даёт вам права, провести её в бессмертии. После того, как Вы выполните все приказы, решите все задачи, и тогда, никто и никогда больше, от вас ничего не потребует. Когда урок второй будет пройден, и вы проявите себя достойно, тогда и ждите ответа. И ещё, последнее, не хочу пугать, не хочу выглядеть деспотом в ваших глазах, но и не хочу фальши и сладкого бреда, смеритесь, половина из вас, а может и больше, не преодолеет пути, и сойдёт, только уже навсегда.

Помещение заполнилось густым, молочным туманом, он окутывал, словно нежным, лёгким, и тёплым покрывалом. Происходящее казалось детским сном, ласковым и добрым, сказочно волшебным. Не виделось ничего, но воображение рисовало массу любопытных силуэтов, белогривых лошадей с золотыми копытами, хрупких воздушных принцесс порхающих прозрачными, мерцающими крыльями, невысоких бородачей-карликов с огромными мешками наперевес.

– Аделия, ты это тоже видишь? – услышала графиня взволнованный голос Реда.

– Тебя я только слышу, где-то поблизости...

– Присмотрись – настаивал Ред – или я сума схожу!

– Это иллюзии – в пустоту проговорила Аделия – забыл, о чём нас предупреждали!

– А меня кто-нибудь слышит? – прорезал туман чей-то звонкий, резвый голос – мне как-то жутковато, если сказать честно!

Не спеша, словно снег на горячей ладони, таял белоснежный, льющийся поток, превращаясь в разбросанные в беспорядке обрывки шёлковой ваты. Фигуры проступали чётче, и разглядеть, друг друга уже не составляло особого труда.

– Безумство! – воскликнул Раин Ред, пребывая в полной растерянности – я бы не сказал, что бы у меня было детство, но сюжеты меня впечатлили, совсем как тогда, когда мысли рождали невообразимые сюжеты!

– Грустно – задумчиво произнесла Аделия – я ничего не рассмотрела, возможно, просто-напросто, я ни в чём не нуждалась – она подняла уставший взгляд, на приближающегося к ним невысокого, очень смуглого молодого человека – новые лица!

– Да, может быть, хотя я сидел недалеко от вас! – искренне ответил подошедший – Стэн Шакли – он протянул руку, и поочерёдно пожал ладони новым знакомым.

Гнетущая обстановка встретила трёх молодых людей. Полупустая, погрязшая в грязи и мусоре комната, окна которой, были затянуты плотной, тёмной тканью, которая пропускала тонкие ниточки света, сквозь мелкие отверстия, проеденные сыростью, или голодными паразитами. Полинялые занавески, бывшие некогда белыми, или вполне возможно какого-либо другого светлого оттенка, что сказать наверняка, означало бы ошибиться. Резной, огромных размеров сундук, стоял в углу, он был грубо и неопрятно оббит железными, продолговатыми отрезками, словно хранил что-то невероятно ценное. Тяжёлый, проржавевший замок, точно пчелиный улей, неуклюже прилепился, и так же сладко манил, заставляя решиться, и проникнуть, укрощая приступы желчного, душащего любопытства. Придвинутое вплотную к сундуку, к его боковой стенке, массивное, глубокое кресло, удивляло, дороговизной ткани, и тонкой ручной отделкой. Его мягкие спинка, сидение и подлокотники, совсем не пострадали, требовалась только немного усилий, что бы стряхнуть с него пыль и обрезки разноцветной ткани, забившиеся в небольшие складки.

Низкий, посеревший потолок, давил, словно тяжёлая, нависшая плита, заставляя невольно нагибаться. Узкий коридор, ведущий в соседнюю комнату, захламлённый осколками глиняной посуды, упирался, в высокий шкафчик, на длинных ножках, одна из которых неуверенно покосилась, и грозила в ближайшее время лопнуть. Ступая тихо и аккуратно, с опаской, и неуверенностью подошёл к сундуку Раин Ред, он встав на колени, прижал к нему свои ладони, и понуро опустил голову.

– Смее спросить, для тебя это место что-то значит? – поинтересовалась Аделия, поднимая с пола связку ключей.

– С удовольствием бы сказал нет – не меняя своего положения, хрипло отозвался Ред.

Аделия потеревила его за плечё, он неохотно повернул голову, скрывая лицо густыми прядями спутанных волос. Она протянула ему охапку ключей, односложно произнесла:

– Решись, найди нужный...

Ред не решался, он крепко стиснув зубы, грубо вырвал связку, и плотно сжав их в руках, обескуражено плюхнулся на пол. Он походил на безумца, рьяно боготворящего неодушевлённый предмет.

Монтескьери и Шакли, покорно ожидали, им было любопытно, чего же так страшится Ред, и что таит в себе такого особенного, этот злополучный сундук.

– Я больше так не буду! – раздался истерический детский голос, и мелкие, проворные шаги, шустро наполнили комнату спешащей суетой.

Мальчик подбежал к окну, и расплакавшись, закрыл маленькими ладошками, покрытое слезами, хрупкое личико. За ним, в помещение зашёл крупный, широкоплечий мужчина, с огромным животом, в который впивались мелкие пуговицы полотняной жилетки.

– Если я тебя подобрал на улице, накормив похлёбкой, то это вовсе не означает, что разрешил хозяйничать моей собственностью! – он схватил ребёнка за шиворот, и потащил к выходу – чертёнок, мелкий поганец!

В этот момент на пороге появилась совсем юная девушка, воздушная фигурка которой закрывала проход, всем своим видом говоря, о беспомощном героизме. Она взволнованно, наскоро шептала моления:

– Господин, я вас умоляю, пощадите его, он же всего лишь несчастный ребёнок – девушка безжалостно повторяла просьбы, переходящие в настойчивые моления.

Мужчина остановился, и забавляясь проговорил:

– С каких это пор, мелкая душонка попрекает меня, что я должен, а чего нет! Не забывай, тебя здесь не держу, ещё одно слово, и последуешь за ним!

Мужчина не утруждаясь, одной рукой тянул сопротивляющегося мальчика, а им вслед, слезливо и трагично глядела несчастная заступница, держа в руках неумытую кружку, с которой ещё капала вода.

Аделия, бледнея подошла к девушке, в ней она узнала мать.

– Мама – осторожно спросила она – как мне жаль.

Но юная Ариана ничего не ответив, пустующим взглядом окинула комнату, витая где-то мыслями, машинально протирая пивную кружку, о замызганный фартук.

– Так значит это твоя мать? – наконец оживившись, спросил Ред

– Так значит, этот несчастный ребёнок ты? – задала ответный вопрос Аделия, с тяжёлым вздохом опускаясь в кресло.

Воцарилась тишина. Неприятная, промозглая, как ненастная погода, в осенний хмурый день. Странное, щемящее чувство охватило сердца графини и Реда. Они молча глядели друг на друга, не смея проронить ни слова. Очередное испытание, сразило и сблизило двух молчаливых собеседников. Им было о чём тосковать, переплетая мысли друг друга тугим узлом. А позабытый и заскукавший Шакли, разглядывал стопку дешёвых картин, лежавших в углу подоконника.

– Я очень обязан твоей матери – резко вернувшись в реальность сказал Ред, вслушиваясь в гулкое эхо, повторяющее обрывки его слов – не знаю, пригодился ли я для чего-то полезного, сделал ли что-то выдающее, нет, нет и нет! Я грешил, не спорю, и порой очень жестоко! Но видно это судьба, хотя некоторые, в неё категорически отказываются верить! – он умолк, и с досадой и робостью, по привычке оценивающе взглянул на сундук – я выжил, благодаря щедрости твоей матери, получается я этого заслужил? Она, смиренная и покорная, тихая, шла навстречу урагану, зная, что бой заведомо проигран! Но она шла, сколько раз, её жестоко бранил, этот жадный и мерзкий мужлан! Её счастье, что удача улыбалась ей, чаще, чем замечал непорядок, этот жадный и пропитанный ехидством бестолковый тип!

– Как печально мне слышать твои слова, но и не гордиться я не могу – тихо и отстранённо сказала она – эта старая изжившая себя таверна пуста и безжизненна, просто отвратительное место...

– Около года оно пустоует – вмешался в разговор Шакли – здесь произошло жуткое убийство. По слухам, господина, про которого вы говорите, нашли повешенным в одной из комнат. Это дело замяли, хоть и люди жаждущие расправы, бунтовали и шумели, устраивали шествия протеста, и всё бесполезно, толпу негодующих разгоняли, так и не сумевших достучаться до истины и справедливости.

– А ты так же из Лондона? – поинтересовалась графиня.

Шакли, аккуратно сложив картины на пол, принялся ощупывать ткань, заслоняющую окно. Раздался треск сухого дерева, посеревшие опилки которого разлетелись в разные стороны, заставляя присутствующих закашляться. Сосредоточенный Шакли, озадачено разрывал своими широкими пальцами бывшую когда-то плотной, изъеденную ткань, вырывая её, из под тонких брусков, скрепленных крест на крест. Он зажмурился от яркого света, закрываясь рукой.

– Вон взгляните, мастерская, там прошла моя жизнь – выдыхая проговорил он – я ремесленник. Всю сознательную жизнь, был правой рукой отца – сколько было горечи, страданий и обиды в его взгляде, он как будто съедал, жадно, ненасытно, увиденное за окном – сейчас

мои братья, трудятся, получая удовольствие, от любимого дела, а я оказался среди этих стен, видевших грубую расправу, мне жаль себя....

Аделия подошла к нему, они были практически вровень, его могучее, широкое тело, полностью закрывало окно, поэтому ей пришлось, приподняться на цыпочках, выглядывая из-за его немного покатога плеча.

Аккуратный, трёхэтажный каменный дом, с яркой и красочной вывеской, которая беспрестанно покачивалась, от порывов ветра. Его окна и двери, скромно и не навязчиво, украшал полированный мрамор.

– Я тоже тоскую – сказала Аделия, дружески похлопав по спине – страшно представит как! Не унывай!

Словно ошпаренный крутым кипятком, подпрыгнул на месте, и ринулся к выходу обезумевший Шакли, он словно пушинку отодвинул длинноногий, высокий шкафчик, ножка которого, всё-таки лопнула, и тот уныло завалился на бок. Графиня бегом бросилась за ним, крича вдогонку:

– Стэн, стой, ты ничего не исправишь! – она сбежала по широкой деревянной лестнице, и настигнув его у входных дверей, задыхаясь проговорила – не стоит, прощу тебя!

Не дослушав её, молодой мужчина, стал жестоко, тяжёлыми ударами колотить дверь, третья попытка ему всё-таки удалась. Он скривившись потёр ушибленную ногу, и хромя поспешил уйти.

– Ты безумец! – кричала графиня – Стэн!

Но он игнорировал её наставления, пулей мчался, в соседнее здание. Его скрыл из виду кряхтящий экипаж, остановившийся около пёстрой вывески. Её передние колёса были совсем низенькие, задние же напротив, очень высокие, накопившийся песок в которых, осыпался, а изредка, и небольшие, скомканные куски грязи тяжестью падали вниз. Проворно и шустро, щупленький кучер, с мертвецки бледным лицом, ловко спрыгнул на каменную, влажную мостовую, и открыв дверцу, что-то негромко проговорил выходящей даме. Строгая, невозмутимая, отталкивающая суровость наполняла её всю. Она сжимая тонкие губы, вокруг которых уже виднелись тоненькие ниточки морщинок, подняв голову отрешённо слушала хрупкого, не вышедшего ростом кучера. Морщинистые, длинные пальцы, мяли небольшой свёрток, на который постоянно бросал понурый взгляд собеседник.

Аделия, отвлеклась от скучной пары, показавшейся ей очень странной. Она задумчиво зашагала по обширной комнате, бывшей когда-то гостеприимной таверной, кишавшей весёлыми толпами хмельных, заполненной горьким и настойчивым запахом свежего пива, терпкого вина, и крепкого рома. Она, заложив руки за спину, изучала пьянящую обстановку. Ведь именно здесь, её мать и отец, проложили начало отношениям, длящимся до сих пор. Длинный стол, заставленный всевозможной посудой, кувшинами и бутылками, манил и завораживал. Пусть содержимое тарелок и кубков отсутствовало, но невольно подступали приступы страшного голода, желание порадовать желудок, накатывало всё с новой и новой силой. Она никогда, не знавала ни одного общественного места, никогда не ступала её нога, на подобного рода заведения. Графиня, поспешно направилась в сторону деревянной, массивной стойки. Глупо наверно искать что-то съестное, в проклятом людьми месте, в котором год отсутствовала живая душа, не считая конечно вездесущих крыс и мышей, думала она, но всё же, запахнула створки навесного шкафа. Он был пуст. Аделия чувствовала себя проклятой, забытой Богом, несчастной. Она безучастно, опустила глаза, и рассмотрела небольшую, полукруглую ручку, торчащую из пола. Что бы это могло быть? Она не заставила себя долго ждать, отворив, с усилием деревянную дверцу, почему-то несколько не удивилась увиденному. Несколько рядов запечатанных

бутылок, густо покрытых толстым слоем запылившийся паутины. Поколебавшись, вынула одну из них, и пристально, болезненным взглядом смерила её. Улыбаясь, водя пальцем по пробке, допускала в себе шальные мысли. Она прекрасно помнила, о запретах, которые вторил Питер Фурье, и ей от этого, вдвойне хотелось согрешить, подбадривая словами, что в первый раз, это не столь страшно. Аделия, рывком выдернула пробку, разлив небольшое количества рома, на погрязший в песке пол. Прислонив горлышко к носу, невольно сморщилась, и отвернулась. Как можно нуждаться в этом, думала она, как может эта замаскированная под негу ошибка, сводить сума, залечивать раны. Откуда такие мысли, уговаривала себя она, если губы ещё не испробовали крепости, не обожглись, если тело не испытало прилива нового и пленяющего напитка. Да, она, послушала громкий и писклявый голос любопытства.

– Ты это чего? – испугал её встревоженный голос Реда.

– Ничего – даже не думая о смущении, широко улыбнувшись ответила она.

Раина Реда, конечно повергла в шок юная графиня. Выглядевшая обездоленной и ущербной, она противоречиво, покоряла лицо простодушной улыбке.

– Ты сидишь под стойкой, на полу, хотя здесь масса стульев – растеряно вторил мужчина – с бутылкой рома в руках! Это как?

– Пошло оно все к черту! – продолжала светиться она – рядом со мной такой замечательный парень!

– Любишь нарушать запреты?

– Мне уже всё равно, садись – она поднесла горлышко к губам, как можно наигранее.

Она прослезилась, закашлялась, насильно всучив пузатую бутылку Реду.

Он сдвинул брови, погрузился в раздумья. Блуждающим взглядом всматривался в предмет предлагаемый графиней. Затем, глубоко вздохнув, махнул рукой, и расплываясь в блаженстве, нарушил предписание,

– Что в сундуке? – поинтересовалась Аделия – мне самой, до безумия хочется знать его содержимое!

– Он пуст – прищуривая глаза отозвался Ред.

– Как? – вспыхнула графиня – неужто?

Мужчина молчал, мускулы его загорелого лица вздрогнули. Он нервно постукивал каблуком о каменный пол, иногда, нога съезжала, и крайне противно и неприятно скрипела, от песка, что приставал к подошве.

– А что там вообще должно было быть? – графиня, растягивала слова, путалась. Её зрачки расширились, покоряясь закрывающимся векам – зачем я это сделала? Раин! – вскрикнула она, толкая его плечом – не молчи! Скажи хоть слово!

Но он недвижимо сидел, стискивая зубы, и глядя впереди себя. Его лицо покорилось краске, затем побледнело. Красные пятна проступили явью, это был след клокотавшей в душе злости, грубого томления. Он силился, он боролся с собой. Он понимал, что алкоголь играет с ним злую шутку. Огненный напиток превращал его, в обкраденное чувствами существо, и он это понимал. Сколько жестокого сотворили его руки, сколько вреда, гибели, ущерба они нанесли.

– Раин – не унималась графиня, вцепившись пальцами в его воротник – не игнорируй меня, ты обиделся? Но на что?

– Нет – озлобленно ответил он, и грубо повалил Аделию на пол – ты глупая, избалованная девчонка – не следовало, меня угощать этой дрянью!

Девушка чувствовало тяжесть его тела, чувствовала, что ослабленная и угнетённая, не сможет, дать справедливый ответ, на его намеренья.

– Да что же ты! – кричала она отдирая его руки от своего тела. Ей было страшно. Она уворачивалась от его навязчивых поцелуев, что было сил, толкала и била его.

– Хватит, молю тебя, прекрати!

Графиня извернувшись, чудом покинула его ненасытные объятия. Она так думала. На самом деле, Раин Ред, переборов себя, остановив свои жаждающие и страстные порывы, убивая напрочь, чувство мужского самодовольства и бесценного эгоизма, позволил уйти, очередной жертве, разбудившей сокрытые желания.

– Как ты мог?! – задыхалась от гнева она, пятясь назад – я не та, уличная девка, за которыми ты охотился всю жизнь! Твои вольности, унижают, оскорбляют меня!

Она сшибла стул, стоящий за спиной, и вздрогнув, прижалась к стене. Дрожь охватывала её всю, страх, душил и мелкими иголками колот кончики пальцев. Колени подкосились, в голове пронёсся страшный шум, она цепляясь за деревянный стояк, ногтями, процарапала длинный, неровный след. Помутнённым взгляд уловил лёгкое движение, чья-то высокая фигура закрыла собой яркий свет, щедро льющийся, из выбитой Шакли двери.

Странная незнакомка, какой посчитала её графиня, терпеливо, и непринуждённо ожидала, пока обратят на неё внимание. Она играла своими костлявыми, узловатыми пальцами. Широкая шляпа, с огромными страусиными перьями, скрывала верхнюю часть лица, так что разглядеть её образ целиком, было сложно, не считая узких, как струна губ, и кончика, острого носа. Прямое, светло кремовое платье, с длинными, узкими рукавами, без кружев и вышивки, удивляло своей чопорной строгостью, но полы из более тёмной материи, острым конусом тянулись за ней, навивая лёгкую, противоречивую игривость. За ее спиной, сутулясь и опустив обиженно голову, покорно, превратившись в недвижимое творение, стоял кучер.

Женщина, имела тонкий и хрупкий дар, находится, на тонкой грани, быть волевой и могущественной, но источать мерцающую, насыщенную соблазнительность, которую не видишь, даже в упор, но ощущаешь, безошибочно. Даже её лёгкая походка, но уверенные, твёрдые шаги, говорили, о её пограничном состоянии, которым, безоговорочно дорожила.

– Девочка моя, мне ли не понять твоих сухих, таких невозможных слёз! Когда так хочется вылить в них всю свою обиду и негодование – она обняла Аделию, и молчаливым отворачиванием окинула Раина Реда – моя женская солидарность, подсказывает мне, что этот мужчина достоин и моих укоров!

– Он ничего не достоин – сказала, как отрезала Аделия.

– Не спеши – поучительно начала женщина, приподнимая полы своей шляпы – каждый достоин прощения! Тем более если он раскаивается в этом! Загляни в его глаза, он страдает! Да!

Ред, чёрный и пасмурный, словно туча, не находил слов, его как будто и не было в компании дам, он категорически отрицал своё присутствие, считая, это надёжным спасением. Грешная душа стыдилась своего несдержанного тела.

– Аделия, я вовсе не защищаю его, вам рука об руку, придётся пройти много, очень много! А этот безумец Шакли, встанет между вами! Разрешит раздоры и непонимания!

Женщина замолчала, она выжидала, что бы кто-нибудь из молодых людей, сказал первое слово. Но никто и не собирался, Аделия была в страшной обиде, Раин, горько сожалел, и не находил в себе сил заговорить.

– Так, ладно. Я здесь не за этим, что бы мирить вас. Разберётесь сами. Извините, забыла представиться. Лорентайн Фурье – она специально сделала паузу, что бы проследить за реакцией Аделии.

– Вы... – проронила неуверенно девушка, и закрыв глаза, покачала головой.

– Мой любимый мальчик, Мой Джерри, очень отдалился от меня. Он всегда был полон покорного послушания, был ласковым и нежным мальчиком, очень ранимым и восприимчивым. Он разбил моё сердце.

Её впалые щёки побледнели, и мелкие морщинки в уголках глаз проступили чётче.

– Джеррард, замечательный человек – единственное, что предложили помешавшиеся мысли Аделии, и не думая она озвучила их – он многое для меня сделал.

– Даже слишком – возмутилась женщина, и Аделии показалось, что даже не белизна залила лицо её собеседницы, а какая-то болезненная прозрачность.

– Простите, но я никогда, и никого, ни о чём не просила! Тем более его!

– Тем более? – вскрикнула миссис Фурье

– Вы меня конечно тоже простите – повысила тон графиня, немного придя в себя – для меня жизнь теперь кончена! Из-за вашей безумной семейки! Сначала Ваш сынок, не покидает меня, мои мысли! Он проник в мою голову, и играет моими мыслями, как вздумается! Затем, Мистер Фурье, рассказывает о законах и запретах, о новой жизни, в которой должны с кем-то бороться, идти на какие-то жертвы! Сводят с сомнительными типами, один из которых, несётся сломя голову, сшибая и круша всё на своём пути, другого – она затихла, и с клокочущем гневом взглянула на Реда, он был жалок – преследуют развращённые идеи, он слабак, идёт на поводу у своих прихотей! Теперь Вы, Миссис Фурье, обвиняете меня, в несдержанности своего сына! В чём моя вина? Если я вам нужна, прошу, не испытывайте меня, не вытягивайте мою душу! Скажите прямо, что нужно от меня, я пойду на всё что угодно! Или убейте меня, прямо здесь! Я не глупая, у меня замечательное воспитание, я образованна, поэтому разъясните мне всё, и я пойму!

– Хорошо – взволнованно ответила женщина – мои полномочия, и полномочия мистера Фурье, равны. Мы не зависим друг от друга, наши пути разошлись, и уже давно. Что-то зависит от меня, что-то от него. Я несу свой мир на своих плечах, жертвуя, сочетая, исполняя. Я повинуюсь заботам о разрушении и угнетении планов, моего прежде горячо любимого и дорого мужа Питера Фурье. Он же сеет, и пожинает плоды успеха, на протяжении уже не одного десятка лет. Я одна. У него же, есть вы. Слуги, жертвы, рабы. Вам может показаться, что мои слова – пустое. Но, судите сами.

Миссис Фурье, молча, подошла к словно окаменевшему кучеру, и что-то очень тихо прошептала ему. Он вытянулся в струнку, и одобрительно кивнув, незамедлительно направился к экипажу. Она, не обернувшись, лишь, повернув слегка голову, теряя в лучах солнечного света свой заострённый профиль, превратилась в центр, яркой и ослепительной вспышки.

– Ваша воля – начала она – я просто хочу, предложить вам нечто другое.

Аделия не решалась, она, запутав до предела своё сознание, искала ещё один выход. Но его не было. Перед ней была только одна дорога, повинование. И она вроде бы согласилась, и уже ступила на извилистый путь, как вспомнила, неудобного и грешного спутника, от вида которого ей становилось противно, но от присутствия которого не было спасения.

Карета резко тронулась, и уверенно покатила по отшлифованной мостовой. Колёса обиженно взвизгивали, рессоры как бы забавляясь, плавно, покачивали светящейся серебром кузов. Хрупкий и молчаливый кучер, изменив себе, кричал обрывистые фразы, двум сонным и неторопливым лошадям, иногда добавляя к недосказанности, хлёсткий и резкий щелчок кнута.

Тонущие в густоте и насыщенности, тёмно красного бархата, неслись в лабиринт новых загадок и томлений, Аделия Монтескьери и Раин Ред, в компании мистической незнакомки, протянувшей руку, из заоблачной надежды. Все молчали. Единственный, робкий крик помутневших глаз, истязал тишину, сокрушал и молил. Забыв о пережитом, о запятнанном существовании за гранью порядочности и человечности, забыв о крови и слезах на своих алчных, жадных ладонях, о крахе своего заблудшего и потерянного проблеска любви и доброты. Он поддался течению, выгодному и удачному для себя, пусть за плечами хаос и разруха, зато в руках, хоть искажённая и сомнительная, но реальность, перемена весомая и требующая ликующих аплодисментов! Но привычки, полные хлама и мусора, норовят заявить о себе, и неудержимым потоком ломятся в запёртую дверь, иногда просачиваясь сквозь крохотные щели, или замочную скважину. Ред, не смел проронить ни слова, он онемел, первый раз в жизни, за него говорили глаза. И Аделия, как не глупый и догадливый человек, безошибочно читала просьбы о пощаде, желании искупится, но никак не рухнуть на колени. Этот тяжёлый, леденящий взгляд

исподлобья, слишком гордый, слишком хитрый, слишком много в нём противоречий, но он однозначно несчастен.

Она так же, была погружена в раздумья, хмельная волна, растворилась в страхе и тревоге за себя. Аделия искала, и не могла найти, в себе тот дьявольский огонь, который горит в ней, и притягивает продрогших. Ей хотелось потушить его, не оставив ни искры, ни тепла, а золу, покорить ветру, что бы тот, разметал её, и растворил в бесконечной череде неиссякаемых однообразных дней. Она жалела об одном, почему, не спешит обогреться у её щедрого костра, озябшая и независимая душа пленительного моряка. Ей становилось стыдно за откровенные надежды и смелые решения, на которые её толкала тоска, печаль, грусть о милом незнакомце. Неужели, разбаловала её судьба, предлагая приличный список, в чём-то достойных, в чём-то полезных, в чём-то незаменимых, но смяв листок, и бросив ей в лицо, Аделия не жалея, лезвием на сердце написала новое имя, нарочно, что бы наверняка, трепеща и содрогаясь.

– Молодые люди – улыбаясь проговорила женщина – мне бы не хотелось вмешиваться в ваши размышления, но скоро мы доберёмся до места, и я распоряжусь принять вас как подobaет. Не сочтите за грубость или за нелестный намёк, примите, как должное, предоставляемое хозяевами дорогим гостям. Вы явно устали, и думаю, не сочтёте лишним порадовать и побаловать себя.

– Как будет угодно Вам, наша воля, остаться благодарными за ваш благосклонный приём – кивнув головой ответила Аделия, вспоминая свою прежнюю жизнь, усеянную, добрыми пожеланиями и излишеством обоготворений.

Движение прекратилось, дверца распахнулась, и воздух содрогнуло звонкое, и тёплое приветствие. Лорентайн Фурье, искренне улыбнулась, и приняв помощь, покинула пределы кареты. Аделия поколебавшись, последовала за новой знакомой, и невольно, глубоко задышав, она почувствовала, лёгкое головокружение, граничащее с забвением. Они очутились на одной из множества каменных тропинок, змеями плетущимися по густой невысокой траве. Десятки фонтанов, соревновались между собой, демонстрируя мелодичный перелив, безумство и буйство красок, необычность форм. Но один, самый массивный, самый изошрённый, имел облик трагичного лица, льющего мощным потоком, ручьи неукротимых слёз, разбивая их о зеркальное дно, и теряясь в миллионах пузырьков, искрящихся синеватым блеском. Миссис Фурье, о чём-то умиротворённо говорила с приветливым мужчиной средних лет, его ярко очерченные брови, удивлённо вздымались, затем, острым углом прильнув к переносице, поглощено вздрагивали, по-видимому, реагируя на речи строгой хозяйки. Он покорно поклонился, и направился по тонкой тропинке, которая упиралась в причудливый и бледноликий фонтан. Мужчина растворился в лёгком облаке, нависающим дымкой, над беснующейся водой.

– Ну что, мои дорогие, мы ступили на мои скромные владения, терпящие бедствия! Когда-то всё было по другому, я не была здесь одна, со мной были мои любимые мужчины. Всё приходит в упадок, как бы печально это не звучало! – сказала Лорентайн Фурье с безысходностью в голосе, и обидой на лице – Питер повёлся на крупную наживку, обретая силу, обретая власть, обретая полномочия разрешающие, играть людьми, как вздумается, преследуя лично свои эгоистические цели.

– Мне становится понятно многое – задумчиво произнесла Аделия – те двенадцать человек, которых предложила Великая Книга, которых собрал он, которых спас от неминуемой гибели, дав второй шанс, губили именно Вы?

Миссис Фурье не отвечала. Ей стало крайне стыдно и неловко глядеть в глаза людям, чьи жизни, она обрубала на корню.

– Другого выбора у меня не было. Вы это малая жертва, это лучшее, что я могла сделать. А ныне вы все живы, в здравии, полные молодых, неукротимых сил, как раз, самое подходящее для человека ненасытного и просящего! Питер... – она повторно замолчала, в ней не утихала

тоска о прежде любимом мужчине, и это бросалось в глаза – Питер оставил меня одну, и забрал самое дорогое что у меня было. Моего ребёнка. Лучше немного пройтись, как вы считаете?

– Да, поддерживаю Вас – скованная мыслями, очень тихо процедила графиня.

Раин Ред, шествовал за женщинами, не желая поддержать разговор. Он тосковал о своём. Ему было лестно, просто идти, и не оглядываться, не страшась ножа в спину.

– А смысл всего? Суть нашей помощи? – поинтересовалась Аделия

– Вы особенная сила, открывающая множество дверей. Это очень рискованный шаг. Так как вы все-таки люди. Много, может не получится, и я это понимаю, Питер Фурье, нет. Мои попытки расположить к себе, кого-нибудь из списка, заканчивались неутешительно. Вы всё увидите. Сейчас.

Лорентайн Фурье ускорила шаг, поманив за собой Монтескьери и Реда. Остановились они у главного фонтана, тот моментально затих, и растворил небольшие овальные ворота, выплывающие из глубины зеркального дна. Женщина приподняв полы длинного платья, сожаляющее произнесла:

– Будьте аккуратны, ненароком можно и поскользнуться! Всё рухнет, приходит в негодность. Мне жаль.

Последним зашёл Ред, он испуганно вздрогнул, и покосился назад.

– Не волнуйся – проговорила заботливо Миссис Фурье – вы в полной безопасности!

– Странно звучат эти добрые слова, слетевшие из уст человека неоднократно желающего погубить нас! – неожиданно для самой себя возмутилась Аделия.

Лорентайн не ответила на грубую мысль сказанную не обдумав. Она удалилась от них в глубь посеревшего, заставленного картинами коридора, и коротко сказала:

– Можете знакомиться. Тайн от вас я уже не имею. Возникнут вопросы, за ужином их решим. А пока, извольте!

Аделия, не имевшая особого желания взглянуть в чьи-то лица, и снова топить себя в бурлящих водопадах загадочных страстей. Она ради любопытства, или даже скорее всего из праздного безделья сдёрнула простыню, с одной из картин, висевшей в шаге от неё. Джеррард, запечатлённый, совсем ещё наивным и беспомощным ребёнком, очень милым, с такими трогательными ямочками на розовых щеках, с пухлыми, нежными губами, с глазами полными тревожных надежд. И что сделало время, отсчитав тридцать лет, в какого мужчину превратило его!

– Смею спросить, этот слащавый тип, своей нежной хитростью и ранимым видом, разжёт твой интерес? – раздражаясь спросил Ред, закрывая собой картину.

– Да кто ты вообще такой? – прижала его к стене Монтескьери своими бледными кулачками – мне наплевать на тебя, на него, на всех вас вместе взятых!

– Я же не просто так пошёл сюда за тобой! На верную гибель! – словно не слыша её слов отозвался мужчина.

– Ха! – сжав губы произнесла Аделия, вцепившись крепче в рубашку Реда – ты, я смотрю быстро учишься! Схватываешь на лету! Гибель, говоришь? Из каких это соображений?!

– Я, как и ты, ничего не знаю! Но догадаться не сложно! Мы вместе, а значит мы сила! Неспроста нам твой неподражаемый Джеррард Фурье, всё обрисовал хоть и скудно, но довольно доходчиво! Нам никак нельзя оставлять друг друга! Я думаю, когда вернёмся в то место, что связало нас когда-то, всё прояснится!

– Не разговаривай со мной как с ребёнком – расслабив свои пальцы произнесла Аделия – нам нужно знать, чего от нас хочет эта женщина! Не просто же так мы здесь! Может это наш шанс? Может её мужёнок это гибель?

– Как бы ни было, мы по любому останемся в проигрыше!

– Почему так? – спросила Аделия. Казалось, она зарыдает, её глаза покраснели, губы искривились – почему я должна тебе верить? Ты убийца, вор, мошенник, в общем, кусок грязи!

Ты сидел за решёткой, среди таких же отъявленный исчадий ада! И сейчас предлагаешь идти рука об руку с тобой? Заставляешь верить тебе? Ещё раз спрашиваю, почему?

– Наверно потому что я человек – флегматично ответил он, проведя ладонью по её волосам.

– Не трогай меня – заревела графиня, отталкивая его от себя – а кто тогда они? Кто? Раз ты такой умудрённый! Ответь!

Аделия, полная отчаяния, взявшись руками за голову, скользнула спиной по стене, и поднимая застланные болью глаза, повторила свой вопрос:

– Кто, они?

– Мне неоднократно рассказывали про это, старые, прошедшие свой длинный и нелёгкий путь моряки! Это миф... по крайней мере я так раньше думал.

Ред замолчал и с улыбкой спросил:

– Можно присесть рядом? Драться не будешь?

– Ты меня очень обидел, и не считай, что я такая легкомысленная и простила тебя! Ты ещё ответишь за свой поступок!

– Значит дорого вина с тайников твоего отца мне не видать?

– Уже нет! – рассердилась Аделия, и потянув его за край плаща договорила – не заговаривай меня! А продолжи лучше свои мифы о моряках!

– Ты такая смешная!

– Если сейчас ты собираешься выдумывать, чтобы заинтересовать меня, то и не начинай! И прекрати свои глупые заигрывания! Отвратительно и совсем не умно это выглядит!

Раин Ред, с нескрываемым любопытством глядел на графиню. Он представлял дам высшего света сухими и молчаливыми недотрогами, соблюдающими определенные правила в обращении с мужчинами. Да, не та обстановка располагающая к любезностям, и к скромным улыбкам, и он не тот человек, который достоин носить имя Мужчина, но его обескураживала её натура, одна сторона которой, маленькая, ранимая и доверчивая девочка, другая – манящая, пробуждающая страсть и интерес женщина.

– Может уже хватит – вздыхая пробормотала Аделия – меня раздражает твой оценивающий взгляд. Я не вещь!

Ред испытывал её терпение. Ему была присуща черта истязать людей, своими пронзительными, дьявольскими глазами. Несчастные всегда терялись, им казалось, что видит их насквозь. В какой-то степени так и было. Эта черта переходила в обязательство, затем в привычку. Он источал жестокость, не человеческую, леденящую душу, заставляющую сдаться.

– Мне кажется, эта чушь, нашумевшая в тесных кругах моряков, является неким стимулом, быть всегда наготове. Люди любят выходящее за грань.

– Но мы-то тому доказательство – произнёс задумчиво Ред – проще верить в то, чего уверен что нет, чем, в кристальную истину, бросающуюся в глаза.

– Ты меня пугаешь! – отозвалась, слегка улыбнувшись графиня.

– Понимание качества жизни не зависит от образования и социального статуса.

– Ты бы неплохо вписался в круги моего обращения. Там, таких как ты, хитрецов и подхалимов, не счесть. Твой искусственный налёт кажущегося воспитания, обрекает уважать и побаиваться тебя!

– Ты мне льстишь – расплылся в улыбке Ред – ты умеючи разбираешься в людях, а для твоего возраста, это похвально.

– Мой возраст, мой возраст – повторилась графиня и неохотно встала, она накинула простыней портрет юного Фурье, и лениво пробормотала – вот это – ребёнок! А я вполне сформированная личность, с недюжим списком достоинств и недостатков!

По стене, всё настойчивее и настойчивее, одна за одной, стали сочиться тонкие струйки воды. Словно, на немного прогнувшийся потолок, давила, плотная толща воды. Раин Ред панически глядя на это, произнёс:

– Они вероятно были правы! Каждая сплетня, переплетённый, скомканный клубок, из которого выудить истину или ложь невозможно, как и невозможно их разделить.

– Ты о чём?

– О том, что над нами много мильная толща воды, по которой бороздит не один десяток парусников. Я просто ума не приложу, как мы сюда попали...

– Так же, как и попали в ловушку семейства Фурье!

Под ногами заблестела вода, стремящаяся ледяным потоком. Она настойчиво билась о сапоги, превращаясь в разноцветные брызги. На своих влажных ладонях, щедро несла, размокшие обрывки картин и щепки позолоченных рамок. Аделии вспомнилось видение, подаренное Питером Фурье, на душе стало теплее, но вдруг сердце вздрогнуло, и застыло. К её ногам, прибилась чёрная косынка, которая покрывала голову её любимого сердитого моряка, защищая от безжалостных солнечных лучей. Холод пробрал всё её тело, изнутри её грыз страх, кожа приобрела синеватый оттенок, заметив происходящее, Раин насторожившись спросил:

– Что с тобой? Эй!

Но она не отвечала, сминая в пальцах тёмную материю, с которой тянулись, прозрачные нити океанской воды.

– Что ещё ты знаешь? – с надеждой в голосе спросила она собеседника, словно он был одним из зачинщиков подобной игры.

– Мы вовлечены в круг этого безумия, и вынуждены будем мириться с желаниями и прихотями наших попечителей! Они – это пальцы, а мы марионетки! Что это? – полюбопытствовал Ред – К чему тебе это тряпье?

– Господи, Михаэль, надеюсь с тобой всё в порядке... – она прижимала к губам его косынку, затем спрятав в ней лицо, чуть слышно прошептала – ты не должен страдать из-за меня...

– Михаэль? – встрепенулся Раин Ред, и потряс Аделию за плечи – о ком ты? Не сходи сума! Да что же это такое? Ты меня слышишь?

Аделия прекрасно его слышала, но не могла сформулировать ответ. Всё так не складно и не ясно, что растерянность охватила её. Этот моряк, не больше чем незнакомец, о котором она абсолютно ничего не знала, который словно загадочная тень поманил её.

– Он ненавидит меня – сказала она, и спрятав объект вожделения, наконец-то взглянула на Реда, и иронично подмигнув продолжила – я, слишком ничтожна. Да? Хотя нет, не отвечай. Не стоит.

– Тебя зацепили за живое! Какой хитрый, коварный шаг с их стороны! – рассуждал он, глядя на понурое лицо графини – им повезло, ты удачная наживка! Мне жаль! Как мне жаль! Неужели они так и будут тебя несчастную цеплять?

– Не раздувай костёр, ладно? У нас нет с ним никаких отношений! Мы друг для друга никто! – сколько было горечи и сожаления в её последних словах, но мужественно она продолжала – я для него, почему-то ненавистная и омерзительная, он для меня... – она замолчала, и вздохнув добавила – желанный незнакомец.

– Я не верю в это! – воскликнул мужчина, хватая Аделию за руку – только лишённый рассудка, отвернётся от тебя!

– Не могу же я нравиться всем! – огрызнулась графиня – и вообще, закроем эту тему, у нас другие задачи требуют решений. А то моя ноша, и тянуть её буду без твоей помощи!

– Не хочу вас перебивать мои дорогие и уважаемые гости – выплыло словно приведение, утончённое и исхудавшее тельце хозяйки. Она облачилась в мерцающее белое платье, которое делало её практически прозрачной – но вы сами прекрасно видите, какое несчастье обруши-

лось на меня и мои владения. Поэтому предлагаю не задерживаться здесь, а пройти со мной в обеденную залу.

Коридор заканчивался лестницей, ведущей наверх. Каменные ступени отражали эхом каждый шаг, и казалось, это больше походило на поспешный стук встревоженного сердца. Хозяйка пропустила гостей вперёд, устало произнеся:

– Если у нас с вами всё получится, то и обстановка вокруг, приобретёт совсем иные краски.

Они остановились в абсолютно пустом, тёмном помещении. Полы источали ужасающий скрип, они были покрыты вьевшейся копотью, затёртые, старательной рукой преданных слуг.

– Последуем дальше – стыдливо заторопилась Лорентайн Фурье.

Гнетущий гул давил, извне доносились странные, приглушённые раскаты, напоминающие пушечные выстрелы.

– Прошу, будьте любезны, располагайтесь! – доброжелательно кивнула женщина, и запахнула волнообразную, бледно голубую дверь, за которой открылась огромных размеров комната.

Паркетный, клетчатый пол, издевательски рябил в глазах, вместо чёрного и белого, коим он был, он щедро перебирал и остальными, более насыщенными оттенками. Длинный узкий стол, тянулся стеклянной лентой, с плавных краёв которого капали редкие, и тягучие, словно кисель капли воды. Несколько тощих и дрожащих, словно от холода слуг, как обезумев, кидались и натирали до сухого блеска всю поверхность, неисправного стола. Приводила в панический тупик, вся атмосфера, искалеченной обстановки. То, что сложилось в сознании, за годы, словно пришло в негодность. Где окна, из которых струиться жизнерадостный и яркий свет, где цветы и их благоухание, и наконец, где человеческое начало, наполненное суетой, радостями и переживаниями? Осталось лишь лицезреть полуживых, охладелых существ, чем-то отдалённо напоминающих человека, окружённых не менее безумным происходящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.